

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРОТИВ
КСЕНОФОБИИ, НЕТЕРПИМОСТИ, ДИСКРИМИНАЦИИ
ПО МОТИВАМ РЕЛИГИИ ИЛИ УБЕЖДЕНИЙ**

Москва • 2007

УДК 323.1(470+571)(081.2)
ББК 66.3(2Рос),54я44
Г75

Подготовка и печать сборника осуществлены при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

Составитель С. А. Бурьянов

Г75 Гражданское общество против ксенофобии, нетерпимости, дискриминации по мотивам религии или убеждений : [сборник] / [сост. С. А. Бурьянов]. — М. : Московская Хельсинкская группа, 2007. — 160 с. — ISBN 5-98440-040-5.

И. Бурьянов, Сергей Анатольевич, сост.
Агентство СІР РГБ

Сборник посвящен проблемам роста ксенофобии, нетерпимости, дискриминации по мотивам религии или убеждений и насилия на их почве в контексте современных тенденций религиозной политики российских властей и выработке подходов к их решению со стороны гражданского общества.

Издание содержит материалы ряда круглых столов и публичной дискуссии, организованных гражданскими организациями (Московская Хельсинкская группа, Институт свободы совести, независимый информационно-аналитическое Интернет-издание о религии «Портал–Credo.Ru», Музей и общественный центр имени А. Сахарова, общественный фонд «Гласность» и др.) при участии ведущих экспертов России. В ходе обсуждений были рассмотрены теоретические и практические вопросы свободы совести, светскости государства, противодействия ксенофобии, нетерпимости, дискриминации, влияния отношений государства и религиозных объединений на состояние демократии, политику и выборы в современной России. В частности, детальному экспертному анализу подвергнуты проблемы преодоления исламофобии и введения института войсковых священников.

В книге приводятся документы Всероссийского гражданского конгресса (ВГК) и рабочей группы по свободе совести комитета действия ВГК, которые дают принципиальную оценку ситуации и содержат стратегические направления для реализации конституционных принципов свободы совести и светскости государства, преодоления ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в многонациональном и поликонфессиональном российском обществе.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, государственных служащих, правозащитников, всех, интересующихся проблемой реализации свободы совести и противодействия ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в современной России.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

5

1. КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ ДО И ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА В СИНАГОГЕ НА БОЛЬШОЙ БРОННОЙ»

6

2. КРУГЛЫЙ СТОЛ «СПАСТИ РЯДОВОГО СЫЧЕВА. ПОМОЖЕТ ЛИ ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И БОЕСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ?»

33

3. КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСЛАМОФОБИЯ КАК ВЫЗОВ ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ»

88

4. ПУБЛИЧНАЯ ДИСКУССИЯ «СВОБОДА СОВЕСТИ, ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ» И ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

129

5. ДОКУМЕНТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОНГРЕССА И РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО СВОБОДЕ СОВЕСТИ КОМИТЕТА ДЕЙСТВИЯ ВГК

151

ВВЕДЕНИЕ

В современной России демонтаж демократических институтов и наступление на права и свободы человека сопровождаются небывалым ростом ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве.

Крайне серьезной проблемой являются нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений, которые в значительной мере вытекают из доминирующих тенденций религиозной политики нынешних российских властей.

Среди последствий этой неконституционной политики обращают на себя внимание системные нарушения законных прав как верующих, так и неверующей части общества.

Особую озабоченность вызывают преследования мусульман и массовые нарушения прав родителей и детей на воспитание, образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям.

Рост числа насильственных акций силовых структур государства в отношении членов религиозных объединений говорит о предельной остроте данной проблемы и необходимости срочных действий со стороны гражданского общества.

Наряду с формированием коалиции гражданских организаций в целях систематизирования и повышения эффективности работы по противодействию ксенофобии, нетерпимости, дискриминации на основе религии или убеждений, важную роль играет экспертное направление работы.

На базе комитета действия Всероссийского гражданского конгресса (КД ВГК) была создана рабочая группа по свободе совести, которая фактически выполняет координирующие и экспертно-аналитические функции.

Разработаны стратегические подходы, основные направления деятельности и план конкретных мероприятий, среди которых проведение экспертных круглых столов, публичной дискуссии, мониторинговых исследований, реализация издательской программы и пр.

В настоящее время программа рабочей группы одобрена комитетом действия ВГК, а проблема реализации свободы совести признана одним из важнейших приоритетов Всероссийского гражданского конгресса.

Данная книга содержит некоторые результаты мероприятий, проведенных совместными усилиями гражданских организаций, среди которых Московская Хельсинкская группа, Институт свободы совести, Независимое информационно-аналитическое интернет-издание о религии «Портал-Credo.Ru», Музей и общественный центр им. А. Д. Сахарова, общественный фонд «Гласность» и др.

Л. М. Алексеева

1. КРУГЛЫЙ СТОЛ

«РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ ДО И ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА В СИНАГОГЕ НА БОЛЬШОЙ БРОННОЙ»

Место и дата проведения

Москва, редакция «Портала-Credo.Ru», 10 февраля 2006 года.

Организаторы

Институт свободы совести, Независимое информационно-аналитическое Интернет-издание о религии «Портал-Credo.Ru», фонд «Гласность».

Участники

Бурьянов С., сопредседатель Совета Института свободы совести;
Емельянов В., исполнительный директор ассоциации «Время и Мир»;
Киреев Т., пресс-секретарь Федерации еврейских общин России;
Мозговой С., сопредседатель Совета Института свободы совести;
Ойвин В., заместитель председателя правления фонда «Гласность»;
Ситников М., независимый журналист;
Славушинская М., сотрудник МБПЧ;
Солдатов А., главный редактор «Портала-Credo.Ru» и религиозный обозреватель еженедельника «Московские новости».

Информационная поддержка

«Портал-Credo.Ru», научный гуманитарный журнал «Политика и общество».

Цель круглого стола

Экспертное обсуждение проблемы роста насилия на почве ксенофобии и нетерпимости в контексте современных тенденций религиозной политики российских властей и выработка подходов к ее решению.

Задачи круглого стола

- обсуждение динамики актов насилия в отношении национальных и религиозных меньшинств;
- выявление основных причин усиления ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве в российском обществе;
- обсуждение возможной взаимосвязи нетерпимости в российском обществе и современных тенденций религиозной политики;
- выработка рекомендаций по преодолению насилия на почве ксенофобии и нетерпимости в многонациональном и поликонфессиональном обществе.

Вопросы для обсуждения

Где следует искать основные причины насилия на почве ксенофобии и нетерпимости в современной России? В обществе? В политике власти?

Существует ли взаимосвязь между тенденциями роста нетерпимости в российском обществе и современной религиозной политикой российских властей? Если да, то каковы ее содержание и механизмы?

Способствует ли применение «двойных» или «тройных» принципов по отношению к религиозным организациям («традиционные» — «нетрадиционные» — «секты») в деятельности органов власти и государственного управления (в т. ч. в государственной информационной политике) достижению толерантности, межконфессионального мира и согласия?

Будет ли способствовать ужесточение законодательства в отношении проявлений ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве преодолению этих явлений?

Поможет ли в борьбе с нетерпимостью использование в религиозной политике понятий «духовная безопасность», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм»? Каковы причины их появления в науке, законотворчестве и СМИ? Как их применение отражается на состоянии реализации свободы совести?

СТЕНОГРАММА

Ведущий — Александр Солдатов.

Александр Солдатов. Мы начинаем первый круглый стол, инициированный независимым интернет-изданием о религии «Портал-Credo.Ru». Идея таких круглых столов возникла некоторое время назад, но воплотить ее нам не удавалось, поскольку всякий раз, выбирая какую-то актуальную тему, мы сталкивались с неразрешимыми противоречиями в нашем религиозном экспертном сообществе: постоянно кто-то отказывался от участия в таких круглых столах. Поэтому я очень рад, что сейчас представители как религиозных конфессий, так и экспертного сообщества смогли собраться для того, чтобы обсудить весьма актуальную тему — религиозную политику российских властей до и после инцидента в синагоге на Большой Бронной.

Событие, ставшее поводом для нашей встречи, произошло в начале января — фактически в дни Рождественских праздников. Человек, чьи взгляды, которые мы знаем, к сожалению, только в изложении представителей правоохранительных органов или еврейских религиозных общин, человек, видимо, руководствующийся определенными экстремистскими взглядами, совершил такой, мягко говоря, странный поступок — ворвался с ножом в синагогу на Большой Бронной улице и нанес телесные повреждения молившимся там людям. 14 февраля, через несколько дней после нашего круглого стола, начинается судебный процесс над этим человеком, Александром Копцевым, во время которого, может быть, широкая публика, общественность услышит наконец-то его прямую речь, услышит какие-то объяснения его мотивов. Насколько мы знаем, этот процесс не объявлен пока закрытым. Будем надеяться, что он пройдет в обстановке гласности.

Но за эти дни, за этот месяц, который разделяет сам инцидент и начало судебного процесса, произошло еще несколько событий, которые позволяют говорить о нарастании межрелигиозной напряженности. На днях очередному налету подвергся офис Церкви Божией Матери Державная в Москве, которую официальная церковь Московского патриархата считает «тоталитарной сектой богородичников». Тем не менее она является официально зарегистрированной религиозной организацией, которая нахо-

дится под защитой российского закона, но этот закон ее абсолютно не защищает, потому что уже не первый раз погромщики совершают нападение на этот офис.

Несколько инцидентов с синагогами произошли в регионах России и ближнего зарубежья. Через несколько дней после преступления Копцева был инцидент в Ростове-на-Дону, где налетчик прямо ссылаясь на пример своего московского единомышленника и вдохновлялся этим примером. В минувшие выходные был инцидент в Киеве — там была попытка совершить налет на синагогу Бродского, и тоже есть предположение, что налетчики вдохновлялись примером своих московских единомышленников. Что-то подобное происходило в Петербурге, где антисемиты избрали в качестве объекта выражения своих взглядов еврейское кладбище, где постоянно происходят погромы надгробий.

У меня есть ощущение — я его несколько раз излагал в своих публикациях, — что за нынешним всплеском ксенофобии на религиозной почве стоит не то чтобы продуманная политика российских властей, но некоторая установка на то, что социальный пар, некое социальное напряжение, которое нарастает в период второго президентского срока господина Путина, можно выпускать время от времени в виде такой ксенофобской разрядки — можно позволять каким-то экстремистски настроенным группам общества притягивать к себе внимание, намекать остальному пассивному обществу, болоту, так называемому, на то, что причинами наших несчастий, социальных бедствий являются разные меньшинства — будь то национальные или религиозные меньшинства, благо традиция ксенофобии по отношению к меньшинствам в России очень велика и уходит корнями в глубь веков. Как правило, этот инструмент срабатывал эффективно и приносил власти определенную сиюминутную пользу. Не имеем ли мы дело с тем, что и сейчас федеральная власть, Кремль сознательно используют эту особенность национальной психологии и время от времени выпускают пар, не противодействуя этим кампаниям?

Лучше всего участие Кремля, причастность Кремля к этому выпуску пара видны на примере с историей «письма 500» — антисемитского письма, появившегося в прошлом году, когда прокуратуры всех уровней, в которые обращались представители еврейской общественности и правозащитных организаций, как по какой-то невидимой команде, по мановению какой-то палочки, выдавали однотипные заключения, что в этом письме не содержится признаков антисемитизма. Самое последнее решение подобного рода имело место на прошлой неделе, оно вышло из стен Басманной прокуратуры, прокуратуры с таким нарицательным именем, в ответ на обращение правозащитников, и оно содержало однозначную оценку «письма 500» как не содержащего признаков антисемитизма.

Когда это происходит уже после кровавого налета на синагогу, это вдвойне знаменательно. Поэтому хотелось бы начать нашу дискуссию с вопроса о том, насколько, по-вашему, причастна власть к этим инцидентам, имеют ли они какой-то системный характер — может быть, не сами инциденты, а однотипная реакция правоохранительных структур на них, — не свидетельствует ли она о том, что есть определенная установка у администрации президента, у людей, которые отвечают там за разработку конфессиональной политики, на то, чтобы выпускать пар в таких формах, чтобы несколько потворствовать народным эмоциям, канализировать социальную энергию в область бытовой ксенофобии, наилучшим объектом которой являются, для России по крайней мере, евреи. Они в какой-то степени и безопасны, в общем-то, по сравнению с мусульманами, например, для российской власти.

Если наш гость Тимур Киреев хочет добавить какие-то фактологические подробности о последних инцидентах, то мы будем за это благодарны, если нет, то можем перейти сразу к обсуждению поставленного вопроса.

Что было после налета? Как развивался процесс?

Тимур Киреев. 11 января, во вторник, произошел налет на синагогу в Москве, в пятницу, 14 января, был инцидент в Ростове-на-Дону, 3 февраля, в выходные, в Киеве тоже имел место подобный инцидент. Во всех случаях, происшедших после инцидента в синагоге на Большой Бронной, нападавшие говорили или как-либо заявляли о том, что именно московский случай вдохновил их на действия. Надо тут же оговорить, что мы ожидали, в принципе, подобных последствий, поэтому подготовились заранее, и благодарны МВД России и другим властным структурам, которые помогли нам избежать каких-либо осложнений в этом направлении.

Вы знаете, уже 12 января, то есть на следующий день после нападения на синагогу на Бронной, главный раввин России Берл Лазар вернулся в Москву, посетил все больницы, где пострадавшим была оказана помощь.

При этом нельзя не отметить, что в целом реакция наших служб экстренной помощи была незамедлительной и четкой, всем людям была оказана достойная помощь, за что мы очень благодарны и признательны. Совсем недавно, на прошлой неделе, Федерация еврейских общин Украины даже наградила людей, которые помогли пострадавшим, специальной наградой.

А. Солдатов. Имеется в виду структура Вадима Рабиновича?

Т. Киреев. Да. Награждение прошло в синагоге на Большой Бронной, и инициатором этого награждения был в том числе Ицхак Коган, раввин синагоги.

Также напомним, что уже 12 января раввин Лазар встретился с генералом Владимиром Прониным, начальником ГУВД Москвы, который дал стопроцентные гарантии, что все синагоги и объекты первоочередной важности для еврейской общины России, независимо от их организационной принадлежности, взяты под усиленную охрану. Что и было сделано. Были выставлены дополнительные пикеты милиции и усилена охрана теми охранными предприятиями, с которыми заключены договоры на эту тему. В последующие дни состоялись встречи раввина Лазара с Генеральным прокурором РФ Владимиром Устиновым, а также министром внутренних дел России Рашидом Нургалиевым. Потом он встречался с председателем Комитета по общественным организациям и религиозным объединениям Госдумы Сергеем Поповым.

Таким образом, был проведен ряд встреч с представителями государственной власти. Встречи показали, что общая реакция — это шок. Никто не ожидал ничего подобного. Это видно.

А. Солдатов. Вас не смущало, что в первые дни после налета все представители правоохранительных органов в один голос говорили, что считают Копцева невменяемым, что, скорее всего, это просто неадекватный поступок психически больного человека? Это была чуть ли ни официальная версия довольно долгое время.

Т. Киреев. В этом, как мне кажется, ничего удивительного видеть не стоит.

А. Солдатов. Так выразился просто шок?

Т. Киреев. Совершенно верно. Какой нормальный человек мог бы сделать то, что совершил Копцев? И до тех пор, пока медицинская экспертиза не была проведена, я думаю, что такое мнение о его психическом состоянии вполне имело право на существование. Это не значит, что если бы его, в конце концов, признали невменяемым, все

было бы хорошо. Как раз наоборот. Позиция Федерации еврейских общин России состоит в том, что если бы нападавший был признан невменяемым, это было бы только укором обществу в целом. Это означало бы, что людям, нуждающимся в помощи и особой заботе общества, людям с неуравновешенной психикой, неспособным самостоятельно ориентироваться в жизни, оно не уделяет должного внимания. Наоборот, допускает ситуации, когда вниманием таких людей беспрепятственно могли завладеть идеи, изложенные, например, в «письме 500» или «Майн кампф» и других книгах антисемитского и ксенофобского содержания, посредством телевидения или Интернета.

Я подчеркиваю, что позиция Федерации еврейских общин России состоит в том, что антисемитизм — это лишь одно из проявлений ксенофобии, хотя часто эти два понятия как-то разделяют. На самом деле не следует их разделять. Ксенофобия — она везде одна и та же. Просто евреям, может быть, досталось больше всех, и антисемитизм — это наиболее яркая форма проявления ксенофобии, когда-то ставшая частью политической идеологии. Мы не разделяем этих понятий. Более того, Федерация делает все возможное, чтобы не допустить проявлений любой ксенофобии по отношению к представителям любых конфессий и национальностей. В России невозможно и неправильно было бы говорить по этому поводу «моя хата с краю».

А. Солдатов. Тем не менее мы не видим каких-то заявлений Федерации по случаю, например, налета на «Богородичный центр», по случаю избияния муфтия в Сергиевом Посаде, которое было в прошлом году...

Т. Киреев. В прошлом году осенью, когда в мусульманский молельный зал ворвались люди с арматурой?

А. Солдатов. Да.

Т. Киреев. Вы плохо читаете Интернет. По этому случаю в тот же вечер раввин Лазар сделал официальное заявление, в котором решительно осудил этот акт.

А. Солдатов. Значит, в случае, если это происходит с какой-то крупной конфессией, имеющей общенациональное значение, т.н. «традиционной», вы реагируете. А в случае, если это происходит с «маргинальной»?..

Т. Киреев. У нас как у общественной организации нет полномочий и намерений заниматься делением религий на, как вы выразились, маргинальные и немаргинальные. Если вы имеете в виду секты, то могу сказать, что существуют специальные иудейские организации, которые борются с ними. Есть Лига «Маген», например, которая борется с рядом сект.

А. Солдатов. Имеются в виду «секты» внутри иудейской традиции, нехристианские «секты»?

Т. Киреев. Естественно. Было бы странно, если бы иудеи боролись с сектами других конфессий. Иногда нам делают замечания на отсутствие реакций на происшествия с представителями других конфессий. Но ФЕОР не правозащитный центр, который сидит и целыми днями мониторит, кто, на кого и когда напал. Если мы на что-то не отреагировали, это не значит, что мы поддерживаем нападавших или тех, кто как-то нарушил закон. Это значит только то, что мы могли этого не заметить. Что касается конкретного Центра, я честно скажу, я не знаю такого. Не читал об этом в Интернете. Наверное, я тоже плохо читаю Интернет.

А. Солдатов. Давайте вспомним и о других конфессиях, которые подверглись последнее время заметной агрессии, стали жертвами ксенофобии. Я хотел бы, чтобы

мусульманский опыт нам обобщил Валерий Емельянов, сотрудник нашего Портала и исполнительный директор Ассоциации международного гуманитарного сотрудничества «Время и Мир».

Валерий Емельянов. Я думаю, что нельзя раздельно говорить о каких-то особенностях ксенофобии, порожденной государственной политикой по отношению к иудеям, мусульманам или представителям других религиозных общин. Вся разница, пожалуй, действительно только в интенсивности. Иудеи на первом месте, как некая мишень всех тех негативных явлений, которые происходят. Мусульмане — чуть-чуть более «свои» и не так выделяются. Остальные дальше идут по убывающей.

Я бы хотел поставить вопрос в другой плоскости. Эти события — следствие чего? Политики, отдельных провокаций?..

Я считаю, что произошедшее — это уже следствие следствия, а именно того, что политика последних лет, политика, в которой государство пыталось заигрывать с клерикалами в создании некой новой идеологии под соусом некоего псевдоправославия, некой неонародности — это политика, которая, собственно, проводилась в условиях неразвитой, можно сказать, хромающей все 15 лет российской демократии. Это политика, которая проводилась в стране, где не общество определяет государство, а государство определяет и общество, и общественный настрой, где по-прежнему крепко сидит и что «в Кремле сказали», и что «написали в газете», и что «сказали по радио», и что «показали по телевидению». Что мы имеем, какие реальные образы этой политики? Мы имеем псевдоладанное благолепие в качестве внешней стороны этой идеологии. В качестве же содержательной стороны — различного рода письма, газеты, державно-православные и так далее — некую идеологическую систему, суть которой выражается в одном тезисе, таком глобальном и универсальном. Он звучит приблизительно так: «Если в кране нет воды, значит выпили...», ну, и далее по списку — это могут быть и евреи, и мусульмане, и кто угодно. Это происходит в стране, где люди до сих пор мыслят не в дихотомии «я такой — он другой», а «свой — чужой», иногда даже «свой — враждебный», «наш — не наш».

Вся эта политика породила своеобразного Голема, управление которым потеряно, выпустила джина из бутылки, который стал теперь душить своего создателя, создала ту атмосферу, которой, мне кажется, не рады уже и в высших эшелонах власти — атмосферу, в которой, уже помимо творцов, господствуют, создают, условно говоря, делают погоду антисемиты и ксенофобы.

И то, что пострадали евреи в данном случае, мне кажется, это следствие традиционной для России вражды. Именно непримиримая, на генетическом уровне вражда — именно к евреям — послужила причиной того, что произошло.

А. Солдатов. Как вы думаете, есть ли вероятность того, что постепенно центр тяжести ксенофобии будет смещаться в сторону мусульман?

В. Емельянов. Не исключаю этого.

А. Солдатов. Сегодня это некий глобальный процесс и информационных поводов для смещения ненависти, для ее канализации именно в этом направлении — гораздо больше, чем в случае с иудеями. Есть ли такая тенденция? И приведет ли она к тому, что будет расти число актов ксенофобии в отношении мусульман и сокращаться число таких же актов в отношении иудаистов?

В. Емельянов. Я думаю, будет. Мы еще уводим на второй план психологический аспект, а его надо иметь в виду. И если еврей для ксенофоба — часто тщедушный

человек в широкополой шляпе и сюртучке, то мусульманин — «злой чечен» с большим кинжалом, который «ползет на берег». Но это и останавливает. Они побаиваются, они понимают, что за мусульманами стоит реальная сила. Но тем не менее я считаю, что потенциально ксенофобские проявления будут канализироваться именно и прежде всего в отношении мусульман.

Более того, я тут заметил информацию одного, видимо, нового образования — я не знаю, насколько оно влиятельно и реально в количественном отношении, — некоего «Национал-социалистического общества». Я посмотрел их программу. Что характерно, висели их листовки в метро. Написано было, что национал-социализм — это не прошлое Германии, это будущее России, с артистом Тихоновым в эсэсовской форме. Совершенно четко делается акцент на «черных» — читай мусульманах. Не покупай у них, не сдавай им квартиру, вообще не общайся. На мусульман совершенно четко идет канализация ксенофобских настроений.

О евреях, кстати, говорится следующее: евреи — наши друзья. Если они будут заниматься своим Израилем и не мешать национальному строительству России, они нам очень даже хороши, а если будут лезть в наши дела — извините. Так что канализация будет, и дальше пойдет по возрастающей. Известна формула «если ты жид, поляк и студент — значит ты не наш». Вот откуда надо танцевать, от нашей психологии, которая веками формировалась на генетическом уровне. А политика — это уже во многом вторично.

А. Солдатов. Я хотел бы попросить Сергея Бурьянова, сопредседателя Института свободы совести, сделать некое обобщение фактов проявления ксенофобии по отношению к протестантам и так называемым нетрадиционным конфессиям — это не наш термин, но, к сожалению, он очень распространен как в СМИ, так и в политических кругах, которые делают политику по отношению к религиозным конфессиям, поэтому простите уж за его употребление.

С. Бурьянов. Действительно в современной России в последние годы имеет место рост ксенофобии, нетерпимости и, что особенно вызывает беспокойство, насилия на почве ксенофобии и нетерпимости. И отнюдь не только еврейских и исламских общин коснулось насилие на почве нетерпимости. Вот здесь у меня приведен краткий обзор материалов за 2005 год, я позволю себе некоторые моменты зачитать.

Например, 15 февраля 2005 года, т. е. почти год назад, был первый в прошлом году погром Центра русской духовности Церкви Божией Матери Державной. В офис ворвались 5 человек, дали команду оставаться всем на месте и начали громить помещение. Сорвали со стен кресты, иконы, избили профессора, известного религиоведа Игоря Кантерова, находившегося там в связи со своими научными интересами. Затем последовали угрозы, они исписали стены лозунгами: «Осторожно, секта!», «Убирайтесь вон» и так далее. Причем я коснусь такой проблемы, что, когда пострадавшие обратились в милицию, им сказали: «Мы занимаемся вашим делом». Но вот прошел год, произошел новый погром, и никаких действий правоохранительными органами практически не было предпринято.

В 2005 году продолжались поджоги молитвенных домов христиан веры евангельской (пятидесятников). В ночь с 17 на 18 сентября 2005 года — в Ленинградской области, в Читинской области — в ночь с 15 на 16 января. В ночь с 30 апреля на 1 мая 2005 года, в Пасхальную ночь, неизвестные бросили бутылку с зажигательной смесью в дверь челябинской церкви евангельских христиан-баптистов «Благовестие».

12 июня 2005 года в Саратове произошло нападение на дом собрания мормонов — ночью неизвестные преступники выбили стекла в окнах, сломали дверь, повредили штукатурку и так далее. В ночь с 20 на 21 августа неизвестные совершили акт вандализма на территории Соборной мечети в центре Пензы — было разбито стекло, повреждена часть убранства, на стенах появились оскорбительные надписи, фашистская свастика. 9 июля в 23.20, в ночь с субботы на воскресенье, в помещении пензенского Центра еврейской культуры была брошена бутылка с зажигательной смесью.

А. Солдатов. Какую долю среди жертв подобных инцидентов, по вашему мнению, занимают протестанты и религиозные новообразования? Насколько мощным провоцирующим моментом для ксенофобов являются именно они? С евреями и мусульманами мы в какой-то степени разобрались, а почему жертвами ксенофобов становятся христиане, «богородичники» те же? Вроде они по крови, по формальным признакам «свои».

С. Бурьянов. На самом деле реальной картины насилия на почве нетерпимости не знает, наверное, никто, потому что полноценного мониторинга на сегодня не существует. Существуют некие отрывочные сведения, в основном из сети Интернет, которые случайно туда попадают, или через адвокатов — и нельзя даже сказать, сколько этих фактов. Это связано с тем, что многие религиозные организации почему-то не хотят афишировать эти факты. Они считают, что это от Бога, должны терпеть, стараются защищаться своими силами и не обращаться ни в какие органы. Может быть, роль играет то, что они уже обращались куда-нибудь, а никаких действий не было, поэтому вот так все это проходит незаметно, подспудно.

Мы пригласили сюда представителя Церкви Божией Матери Державная, но его нет. Возможно, это связано с тем, что они разуверились в обществе, в правозащитниках.

А. Солдатов. Давайте сейчас спросим представителей правозащитного сообщества, почему они так вяло, неохотно осуществляют мониторинг нарушения прав человека именно в сфере свободы совести, почему эта тема не беспокоит правозащитное сообщество так, как его беспокоят, скажем, случаи политической дискриминации, или дедовщина в армии, или нарушение прав человека на территории «горячих точек», вооруженных конфликтов? Или я не прав?

Магдалена Славтушинская. Я являюсь программным координатором Московского бюро по правам человека, и именно та организация, которую я представляю, занимается мониторингом всех нарушений на почве ксенофобии, которые происходят в России. Мы не отделяем преступления на религиозной почве от других. В самом начале вы сказали, что рады, что произошел первый круглый стол на эту тему. Но вам не кажется, что этот круглый стол происходит как бы постфактум, и все эти обсуждения немножечко запаздывают? Было бы хорошо, если бы представители разных религиозных организаций собирались для обсуждений до того, как происходят такие серьезные нарушения.

Дело в том, что основной целью подобного круглого стола является утверждение прав человека в обществе и отрицание таких моментов, как ксенофобия, антисемитизм и так далее. Если мы все в это верим, если мы считаем, что об этом нужно говорить, нужно заявлять, возможно, даже не столько обществу, сколько власти, о том, что происходит на данный момент, тогда, может быть, было бы хорошо, если бы этот круглый стол был бы собран год назад.

А. Солдатов. Скажите, пожалуйста, а какие у вас есть критерии ксенофобии? Наши правоохранительные органы часто к эпизодам, подобным налету на Центр русской ду-

ховности, применяют нормы, которые уместны в случае с бытовыми преступлениями, с пьяными дебошами. Наверняка, и сейчас все спишут на то, что группа подвыпивших молодых людей шла ночью по улице, им не понравился фонарь, который горел, и они его сбили. Есть ли у вас некие критерии, по которым вы отделяете случаи, произошедшие на бытовой почве, или какие-то вообще недоразумения на почве российского алкоголизма, от проявления ксенофобии?

М. Славтушинская. Частью нашей организации является юридическая служба. У нас работают адвокаты, которые занимаются именно защитой прав человека в России, и все моменты, связанные с нарушением прав человека, рассматриваются нами и идентифицируются.

А. Солдатов. Есть ли особые признаки преступлений на почве ксенофобии? Не нарушения прав человека вообще, а как вы вычлениваете ксенофобию из всего спектра нарушений прав человека? Как вы отличаете ксенофобию от бытового пьянства?

Я поясню. Существует масса преступлений, совершающихся по разным мотивам, в том числе в отношении представителей религиозных организаций...

Т. Киреев. Например, идет мусульманин, одетый совершенно обычно. Не видно, что он мусульманин. Или идет еврей в длиннополом черном пальто и шляпе — осенью это вполне традиционный наряд. На него налетает банда молодчиков и начинает его лупить...

А. Солдатов. Милиция чаще всего приходит к выводу, что это бытовое хулиганство. Мы же настаиваем на том, что это проявление ксенофобии, что напали на этого человека, именно определив по внешним признакам его как религиозного иудея, на него напали из ненависти к религии иудеев. Раз вы ведете мониторинг случаев ксенофобии, вы как-то отличаете случаи ксенофобии от случаев бытового хулиганства. По каким признакам вы их отличаете?

М. Славтушинская. К нам обращаются сами пострадавшие, они заявляют о том, что они являются пострадавшими по религиозному признаку.

А. Солдатов. То есть главный признак — это идентификация, которую дают преступлению сами пострадавшие.

М. Славтушинская. Абсолютно.

А. Солдатов. Здесь же возможна масса злоупотреблений! У нас, например, есть такая общественно-церковная организация как «Союз православных граждан», которая утверждает, что главным объектом ксенофобии в России являются православные. Если к вам придет представитель такой организации, будете ли вы поддерживать и защищать его права, как он их сам себе формулирует?

М. Славтушинская. Возможно. Это вопрос к юристам, это вопрос не ко мне. Я хотела бы подчеркнуть, что в принципе в России создана атмосфера, в которой возможны подобные проявления, в том числе события, которые мы здесь обсуждаем. К сожалению, общество равнодушно к деятельности правозащитных организаций, и даже религиозные организации не прислушиваются к мониторингам, которые проводят правозащитные организации. И это, в том числе, является одним из факторов появления подобных преступлений, которые и будут продолжать происходить в нашей стране.

Т. Киреев. В чем выражается создание такой атмосферы?

М. Славтушинская. Бездействие властей, отсутствие реакции со стороны религиозных организаций. По данным Московского бюро по правам человека, за прошлый

год было выпущено более полумиллиона книг, содержащих в себе ксенофобские призывы, и мы, например, считаем это одним из способов разыгрывания ксенофобской карты. В данном случае это был способ для Копцева получить информацию.

А. Солдатов. Какие вы используете меры для того, чтобы противодействовать ксенофобии на религиозной почве?

М. Славтушинская вы имеете в виду книги?

А. Солдатов. В частности, книги, или проповеди ксенофобские — много может быть всего.

М. Славтушинская. Мы реагируем на каждый факт, и юридическая группа составляет иски, которые уходят в прокуратуру.

А. Солдатов. А можете вы рассказать о каком-то конкретном случае эффективно реагирования вашего Бюро на факт разжигания неприязни именно на религиозной почве?

М. Славтушинская. Я работаю в Бюро всего одну неделю и не в состоянии ответить на ваш вопрос.

А. Солдатов. Тогда мы попросим Владимира Наумовича Ойвина, который является ответственным редактором нашего Портала и заместителем председателя правления Фонда «Гласность», известного правозащитника, поделиться своим видением проблемы некоторой неэффективности действий правозащитного сообщества в сфере защиты верующих от ксенофобии.

Владимир Ойвин. Я хотел бы сказать о несколько более общих проблемах. Но начну с частной. Меня настораживают те темпы судебного следствия, которые были в деле Копцева. Мы знаем неповоротливость нашей судебной и следственной систем, а тут вдруг такая прыть — практически через месяц и три дня после совершения преступления дело уже будет слушаться в суде. Для нашей системы это не то что спринтерские, это суперспринтерские темпы. У меня вызывают сомнения, допустим, справедливость и точность судебно-психиатрической экспертизы, потому что ее провели амбулаторным путем в течение нескольких часов, а специалисты утверждают, что такая экспертиза должна быть, во-первых, стационарная, а во-вторых, длиться не менее месяца. И меня это настораживает. В данной ситуации для меня, по-моему, совершенно очевиден — неважно, в какую сторону — заказной характер и следствия, и самого судебного процесса вне зависимости от того, куда он направлен. С моей точки зрения, даже если он направлен якобы в благую сторону — это все равно негатив.

Т. Киреев. Федерация, когда устраивала пресс-конференцию в «Интерфаксе» 12 января, подчеркнула, что заявила, что Федерация выступает против показательного характера этого процесса. И раввин Лазар, и руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин говорили об этом. Нам не нужно, чтобы показательно выпороли одного человека, нам нужно, чтобы боролись с явлением. Опять же, как в случае, например, с «письмом 500», которое ушло в прокуратуру. Была проведена экспертиза, и в конечном счете прокуратура заинтересовалась даже «Кицур Шулхан Арухом» и пыталась проводить и его экспертизу тоже — мы не можем обсуждать какие-либо проблемы внутри системы. Идиотских казусов внутри системы любой государственной машины вполне хватает, и не только в России. Да, в России это может быть выражено где-то больше, где-то меньше, но есть однозначное понимание на уровне того же Устинова, того же Пронина, на уровне Нургулиева, с которым раввин тоже встречался после этого происшествия, что ничего подобного быть не должно.

А. Солдатов. Простите мне некоторую легкомысленность, но есть такой право-славный анекдот о том, что некий дьякон забрался на колокольню, чтобы позвонить, поскользнулся и упал, но остался жив и даже не получил никаких синяков. Это по-казалось случайностью. Но он второй раз полез на колокольню, упал, опять не раз-бился, остался жив. Это совпадение. Но он в третий раз полез на колокольню, упал и остался жив. Это уже закономерность. Так и в случае с реакцией правоохранительных органов. Сначала одна группа людей обратилась с просьбой возбудить дело по факту разжигания межнациональной, межрелигиозной розни через распространение «письма 500». Письмо признали не содержащим признаков розни. Затем следующая группа обратилась, затем господин Владимир Слуцкер обратился в суд, и из администрации президента его вынудили отозвать свой иск из Смольнинского суда Санкт-Петербурга. По поводу иска Евгения Ихлова из Движения «За права человека» тоже ответили, что не видят признаков разжигания розни в этом «письме 500». Наконец, история с Коп-цевым, когда вы призываете воздержаться от поспешного показательного процесса, а власти именно это и делают. Это не закономерность? Вы не видите в этом системы? Вы называете это какими-то частными случаями, недоразумениями. Ведь за последний год мы не имеем ни одного примера того, как по отношению к иудейским религиозным организациям не было бы проявлено вот такой поспешности, таких недоразумений.

Т. Куреев. Больше того, я скажу, что авторы «письма 500» активно доказывают в судах, что они не антисемиты, и решения судов выносились в их пользу. И тот же Михаил Назаров подал в суд на раввина Лазара, в том числе с требованием возместить ему ущерб, нанесенный его чести, достоинству, деловой репутации, за то, что он был назван антисемитом. Несовершенство правоприменительной практики.

А. Солдатов. Системность есть? Или это частные случаи, совпадения?

Т. Куреев. Мы не констатируем системности в данном случае. У нас есть на эту тему несколько пунктов, которые нужно озвучить. Первое — действительно, в России правоприменительная практика такова, что далеко не всегда можно четко ответить на вопрос, является ли иногда даже достаточно очевидная ксенофобская литература или заявление таковым, потому что эти критерии недостаточно четко прописаны в зако-не. Или же правоприменительная практика настолько мала, что судьи просто бояться проторить дорожку, по которой никто еще не ходил. И вот они идут по этому пути и думают: «А лучше я все это как-нибудь так...» Мы допускаем такое объяснение, и мы этим недовольны. И везде говорим, что правоприменительная практика статьи Уго-ловного кодекса о разжигании межнациональной розни и т. д. должна быть шире, а наши суды должны лучше работать в этом отношении. Это первое. Опять же юристы сами говорят, что закон суров, но не всегда возможно его применить.

Второе — что касается системности и несистемности. Мы не констатируем си-стемность этих вещей, но при этом у нас есть мнение, что если наверху, в высших эшелонах власти, существует понимание того, что антисемитизм — это недопустимо, я могу говорить про антисемитизм, потому что в данном случае речь идет о еврей-ских организациях, — то вполне возможно, что в числе исполнителей, или при руко-водителях более низкого звена существуют люди, которые не разделяют такую убе-жденность. Это может быть. Мы это допускаем и понимаем, что с этим нам придется бороться и что-то с этим делать. Мы делаем это, стараемся со своей стороны делать все возможное, но опять же это противоречия и сложности внутри каждой отдельно взятой властной структуры, как системы.

А. Солдатов. Вы упрекаете российскую власть в недостаточной вертикальности?

Т. Куреев. Ни в чем я ее не упрекаю. Это вопрос интерпретации. А насчет Копцева я еще раз повторяю, мы не требовали поспешного процесса. Мы считаем, что главное в этом случае, чтобы воздаяние было справедливым. Но при этом мы бы не хотели, чтобы это была просто показательная порка. Мы против этого. Мы против того, чтобы это был исключительно показательный процесс. Его бы наказали — а на все остальное закрыли глаза. Нет, это один случай из ряда многих. И во всех случаях нужно, чтобы было принято справедливое решение.

А насчет поспешности мне вспомнился такой случай. Когда в Штатах была великая депрессия и Рузвельт наконец-таки вступил в должность президента США — прошло три с лишним месяца с момента выборов до момента его вступления в должность, — так вот законы его нового курса проходили через Конгресс как горячие пирожки, пролетали моментально. Это при том, что система принятия закона в Штатах очень сложная. Так что вполне возможно, что поспешность в данном случае — это просто показатель того, как хорошо может работать наша правоохранительная система.

В. Ойвин. Я все-таки считаю, что то, о чем говорилось, — и реакция прокуратуры, и судов на «письмо 500», неспешная иногда, иногда наоборот поспешная, и та поспешность, с которой раскручивается дело Копцева, — это проявления как раз системных недостатков. Это все вполне осознанные действия. И такая поспешность в деле Копцева, с моей точки зрения, чисто демонстрационная, потому что оно приобрело слишком сильный резонанс, — чтобы показать, какие мы белые и пушистые, какие мы антиксе-нофобы, как мы успешно боремся с проявлениями ксенофобии и антисемитизма. Хотя на самом деле ничего этого не происходит.

Теперь что касается причин такой политики. Я тут не совсем согласен с Александром Валерьевичем, что власть это допускает просто, чтобы выпустить пар и снизить напряженность в обществе, разрядить обстановку. Мне кажется, что это делается с несколько другими целями, что власть своим бездействием, подпольными действиями поощряет и иногда провоцирует такие события с одной прагматической, меркантильной целью — чтобы показать реальную угрозу существования религиозного, националистического и другого экстремизма. Показать, что они обладают какой-то реальной силой, что они опасны и что альтернативой этим проявлениям может быть только эта самая власть, а либеральная и демократическая власть слаба и противостоять этому не сможет, и реальной альтернативой сегодняшней власти будут только экстремисты. Поэтому давайте любить нынешнюю власть, потому что другая будет еще хуже. Вот, мне кажется, объяснение политики, позиции и поведения наших властей.

С этого момента круглый стол вел Владимир Ойвин.

В. Ойвин. Мне кажется, что власть, с моей точки зрения, играет с огнем в этом деле. Для меня не существует просвещенного-непросвещенного, хорошего или полезного национализма. Джиннов легко выпустить из бутылок, но они очень легко теряют управляемость. И надежды властей, что они смогут контролировать этот процесс так, как им это будет удобно, с моей точки зрения эфемерны. Особенно в нашей стране, про которую было сказано, что «*русский бунт бессмысленный и беспощадный*».

Я боюсь этих действий власти, которые мы сегодня наблюдаем. Они чрезвычайно опасны не только для граждан нашего государства, но, с моей точки зрения, они опас-

ны для судьбы самого государства. Боюсь, что логическим завершением этих процессов может стать, если им не противопоставить действительно реальные инструменты борьбы с этими явлениями, дальнейший распад России. Но в отличие от распада СССР, распад России, если это произойдет, будет не таким малокровным. Советский Союз распался более или менее естественный путем. А вот распад России произойдет гораздо более кровавым путем. И тут уж пострадают не десятки и сотни, как в Баку и Вильнюсе, а тысячи и, может быть, даже миллионы. А теперь я хотел бы предоставить слово Сергею Мозговому.

В. Ойвин. Хотелось, чтобы кто-то из нас, может быть, Сергей Мозговой, который хорошо знаком с психологией представителей силовых структур и правоохранительных органов, объективно нам описал, насколько сильны антисемитские и ксенофобские настроения в этой среде. Насколько для нынешней власти, которая вышла из среды силовиков, из эфэсбэшной элиты, органически присуща эта ксенофобская закладка? Мне кажется, что эта среда наиболее питательна для подобных настроений.

Сергей Мозговой. Антисемитизма или ксенофобии?

В. Ойвин. Антисемитизма как наиболее яркого проявления ксенофобии. Простите, что перебил.

С. Мозговой. Долгое время, более 25 лет я прослужил в Вооруженных силах РФ. Что касается вашего вопроса — если говорить об антисемитизме, то я не могу отметить случаев проявления антисемитизма, либо каких-то высказываний, или действий среди руководящего состава вооруженных сил уже в российской армии. Что касается советского периода службы, то здесь я могу сказать, что среди офицеров бытовало мнение, особенно у кадровиков, что евреев нельзя назначать на руководящие должности в Министерстве обороны, в войсках и т.д... Все знали об этой установке среди высшего и даже среднего состава офицерской среды. Об этом говорили в кабинетах, но никаких официальных открытых бумаг на сей счет никто показать не мог, да их и не было. Но разговор такой постоянно был, хотя я, в общем-то, знаю офицеров-евреев, которые служили грамотными педагогами в военно-учебных заведениях, преподавателями в войсках и даже на подводных лодках и пользовались большим авторитетом у личного состава, но это не афишировалось официально.

Т. Киреев. Я знаю бывшего заместителя командира Берлинского полка военно-транспортной авиации Юрия Самуиловича Старобинца. Он, насколько я помню, занимался, в том числе, планированием полетов этого полка в советские времена.

С. Мозговой. Я знал одного известного капитана первого ранга Гольдберга, это очень хороший был офицер, подводник, затем он был преподавателем в Калининградском высшем военно-морском училище, был авторитетом у всего личного состава всех национальностей.

В. Ойвин. Я напомним еще небезызвестного генерала Льва Рохлина.

С. Мозговой. Мы знаем, сколько среди евреев было героев Советского Союза, которые были генералами, полковниками, возглавляли, правда антисемитский, точнее Антисионистский комитет, но это к слову. Но тем не менее если же говорить о современном состоянии, то сегодня в руководящем составе армии генералы-евреи есть. Что касается тенденции ксенофобии, то опросы военнослужащих и исследования ксенофобии в российской армии показали, что, если в советское время бытовой антисемитизм в процентном отношении превалировал, то сейчас показывают, что исламофобия, кавказофобия намного перекрыли антисемитизм.

Т. Киреев. У евреев по разным данным 4, 7 и 12 место.

С. Мозговой. Да, на первом месте стоит чеченофобия, кавказофобия, исламофобия. А антисемитизм в армейской среде — такой проблемы нет. Может быть это связано с тем, что, в основном, евреи учатся, поступают в вузы и их не призывают в армию, т. е. среди рядового состава их меньше, но тем не менее антисемитизм может проявляться не только в казармах, но и по отношению к тем людям, которые находятся за пределами воинской части, потому что военнослужащие смотрят телевизор. А в целом на телевидении у нас наблюдается исламофобия. Все говорят об исламском экстремизме, а поскольку военный человек постоянно прикован к программе «Время», то в общем реагирует на то, что ему с экрана телевизора вещает официальная политика.

В. Ойвин. Что касается нашего телевидения, то, допустим, освещение ближневосточных проблем до сих пор, при всей нашей исламофобской политике, идет с диаметрально противоположной точки зрения. Всегда подспудно существует традиционная поддержка палестинских движений, террористических и разных организаций и всегда проскальзывает — не в словах, а в интонациях — осуждение политики Израиля. Не нужно далеко ходить: вчера господин Путин не нашел ничего лучшего, как пригласить лидеров организации, которая во всем мире признана террористической, — ХАМАС — в Россию. Я не говорю, что им надо объявлять бойкот, и коли они заняли какую-то руководящую позицию, какие-то контакты с ними придется поддерживать, но демонстративно приглашать ХАМАС в то время, когда происходит такой разгул конфронтации европейской цивилизации с мусульманской благодаря этим дурацким карикатурам, не стоило бы. По-моему, очень показательно. Я не думаю, что это случайность. Это вполне осознанный шаг для демонстрации нашей реальной политики. И обратите внимание, мы в Иране продолжаем строить атомную электростанцию в Бушере. Мы не отказываемся от этого, мы под разными соусами пытаемся ее достроить и не мытьем, так катаньем пустить ее в эксплуатацию, хотя прекрасно понимаем, что реальных инструментов контроля над вторичным использованием того плутония, который может быть наработан в Бушере, у нас не будет.

С. Мозговой. Это вопрос уже политического торга, политических интересов, межгосударственных отношений, наращивания мускулов или торговли с США и другими странами. Вопрос «поддержать того — поддержать этого» — выходит немного за рамки нашего круглого стола.

С. Бурьянов. Позвольте мне вернуться к теме нашего круглого стола. Мы сейчас отвечаем на вопрос, «кто виноват?». В конечном итоге мы хотим ответить на вопрос, «что делать?», но для этого нужно ответить на вопрос, «кто виноват?» Я попытаюсь проговорить некоторые результаты исследований Института свободы совести и попытаюсь назвать основные причины ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве. Первая причина, очень расхожая, что виной ксенофобии является несовершенство человеческой природы, что животные инстинкты в людях сидят и иногда берут верх над разумом даже у самых толерантных в обществе людей. Дело в том, что стереотип разделения людей на своих и чужих очень живуч, он у человека в крови и проявляет он себя в социуме в зависимости от совокупности внутренних и внешних факторов.

Вторая причина — это внутри- и межконфессиональные отношения. Дело в том, что религиозные организации испокон века претендуют на исключительность, обладание истиной в последней инстанции, и этот факт разжигает нетерпимость, волей или неволей. Более того, фактор противопоставления и превосходства является глав-

ной составляющей этнических конфликтов, имеющих, как правило, конфессиональную окраску. И так было всегда. Если мы проведем некий исторический анализ, то практически в любой исторический период мы найдем подтверждение этих слов. Современность также изобилует примерами религиозной нетерпимости и конфликтов, и, увы, религиозные организации не всегда выглядят белыми и пушистыми. Однако следует отметить, что религия каждого отдельного человека вряд ли может быть фактором нетерпимости.

Поэтому я назову еще одну причину, которая, на мой взгляд, является определяющей и системообразующей, в том числе, по отношению к двум предыдущим причинам. Это политика государства вообще, т. е. национальная, религиозная, и отношений государства с религиозными объединениями в частности. На наш взгляд, именно эта причина является определяющей и главной причиной роста ксенофобии, нетерпимости в современном российском обществе. Эта политика проводится методом кнута и пряника. В одном случае власть манипулирует религиозными организациями с целью их использования в политических целях — одним она предлагает некие привилегии, преференции и финансирование, другие подвергаются неправовым ограничениям. Предлогом ограничений служит борьба с экстремизмом, борьба за духовную безопасность, борьба с так называемыми, закавычим этот термин, «сектами» и т. д. Эта политика научно обосновывается специальными структурами, которые власть специально содержит для этой цели, она также находит поддержку в СМИ, особенно на телевидении. Особенно ярко проявляются тенденции этой политики на телевидении накануне выборов. Поэтому сразу я прогнозирую рост ксенофобии и нетерпимости, а также насилия на этой почве ближе к выборам 2007—2008 годов.

Далее хотел бы сказать о соотношении причин нетерпимости — какие из них являются основными, а какие производными. Как я уже сказал, религиозная политика является основной, тем более она влияет и на те, и на другие причины. Дело в том, что человеческая природа, когда она подвергается массивному медиапливу, пронизанному духом нетерпимости и ксенофобии, начинает дрейфовать в сторону нетерпимости. В России народ всегда был толерантным, это утверждал еще Василий Розанов, который говорил, что в России всегда гонения исходили от власти и никогда из толпы. Т. е. народ по своей природе у нас хороший, хотя бытовая ксенофобия имеет тоже место быть.

По поводу межконфессиональных отношений — они отнюдь не являются идеальными, однородными, но они также находятся под влиянием религиозной политики власти, т. е. власть манипулирует или пытается манипулировать религиозными организациями, власть пытается манипулировать религиозными лидерами, и в результате, казалось бы, более или менее стабильные межконфессиональные и внутриконфессиональные отношения начинают постепенно взрываться, что сказывается также на росте нетерпимости и ксенофобии в обществе в целом. Это основная причина.

С. Мозговой. Скажите, пожалуйста, как относится ФЕОР к борьбе с «сектами» при участии государства, допустим, посредством Межрелигиозного совета России. Обсуждаются ли проблемы «сект» в рамках Совета, или с привлечением государственных институтов для борьбы с «сектами».

Т. Куреев. Если я правильно понял, имеются в виду обсуждаемые поправки к закону о свободе совести, суть которых в том, чтобы передать право, скажем так, аккредитации священнослужителей, приезжающих в страну для работы, со стороны централизован-

ной религиозной организации. Что касается нас, то если поправки будут приняты, то рекомендации для раввинов, приезжающих в Россию из-за рубежа, будет, вероятно, давать и Федерация еврейских общин России. Мы эту идею поддерживаем потому, что, к сожалению, бывали такие случаи, когда в страну приезжали натуральные авантюристы, не имеющие никакого религиозного образования. Они сами себя объявляли раввинами, и, пользуясь духовной жадной людей, их желанием приобщиться к религии предков, собирали какие-то деньги с них и все в таком духе. Конечно, сейчас ФЕОР находится на том уровне развития, когда мы способны предотвратить эти — без преувеличения — настоящие преступления, но так было не всегда. Однако даже при наличии достаточного уровня разветвленности и широких возможностей в отслеживании таких ситуаций у нас сегодня все равно отсутствуют законные инструменты борьбы с теми, кто реально занимается авантюрами, с мошенниками и жуликами.

С. Мозговой. В этом вам нужна помощь государства?

Т. Киреев. По крайней мере нужна защита закона. Нужна даже не ФЕОР, а прихожанам, которые тянутся к вере, которые идут в храм, но становятся жертвами проповедников непонятно какого розлива. Вот почему нам нужен инструмент, который даст этот закон.

В. Ойвин. А вы не боитесь, что этот инструмент, особенно в наших условиях, просто превратится в инструмент межвидовой, межконфессиональной или внутриконфессиональной разборки? Я полагаю, что результат лечения будет хуже, чем болезнь.

Т. Киреев. Так можно сказать о любом предмете. Вот ручка, например. Можно написать ею хорошие слова, а можно написать плохие.

В. Ойвин. Но степень вероятности такого поворота событий в нашей стране и опасность этого, к сожалению, с моей точки зрения, здесь гораздо более высокие.

Т. Киреев. Федерация, опять же повторюсь, — принципиальная противница межконфессиональной и внутриконфессиональной конфронтации. Вы, конечно, намекаете на наличие в России двух крупных религиозных еврейских организаций. Но Федерация, когда делает какие-либо заявления, касающиеся событий, затрагивающих евреев России, всегда подчеркивает — Еврейская община России. Мы не делим на своих и чужих внутри конфессии, здесь более уместно говорить о теологических разногласиях, которые, правда, так же отражаются и на других сферах взаимодействия. Но мы подчеркиваем, что у нас такая поправка к закону не будет инструментом для внутриконфессиональных разборок.

С. Мозговой. Но в рамках Межрелигиозного совета России вы поддерживаете борьбу других конфессий со своими «сектантами» — вы в принципе в этом едины?

Т. Киреев. В целом да. Опять же, во многих интервью главный раввин России Берл Лазар подчеркивает, что «секта» — это какой-то суррогат веры, это организация, которая разрушает душу, а не помогает духовному развитию.

В. Ойвин. Кто определяет, «секта» это или не «секта»?

Т. Киреев. Я понимаю, к чему вы клоните. Вы отстаиваете точку зрения, что есть некая религиозная структура, организация неважно какой конфессии, которая, по вашему мнению, присваивает себе право решать, что истинно. Я не берусь от лица Федерации это обсуждать, потому как этот вопрос, который должны решать люди, имеющие духовные звания, которых у меня нет. Но борьбу с «сектами» как организациями деструктивными, как с организациями, которые скорее наносят вред душам верующих людей, которые тянутся к истине божественной, мы считаем необходимой.

В. Емельянов. Я считаю, что религиозной политики у нас не существует. Существует претензия государства на то, что она ведет некую религиозную либо связанную с этой областью политику. Существуют некие действия, часто лихорадочные, часто нелогичные, но продуманного алгоритма религиозной политики нет. Я приведу пример в отношении мусульман. Что мы слышим в последние годы? То «замочить в сортире!». Надо же понимать, что это опосредованно касается всех мусульман, а не только чеченцев, ингушей. То мы часть исламского мира, то мы часть Запада, то «обрезание сделаем». Господа, в политике должна быть логика! Оной нет, хотя бы в этом аспекте. Есть некий бюрократический подход, не больше.

С. Бурьянов. В какой-то мере я с вами согласен, а с другой стороны — религиозной политики не должно быть в светском государстве. Это действительно так. Должна быть государственная политика в области свободы совести, направленная на ее реализацию. Однако происходит подмена: принципы свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и так далее подменяются государственной религиозной политикой.

Почему у меня есть основания говорить о том, что это все-таки целенаправленная политика? Дело в том, что существует целая кафедра религиоведения Российской академии государственной службы при президенте РФ, которая абсолютно четко осуществляет эту подмену на уровне науки. Мы исследовали материалы кафедры религиоведения. Мы являемся последовательными оппонентами и этого не скрываем той методологии, которую применяет кафедра религиоведения РАГС. Там четко прослеживается подмена принципа свободы совести и светскости государства, равенства религиозных объединений некой религиозной политикой. Эта кафедра занимается наукообразным обоснованием, а затем принципы, которые эта кафедра разрабатывает, в данном случае в виде неких концепций, которые заказывает Администрация президента, они пытаются заложить в основу законодательства. Это видно на уровне тех законопроектов, которые время от времени вбрасываются в Думу. Это о выделении неких традиционных религиозных организаций, о введении понятия «традиционная религиозная организация» и наделении их специальными льготами, это происходит в рамках политики «кнута и пряника», когда привилегии предназначены неким основным, то бишь традиционным религиозным организациям, это прежде всего РПЦ МП и, возможно, какие-то другие. Но власти, я подчеркиваю, нужна именно одна, самая традиционная конфессия, которая используется для ее сакрализации. Все остальные, если они думают, что впишутся в этот заветный список традиционных религиозных организаций и получат доступ к государственной кормушке — боюсь, глубоко заблуждаются. Соответственно, кнут предназначен другим религиозным организациям, которые называют «нетрадиционными» и даже «сектами». Причем правовых критериев ни термина «традиционная религиозная организация», ни термина «нетрадиционная» в принципе не существует. Эти термины во многих случаях некорректны даже с религиоведческой точки зрения, не говоря уже о термине «секта» — в религиоведении это предмет большой дискуссии. Многие честные религиоведы отказались на сегодняшний день от термина «секта», а некоторые даже не принимали его на вооружение.

С. Мозговой. Я хочу пояснить, что речь идет о правовой и научной терминологии среди государственных чиновников и ученых. Что касается конфессий, то они вправе пользоваться своим собственным теологическим понятийным аппаратом. К богословам претензий в употреблении этих терминов у нас не существует.

Что касается религиозной политики. Когда мы говорим о религиозной политике, мы не говорим, исходя из конспирологии, что некий Иванов, Петров, Сидоров в Администрации президента составляет эту религиозную политику. Мы говорим о некой системе. Эта система нацелена на сакрализацию власти, на ее воспроизводство и удержание власти любой ценой, на манипулирование общественным мнением, сознанием с помощью неких идеологических, религиозных стереотипов, которые глубоко сидят генетически, как вы говорите, в психологическом плане. Эти стереотипы потом оформляются, в том числе, в некие организационные формы. Я имею в виду спецсвязь у патриарха, специальный VIP. Эта религиозная политика проводится в рамках некой общей системы «что можно делать, что нельзя, что считается правилом хорошего тона, плохого тона». Быть православным, как вы сказали, сейчас нужно и модно. Например, полномочный представитель президента в Уральском федеральном округе Латышев, когда он возвращается из Москвы, то, прежде, чем ехать к себе в резиденцию, едет к архиепископу Верхотурскому Викентию (Морарю) на благословение управлять своим федеральным округом. Латышев же провел семинар по тоталитарным сектам в филиале Академии госслужбы. Это государственное учреждение, государственный служащий не имеет права такие вещи делать. Он прямым образом нарушает Основной закон страны, а ведь это федеральная власть центрального уровня! И таких фактов множество — это не случайность, а закономерность.

Т. Киреев. Что же вы лишаете его права на благословение по закрепленной в конституции свободе совести?

В. Ойвин. Как гражданин идти на благословение к архиепископу он может, безусловно.

С. Мозговой. Это все афишируется.

В. Ойвин. В Америке президент афиширует свою «христианскость».

Т. Киреев. Да, а японский премьер Коидзуми ходит в храм, где поклоняются духам камикадзе — летчиков-смертников, погибших во время второй мировой войны в небе Китая и Кореи. Как вы помните, японский синтоизм — это поклонение духам предков. И для китайцев и корейцев каждый такой визит считается оскорбительным. Но ведь каждый человек имеет право на свободу совести и поход в храм своей веры.

С. Мозговой. Гражданин имеет право, но должностное лицо не должно этим как-то бравировать.

С. Бурьянов. Не должны показывать, например по Первому каналу, пасхальные богослужения, на которых стоят в ряд первые должностные лица.

В. Емельянов. Это не должно быть объектом публичности.

В. Ойвин. Давайте обсудим еще один вопрос: способствует ли применение двойных и даже тройных стандартов и принципов по отношению к религиозным организациям, «традиционным», «нетрадиционным», «сектам», в деятельности органов власти и государственного управления? Что становится результатом этого применения двойных и тройных стандартов?

Т. Киреев. Кажется, мне будет довольно просто ответить на этот вопрос, потому что я представляю организацию ортодоксального иудаизма, а иудаизм признан традиционной религией и в России, и в мире. Я не буду обсуждать этот вопрос подробно, скажу только, что в отношении конкретно ФЕОР и Еврейской общины России говорить о двойных стандартах я бы не стал. Мы констатируем отсутствие государственного антисемитизма, мы констатируем, что на самом высшем уровне мы встречаем понима-

ние со стороны властей, что на региональных уровнях бывают различные проблемы скорее организационного плана, чем вопросы политической воли. И больше того, я как человек, который мониторит отчасти эти события, могу сказать, что в очень многих областях местные руководители разного уровня с удовольствием подчеркивают контакты с еврейской общиной, как бы указывая на уровень толерантности и соблюдения свободы вероисповедания в конкретном регионе. Например, когда в Екатеринбурге открывался Еврейский общинный центр, самый большой на Урале, губернатор участвовал в торжествах и открыто говорил о том, какое национальное и конфессиональное взаимодействие существует в регионе. И это не единственный случай.

В. Ойвин. Мне это напоминает высказывания некоторых махровых антисемитов, которые говорят: «Да я не антисемит, да у меня друзья евреи!». Я вот что хотел у вас спросить. Вы не считаете такой тотальный отказ прокуратур всех уровней воспринимать «письмо 500» и подобные этому вещи проявлением государственного антисемитизма? Как известно, система прокуратуры — одна из самых жестких властных «вертикалей». Вы не считаете это проявлением государственной политики?

Т. Киреев. Нет, не считаю.

В. Ойвин. А чья же это политика? Это политика отдельных прокуроров? Напоминаю, что все прокуроры — госслужащие. А в этом скандале замешаны госслужащие самого высокого уровня, вплоть до заместителя генерального прокурора РФ Владимира Колесникова.

Т. Киреев. Тут мы вступаем в сложную для обсуждения сферу, потому что государство — это одновременно и система, и конкретные люди-носители этой системы.

В. Ойвин. Если бы это была одна прокуратура, даже самая высокая, можно было бы сказать, что это проявление точки зрения, допустим, конкретного заместителя генерального прокурора. Но когда систематически **все** прокуратуры **всех** уровней отказывают в оценке совершенно очевидных, с моей точки зрения, явлений, которые являются проявлениями самого вульгарного, неприкрытого, «животного» антисемитизма — они отказываются принять очевидные вещи, которые в любом цивилизованном государстве были бы признаны таковыми — я это воспринимаю как государственную политику и государственный антисемитизм!

Т. Киреев. Не спорю. Мы всегда говорим: письмо Назарова и его друзей — это «животный» антисемитизм, и везде бы их посадили. Об этом лидеры Федерации говорят на всех уровнях. Но мы не можем исправить какие-либо несовершенства, недостатки и сложности внутри государственной структуры, как системы.

В. Ойвин. Я понимаю, что вы не можете этого исправить, но вы даете совершенно другую оценку. Вы считаете это проявлениями частных случаев — я считаю это проявлением государственной политики. Вы отрицаете проявления государственного антисемитизма, а я считаю, что он в неявном виде существует, завуалированном, но весьма грубым способом, потому что любому мыслящему человеку очевиден государственный антисемитизм. Совершенно не обязательно он должен проявляться напрямую в кадровой политике, но он ощущается в более широком плане.

Т. Киреев. Мы негативно оцениваем тот факт, что многочисленные иски, касающиеся «письма 500», не принимаются различными подразделениями прокуратуры. Однако мы однозначно считаем, что говорить: это проявление государственного антисемитизма — неверно. Более того, повторюсь: на всех возможных уровнях Федерация и ее лидеры доносят до руководителей всех уровней, что есть такой факт.

С. Мозговой. Я поддерживаю Владимира Наумовича. Если бы государство заохотило эту проблему решить, то не на этом круглом столе обсуждали бы этот вопрос, а государство подняло бы этот вопрос само, определилось бы, почему такое системное нарушение со стороны правоохранительной системы, почему они бездействуют или действуют не в соответствии с Конституцией, законодательством, проанализировало бы и смогло бы положить этому конец. Раз это государством делается, значит оно — либо импотент, либо это результат сознательной политики. В этом смысле я согласен с представителем Московского Бюро по правам человека уважаемой Магдалены. Она сказала, что это проблема государства.

М. Славушинская. Мы считаем, что вообще никакой национальной политики в нашем государстве нет. Возможно, так исторически сложилось. Если взять, например, европейские страны, то, в основном, это мононациональные государства — в Германии живут немцы, в Финляндии — финны. Там не существует проблемы национальной самоидентификации. Так как Россия многонациональная, многорелигиозная страна, то общей национальной государственной идеи не существует. Проявлением этого и являются события, которые мы сегодня обсуждаем. Я присоединяюсь к мнению Емельянова, что нет в России религиозной политики государства вообще, и в каждом конкретном случае государство по-разному реагирует на разные события, поддерживает то одну, то другую конфессию.

В. Емельянов. Так уж в истории повелось, что как инструмент практической политики элемент двойных и тройных стандартов существует, наверное, со времен Авраама. Особенно в отношении религии. Давайте исходить из того, что есть политика чистая, а есть некое царство не от мира сего — религии. И здесь я могу сказать только одно: применение двойных, тройных и далее по счету стандартов приведет только к одному: проблема традиционной секты будет только усугубляться, станет болезненной, не будет решена, хотя с виду может быть на некоторое время заморожена путем применения двойных стандартов. Но этим способом она решена не будет, а только усугублена, особенно в отношении религии.

С. Бурьянов. Я хотел бы внести некоторые уточнения. Дело в том, что в российской правовой системе на сегодняшний день нет специального выделения традиционных религиозных организаций на основе термина «традиционные религиозные организации». Такие попытки предпринимались и в научной сфере, и в законодательной, но реально на сегодняшний день ни в одном из российских законов нет термина «традиционные религиозные организации». Есть некое упоминание в преамбуле федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», но термина, как такового, нет. Тем более что в преамбуле упоминаются некие четыре т.н. основные религиозные организации, но сейчас предметом спора является: имеет ли преамбула нормативную значимость. Одни юристы считают, что имеет, потому она является частью закона, а другие юристы считают, что преамбула не имеет нормативной значимости.

В. Ойвин. В реальной практике — имеет.

С. Мозговой. Дело в том, что в закон не вводят термин «традиционный», там этого нет, т. е. юридически мы не вправе его употреблять. В управленческой практике госслужащих, конечно, употребляют, чтобы предоставить льготы такой-то традиционной конфессии, а такую-то не пустить в детский садик, потому что она нетрадиционная, ну, условно говоря, в практике. Но в законодательстве это понятие, этот термин не введен никаким законом. И даже в преамбуле этого нет.

В. Ойвин. В этом законе вообще нет никакого разъяснения применяемых терминов, как обычно бывает в законах. В преамбуле закона обычно происходит разъяснение конкретных терминов. И потом в рамках этой парадигмы этими определениями оперируют в тексте уже самого закона. В данной ситуации законодатель, думаю, вполне сознательно оставил зыбкость формулировок.

С. Бурьянов. Мало того, там написано «уважая православие», а дальше — «а также христианство, иудаизм, буддизм». Получается, что христианство — это не православие.

В. Ойвин. Ну, это уж отнесем на счет неграмотности наших законодателей, которые находятся по уровню эрудиции на уровне рыночных торговцев, когда говорят «я христианин, а он баптист». Но, кроме всего прочего, разделение происходит даже в рамках самого православия. Причем государство совершенно необоснованно в наших условиях воспринимает Моспатриархию как единственного правопреемника Российской православной церкви дореволюционной, чего на самом деле нет. Во-первых, есть мощная ветвь Зарубежной церкви, которая, с моей точки зрения, даже более канонична, чем МП. С точки зрения апостольской преемственности она, безусловно, более канонична, чем МП, поскольку она сохранила прямую апостольскую преемственность. В России же декларацией митрополита Сергия и в еще большей степени архиерейским собором 1943-го года были нарушены основные канонические положения древних соборов. Но это другой вопрос. Есть еще Катакомбная церковь. Есть независимая Апостольская церковь о. Глеба Якунина, есть суздальские — Автономная церковь. Тут даже вопрос не решен с тем, кого считать традиционным даже в рамках того же православия. То же самое можно отнести, наверное, и к иудаизму. Там тоже есть весьма серьезные разделения, и кого считать традиционным, а кого объявить реформистом...

С. Мозговой. Я хотел бы ответить на вопрос «традиционный — нетрадиционный». Когда эта дискуссия в обществе началась, в 2000—2001 году, стали об этом писать очень много и в «Независимой газете», и везде. Тогда это разделение многие организации, в частности и упомянутая Сергеем Бурьяновым кафедра религиоведения РАГС, предлагали в тело закона в виде концепции предложить, разделить, провести селекцию общества. Но возникла дискуссия. В ее ходе старообрядцы элементарно доказали, что они более традиционны, чем нынешнее синодальное православие, а язычники сказали вообще, что на этой территории они самые традиционные. Научных критериев тут нет, хронологические критерии страдают, потому что если мы берем организацию, которая пришла 99 лет и 11 месяцев тому назад, если мы, например, сегодня вводим срок 100 лет, то она получается нетрадиционной, через месяц она станет традиционной. По количеству последователей тоже не существует критериев, потому что не каждая организация фиксирует у себя членство. Понятно с точки зрения науки критериев нет. Тем не менее мы, ученые, вполне уважаем право религиозных организаций признавать себя традиционными, потому что в каждой семье есть своя религиозная традиция, которая передается от отца или от матери к сыну, и, конечно же, для своей семьи существует религиозная традиция, и человек вправе иметь свою религиозную традицию. Когда мы говорим о понятии «традиционный — нетрадиционный», идет речь о деятельности органов власти, государственного управления.

Т. Киреев. Мне кажется, здесь еще сильно в т. ч. на законодателей давит понятие мировых религий. Есть мировые религии, их четыре. И как ни крути, других мировых религий в мире нет.

С. Мозговой. Это наше религиоведение так считает, а в энциклопедии мирового уровня «Британика» — она признана многими известнейшими религиоведами мира — вы прочтаете про 9 мировых религий. Поэтому критерии здесь настолько расплывчаты...

В. Ойвин. У меня вопрос к господину Кирееву. Я не знаю, известны ли вам потуги депутата господина Чуева, зампреда Комитета Госдумы РФ по общественным объединениям и религиозным организациям, добиться законодательного закрепления преференций (каких-то преимуществ) за т.н. традиционными религиозными организациями. В первую очередь, это, конечно, будет РПЦ МП, я подчеркиваю, а не просто РПЦ. Но под эту формулировку формально подпадают ислам, иудаизм и буддизм, поскольку у нас в преамбуле закона именно эти религиозные организации названы традиционными. Поддержите ли вы эти предложения господина Чуева?

Т. Киреев. Я, честно говоря, подробностей, боюсь, не скажу. Я был на его пресс-конференции. Там речь шла о поправках в Уголовный кодекс по поводу распространения ксенофобской литературы. Признаюсь честно, я не понял из того, что прочитал в предложенных поправках, насколько они соответствуют заявлениям, которые делала Общественная палата по поводу запрещения распространения такой литературы. Но мы в любом случае поддерживаем частичное ограничение распространения ксенофобской литературы. Другое дело, что здесь есть сложности в определении того, что считать ксенофобской литературой, а что нет. И это было видно на пресс-конференции, что здесь еще есть поле для работы и прояснения позиций. Потому как есть публикации в прессе, которые тоже могут быть причислены к числу публикаций ксенофобского характера, то есть тут нужно смотреть конкретные вещи, чтобы не допустить перегибов. А тут я не знаю, о чем идет речь, какие преференции?

В. Ойвин. Экономическая, финансовая помощь государства, всякие привилегии во внедрении в систему образования, в систему военной службы. Конечно, на 90 процентов это будет относиться к Моспатриархии, но формально это будет как-то задевать в положительном смысле якобы и другие религиозные организации «в законе».

Т. Киреев. Честно скажу, я не знаю, о чем идет речь, но я бы сослался на опыт Германии в том смысле, что там каждый гражданин Германии платит религиозный налог, и отсюда финансируются религиозные организации. Таким образом, каждый человек своим кошельком отвечает за свободу совести в своей стране. Я думаю, что если в этих поправках есть переключки с опытом немецким, то, наверное, они стоят того, чтобы их изучать.

С. Мозговой. Дело в том, что человек не может по немецким законам заплатить каждой организации, какой он хочет. Только двум церквям он может заплатить. С него берется налог в интересах двух церквей — лютеранской и католической.

Т. Киреев. Мне говорили, что и еврейские организации там поддерживаются.

С. Мозговой. Еврейские поддерживаются, но платят только двум церквям.

В. Ойвин. Трудно, вернее, методологически некорректно проводить параллели между многонациональной и поликонфессиональной Россией и практически мононациональной и не то чтобы моноконфессиональной, но не столь мозаичной по религиям Германией. Да и то сейчас Европа уже столкнулась с большим притоком мусульман во многие страны. Рано или поздно у них возникнут и эти проблемы. Они уже возникают с мусульманскими общинами, и дальше, к сожалению, в условиях конфронтации, которые сейчас разворачиваются, это будут серьезные проблемы.

Предложения же Чуева еще не оформлены официально в законодательную инициативу. Он все время пытается их внести, но ему пока не дают это сделать.

Т. Киреев. Если это будет поддерживать развитие духовной и религиозной жизни в стране, мы, в принципе, за, потому что любое духовное возрождение мы приветствуем. Для каждого отдельного человека это свое возрождение. Для евреев — это иудаизм.

С. Бурьянов. Я все-таки отвечаю на вопрос про двойные стандарты. Я считаю, что двойные-тройные стандарты не будут способствовать ни достижению толерантности, ни духовному возрождению, ни межконфессиональному миру. Наоборот, они будут провоцировать межрелигиозные, внутриконфессиональные конфликты и, в конце концов, приведут к ксенофобии и нетерпимости. Что касается законодательных инициатив Чуева, мы их изучаем регулярно, регулярно рецензируем. Дело в том, что эти инициативы имеют уже некую историю. У нас уже был сериал законопроектов господина Чуева, который предполагал введение понятия традиционной религиозной организации и затем наделение их специальными льготами с целью духовного возрождения и так далее.

Эти законопроекты Чуева действительно были, а новые — продолжение сериала. И естественно, все это прикрывается благовидными предложениями. На самом деле, так как правовых критериев нет, я полагаю, что даже если этот закон будет принят, он будет неправовым и антиконституционным.

Т. Киреев. Позиция по поправкам к УК такая — она озвучивалась в т.ч. и 12 января на пресс-конференции. Закон, который существует, достаточно суров и может быть достаточно жестоким к тем людям, которые преступают этот самый закон. Опять же, потому что мы не хотим, чтобы дело Копцева стало показательной поркой, мы не хотим, чтобы оно стало поводом для ужесточения Уголовного кодекса, это необязательно. Другое дело, что правоприменительная практика, которую мы, критиковали неоднократно, к сожалению, страдает. Нужно не ужесточать букву закона, а уметь ее существующую применять реально на практике.

У нас есть внутренняя статистика, в соответствии с которой на почве религиозной и расовой ненависти совершаются сотни преступлений, заявления и разбирательства происходят лишь в десятках случаев, а до суда доходят единицы. Власть способна действовать эффективно — на примере Копцева мы это видим. Я думаю, во многом проблема в том, что каждый отдельный судья, каждый отдельный следователь, милиционер не хочет портить себе статистику или просто недостаточно компетентен в этом вопросе. Мы сталкивались с подобной проблемой, когда сотрудники правоохранительных органов, начиная разбираться в деле, проявляли абсолютную некомпетентность. Можно, конечно их понять — существуют сложности организационного плана, им нужно нанять группу религиоведов, которые будут сидеть и разбираться в процессе. А если руководствоваться вашей логикой, то есть независимые религиоведы, есть зависимые... Получается, каждый раз мы сталкиваемся с тем, что закон хорош, но исполнители имеют какие-то изъяны. Так, например, у многих в прокуратуре после этого преступления глаза на лоб полезли: люди удивлялись, что это в принципе возможно! Человек приходит в храм с ножом, чтобы кого-то убить. Это просто абсурд и бред. Ведь храм, священное место, где люди молятся, они с Богом общаются. Это преступление, которое вообще невозможно оправдать. Но когда люди начинают вникать во все религиозные тонкости, они чувствуют, что у них не хватает знаний, чтобы работать. Опять же, мы приходим к тому, что есть организационные сложности. Воз-

можно, кто-то из сотрудников, чувствуя свою некомпетентность, может не пойти на решение вопроса о расовых и религиозных мотивах преступления, спустить дело на тормозах, чтобы просто скрыть свою некомпетентность. Другое дело, что в итоге это автоматически переносится на эффективность государственной политики, государственной машины — это безусловно. С этой проблемой мы опять же сталкиваемся.

С. Мозговой. Я полностью солидарен с Тимуром, действительно я считаю, что надо просто компетентно, профессионально работать каждому человеку на своей должности в соответствии с предназначением, и никакое ужесточение законов делу не поможет. У нас не научились реализовывать даже то законодательство, тот Уголовный кодекс, который есть. У нас начинают придумывать законодательство о противодействии экстремизму, которое тоже по сути дела повтор какой-то, вводит какой-то непонятный термин «экстремизм» в тело закона. Никакое ужесточение ничему не поможет.

В. Ойвин. Я тоже согласен с этой точкой зрения. В конце концов, есть такая юридическая аксиома, самая расхожая и общеупотребительная, что дело не в строгости закона, а в неизбежности его применения и наказания.

С. Мозговой. Просто возник вопрос, почему первой реакцией законодателей и политиков на кровавые события в синагоге на Бронной улице явилось требование принятия ужесточения неких законодательных мер — думцы на этом поприще проявились. Либо им больше нечего предложить обществу?

В. Ойвин. Я как раз и думаю, почему власти, с моей точки зрения, своим бездействием или тайными какими-то действиями, нам неизвестными — в лучшем случае своим бездействием — поощряют это? Потому что это дает им в руки аргументы для дальнейшего ужесточения законодательства и для дальнейшей авторитаризации нашего общества.

С. Бурьянов. Я присоединяюсь к мнению коллег. Действительно, ужесточение законодательства не поможет. А власть пытается ужесточать законодательство, во-первых, потому что можно замаскировать бездеятельность, некомпетентность, неспособность к решению существующих проблем в обществе и, как сказал Владимир Наумович, власть цинично использует трагические события для закручивания гаек.

В. Емельянов. Я могу еще добавить, что в сегодняшнем политическом контексте такого рода действия по противодействию со стороны властей приведут к тому, что окажется, что от ксенофобии у нас страдают православные Московской патриархии, а самой правозащитной организацией у нас является, конечно же, Союз православных граждан. Я подчеркиваю, в нынешнем политическом контексте.

Т. Киреев. Исключительно мое частное мнение: мне кажется, что нужно с одной стороны, показать деятельность, а с другой, что в России число тех, кто отрицательно относится к ксенофобам и антисемитам, прежде всего к антисемитам, значительно выросло. И тех, кто не принимает активных антисемитов, число этих людей выросло. Соответственно, депутаты показывают, что борются с этим злом и пытаются тем самым набрать какие-то свои политические очки.

Я даже слышал такое мнение политологов и пиарщиков, что качели качнулись в обратную сторону: в прошлом году пытались форсировать тему национализма на «письме 500», увидели, что не прошло, повернулись в другую сторону, в сторону борьбы с теми, кто был в «фаворе» в прошлом году. Сейчас смешно смотреть на то, как после событий в синагоге на Бронной кто-то начинает говорить: «Надо в комиссии по этике обсудить прошлогоднее поведение депутатов, которые писали эти письма».

В. Ойвин. С моей точки зрения это называется имитацией деятельности.

Михаил Ситников. Я согласен с тем, что законодательство у нас несовершенное, но достаточно хорошо разработанное, но правоприменительная практика совершенно позорнейшая, уровень сотрудников, работающих непосредственно на следствии, очень низкий. Что касается религиозного профиля — он вообще незнаком людям. Вот Центр русской духовности или «богородичники». Мне по этому поводу приходилось общаться с оперативными работниками и работниками прокуратуры. Главный аргумент там такой: почему вас интересуют эти «богородичники»? Да кто это такие? Да это вообще сектанты какие-то, бабки, не пойми кто. В то время как эта — да, маленькая, да, скромная, но очень грамотная религиозная организация, в которой работают здоровые, адекватные люди, которые больше христиане, честно говоря, чем люди, которых можно встретить на большинстве православных приходов. Но тем не менее существует стереотип. Если это не РПЦ МП, если это не митрополит Кирилл, если это в лучшем случае не отец Димитрий Смирнов — значит это отбросы, их можно топтать, никакой закон на них не распространяется. Вот отношение к закону. Оно не только в отношении религиозных организаций, но и в отношении всех людей. Если человек бомж — его можно бить, если человек занимает положение — его надо защищать, если у него есть деньги — на него надо работать. Вот как работают наши представители закона. Много можно приводить примеров, но все будет в этом направлении. Тенденция, однако!

В. Ойвин. К сожалению, я должен согласиться с Михаилом Ситниковым. Уровень всей нашей правоохранительной системы, начиная с самого высшего уровня, не говоря уж о низшем, за последние годы катастрофически упал. В качестве примера могу рассказать о, правда, не имеющем отношения к нашей теме вчерашнем выступлении господина Шепеля на суде по делу Нурпаши Кулаева, когда зам. Генерального прокурора по Северо-Кавказскому округу требует смертной казни для подсудимого — это при том, что есть действующее решение Конституционного суда, которое запрещает не только приведение в исполнение смертных приговоров, а которое запрещает их вынесение до введения судов присяжных во всех субъектах Федерации. И господин заместитель Генерального прокурора в этих условиях позволяет себе требовать смертной казни. Это либо крайний цинизм, либо несоответствие занимаемой должности. А что же требовать от низших звеньев, если так себя позволяет вести зам. Генерального прокурора.

В. Ойвин. Коллеги, как вы считаете — поможет ли в борьбе с нетерпимостью использование в религиозной политике понятий «духовная безопасность», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм»? Каковы причины появления этих терминов в науке, законодательстве и СМИ? Как их применение отражается на состоянии реализации свободы совести?

В. Емельянов. Давайте начнем с середины. Я думаю, что они появились просто как нужный инструмент, чтобы что-то объяснять. Другое дело, что инструмент плохонький, с бюрократическим российским душком, и посему его использование на реализации свободы совести отражается самым негативным образом. Что касается «помогает — не помогает», я считаю, что не помогает, и эти термины надо изъять из практики в том виде, как они существуют, т. е. без прилагательных. Есть безопасность, есть экстремизм, но без прилагательных. Только за исключением последнего. Мы говорим об «исламском экстремизме». Безусловно, этот термин неадекватный, но тем не менее

объективен и имеет право на существование. Сейчас многими серьезными учеными признается такой термин как «исламизм», обозначающий явление, присущее, в значительной степени, именно исламской религии, где политическая и чисто религиозная составляющие находятся в таком тесном, большем, чем в других религиях, единстве. Это означает некую общественно-политическую производную от ислама как религии, но тем не менее не тождественную ей. Учитывая, что сегодня как общественное явление ислам проявляет себя именно как исламизм а не как адекватное тождественное воплощение истинной религии, мне кажется, что термин «исламизм» без негативной нагрузки вполне имеет право на существование как рабочий инструментальный.

С. Мозговой. Дело в том, что вопросы поставлены правильно. Наш институт одним из первых поднял эти вопросы в науке, общественной мысли и потребовал, в частности, от ученых, религиоведов, юристов прекратить и употреблять эти термины, и воспроизводить их в науке и образовании. По этому поводу мы подготовили ряд экспертиз, заключений и диссертаций, но, к сожалению, некоторые маститые религиоведы, госчиновники и государственные менеджеры продолжают не только употреблять эти термины, но и внедрять в дело практического использования. Например, в Кабардино-Балкарии в МВД есть специальный отдел по борьбе с религиозным экстремизмом. Именно этот отдел в немалой степени был причастен к нарушению прав мусульман, что вызвало закономерную и ожидаемую реакцию — события в Нальчике. Причин здесь много. Наш анализ профессиональной подготовки силовиков и госслужащих показал, что они очень мало прислушиваются к светским ученым, к светской науке, но очень много прислушиваются к богословам. Вот сейчас в миссионерском отделе РПЦ МП, который возглавляет архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов), издана книга «Религиозная безопасность», где все эти понятия изданы как научный труд. Кроме того, на эту тему защищаются диссертации во многих вузах в системе МВД, Минобороны, гражданских государственных и т. д., и все это проходит на ура в ученых советах. Я не знаю, какими критериями они руководствуются, но научных и правовых критериев не существует! Как изменить эту ситуацию? Делать все это прозрачным и гласным, в т. ч. и науку. Но наука закрывается от общественного контроля и от контроля со стороны самих ученых. Наша практика это показала.

С. Бурьянов. Я продолжу мысль своего коллеги Сергея Мозгового. Естественно, я полностью согласен и с выводами Валерия Емельянова по поводу того, что неправовые и ненаучные термины не могут самым негативным образом не отразиться на реализации принципов свободы совести, на состоянии ксенофобии, нетерпимости и т. д. Они все это разжигают. Более того, несмотря на то, что в России действует закон о противодействии экстремистской деятельности, термин «экстремизм» признается многими экспертами не только неправовым, но и ненаучным, т. е. он носит оценочный характер, зачастую несет идеологическую нагрузку, может в силу своей специфики применяться избирательно. А закон был принят, очевидно, для борьбы с политическими оппонентами, а также для возможных зачисток на мировоззренческом поле. Хотя, пока нет закона о религиозном экстремизме тем не менее многие наши правоохранители и ученые именно так трактуют этот термин. Действительно, нужно полностью изъять эти термины из правового оборота. В науке порядочные ученые, я считаю, тоже должны отказаться от этих терминов и, естественно, в дальнейшем законодательство с использованием этих терминов недопустимо в правовом демократическом государстве.

В. Ойвин. Несмотря на участие в правозащитном сообществе и членство в «Общем действии», действительно я должен констатировать с огорчением, что правозащитное сообщество неадекватно относится к этим проблемам. Оно недооценивает их важность, влияние на ситуацию в стране. И все мои попытки, может быть, они были недостаточными, вынести эти вопросы на обсуждение правозащитных структур и в частности Гражданского конгресса, к сожалению, пока успехом не увенчались. Я не думаю, что это делается сознательно. Полагаю, что налицо элементарное непонимание важности этих процессов в обществе. И, кстати, я думаю, что последние события — и в синагоге на Бронной, и с антиисламскими карикатурами — все-таки могут заставить правозащитные сообщества и зарождающееся гражданское общество гораздо более серьезно отнестись к этим проблемам. Надеюсь, что наши действия и мои, как зампреда фонда «Гласность», и Мозгового, и Бурьянова (это вообще их основное поле деятельности) все же принесут результат. Все-таки мы постараемся ввести эти проблемы в разряд более актуальных для правозащитных структур.

М. Ситников. Я высказываю свою озабоченность тем, что даже в лексиконе правозащитников и людей, которые возглавляют мощные журналистские сообщества и организации, которые являются, так скажем, методистами для журналистского сообщества демократической ориентации, есть эти термины. Например, на радиостанции «Свобода» 6 февраля в программе, которую ведет Кара-Мурза, обсуждалась история с карикатурами на пророка Мухаммеда, брали, в частности, интервью у Игоря Яковенко, председателя Союза журналистов. Он в общем-то открытым текстом сказал, что это все исламский экстремизм, причина в том, что они налезают, давят, и нечего считаться, никакой политкорректности, надо и впредь так действовать, главное — свобода слова. Некоторые говорят: но вы тоже провели в Центре Сахарова выставку, которая оскорбила религиозные чувства православных. Но тут иной случай. Дело в том, что карикатуры на пророка Мухаммеда были сделаны не в четырех стенах, а публично — распространены в многотиражных газетах.

С. Бурьянов. Я думаю, что ответить на вопрос «что делать?» по результатам нашего круглого стола невозможно, но, что лежит на поверхности, нужно требовать от власти соблюдения Конституции РФ, а конкретно — статей 13, 14, 28, т. е. статей, которые утверждают принципы свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и идеологического многообразия, а также других основополагающих конституционных принципов. И в качестве конкретного предложения я считаю, что правозащитное движение должно наконец-то уделить внимание проблеме реализации принципов свободы совести, светскости государства, более квалифицированно работать, привлекать различные исследовательские структуры для решения этих проблем и нужно начать хотя бы с некоего ликбеза. Потому что неправовые термины «секта» и «религиозный экстремизм» порой звучат даже из уст наших авторитетных правозащитников.

Т. Киреев. Если очень коротко — должна совершенствоваться правоприменительная практика, и надо использовать все возможные каналы, чтобы власть осознала необходимость решения этой проблемы.

С. Мозговой. Я думаю, необходимо, чтобы деятельность всех субъектов этих правоотношений была прозрачной, т. е. государственные, правоохранительные органы должны быть подотчетны гражданскому обществу.

В. Ойвин. Большое спасибо всем присутствующим!

2. КРУГЛЫЙ СТОЛ

«СПАСТИ РЯДОВОГО СЫЧЕВА. ПОМОЖЕТ ЛИ ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И БОЕСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ?»

Место и дата проведения

Москва, редакция «Портала-Credo.Ru», 17 марта 2006 года.

Организаторы

Институт свободы совести, Независимое информационно-аналитическое Интернет-издание о религии «Портал-Credo.Ru», фонд «Гласность», Центр военно-религиозных исследований.

Участники

Бурьянов С., сопредседатель Совета Института свободы совести;
Мельков С., советник председателя Совета муфтиев России;
Мозговой С., сопредседатель Совета Института свободы совести;
Ойвин В., заместитель председателя правления фонда «Гласность»;
Поляк Р., редактор независимого издания «Вестник МОСТОК»;
Рыжов Л., эксперт Центра военно-религиозных исследований;
Солдатов А., главный редактор «Портала-Credo.Ru».

Информационная поддержка

«Портал-Credo.Ru», научный гуманитарный журнал «Политика и общество».

Цель круглого стола

Обсуждение современных тенденций клерикализации российских «силовых» структур в контексте конституционных принципов свободы совести и светскости государства, выработка правовой оценки и рекомендаций.

Задачи круглого стола

- обсуждение исторических предпосылок и современных тенденций клерикализации российской армии;
- обсуждение проблемы реализации прав военнослужащих;
- обсуждение проблемы введения войсковых священников;
- выработка правовой оценки и рекомендаций.

Вопросы для обсуждения

Соответствуют ли современные тенденции клерикализации российской армии конституционным принципам свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений? Как они отражаются на реализации прав военнослужа-

щих? Как следует оценивать исторические формы взаимодействия религии и силовых институтов государства в контексте современности?

Будет ли способствовать клерикализации вооруженных сил, в том числе введение института войсковых священников, решению проблем дисциплины и боеспособности? Может ли международный опыт служить обоснованием клерикализации?

Каковы польза и риски клерикализации силовых структур для российского государства и общества? На чем должна основываться политика демократического светского поликонфессионального государства в области военно-религиозных отношений?

СТЕНОГРАММА

Александр Солдатов. Дорогие дама и господа! Начинаем наш круглый стол «Спасти рядового Сычева. Поможет ли введение института военного духовенства укреплению дисциплины и боеспособности российской армии?».

Это второй по счету круглый стол, который проводится здесь, в редакции независимого информационно-аналитического интернет-издания о религии «Портал-Credo.Ru». Первый наш круглый стол был посвящен не менее печальным обстоятельствам. Так получается, что поводом для каждой нашей встречи становится кровь, пролитая по той или иной причине. Первый круглый стол был посвящен резне в московской синагоге на Большой Бронной. Нынешняя тема имеет свою специфику, хотя определенная преемственность, к сожалению, между темами двух круглых столов есть. Мы живем в социальных условиях, которые, к сожалению, не гарантируют безопасности людям даже тогда, когда они осуществляют свои какие-то религиозные традиции, религиозные потребности. Я думаю, что кровь, пролитая в одном случае в священном месте, в другом случае — в армии, которая тоже воспринимается в нашей национальной культуре как нечто сакральное, заставляет серьезно задуматься, сохранились ли у России, у русского народа традиционные святыни, если кровь проливается в таких местах?

Хочу напомнить, что проводится наш экспертный круглый стол не только под эгидой нашего Портала, но и при активнейшем участии Института свободы совести, представленного сопредседателями его совета Сергеем Мозговым и Сергеем Бурьяновым, которым принадлежит львиная доля трудов по организации и выработке формата нашей встречи, за что им низжайшая благодарность. Также участвует в организации круглого стола Фонд «Гласность», представленный заместителем председателя правления Фонда Владимиром Наумовичем Ойвиным.

Не далее, как сегодня, пришла печальная новость о том, что российская армия понесла две новых небоевых потери. В одном из гарнизонов Ленинградской области был обнаружен убитый или самоубившийся солдат, призванный из Вологодской области, а в Ульяновской области, в одном из мусульманских сел, сегодня состоялись похороны военнослужащего-срочника, который погиб на Сахалине в результате неуставных отношений. Есть основания полагать, что компонентом этих неуставных отношений была неприязнь к его национальности и к его вероисповеданию, потому что он мусульманин. Я предлагаю почтить память этих двоих человек и других, погибших в российской армии в мирное время, вставанием и минутой молчания.

(Все встают.)

Я не буду долго делиться своими мыслями на тему духовного окормления армии, тем более что я не такой уж большой специалист в этой области, а предложу вам небольшой материал, опубликованный в газете «Московские новости» № 4 за 3—9 февраля 2006 г., где я являюсь религиозным обозревателем. Этот материал написан от лица православного священника и в очень лаконичной и литературной форме выражает наш подход к проблеме сегодняшнего круглого стола.

«Как скромный провинциальный священник, — пишет протоиерей Николай Головачев, — я имею довольно скромный опыт пастырского служения в воинских частях. Но в одной из них бываю регулярно, раз в неделю. Среди же постоянных моих прихожан есть несчастные матери, сыновья которых вернулись из армии инвалидами. Так что дедовщина — моя большая боль.

Армию сегодня окормляет около двух тысяч священников — в основном бывшие военнослужащие. Священниками в последние годы активно становятся отставные офицеры и прапорщики, не сумевшие приспособиться к условиям жизни на «гражданке». Эти люди быстро находят себя в церкви, потому что есть психологическая близость между армейской и церковной дисциплинами. Но большой минус я вижу в том, что военных начинают окормлять люди, которые сами не расстались с армейской психологией, в том числе с ее темными сторонами.

Вот этим и объясняется то, что отношение к дедовщине среди священников неоднозначное. Конечно, самые чудовищные ее проявления все осуждают. Но при этом «капелланы» охотно поддерживают идею «наставничества» старослужащих над «салагами» (а ведь это и есть почва для дедовщины!). Многие видят в этом аналог церковного послушания, когда опытные монахи-старцы смиряют новоначальных послушников. Но армия не монастырь! Смирение новоначальных в монастыре и унижение «салаг» в армии — противоположные вещи. В монастыре смиряют с любовью, а в армии унижают с ненавистью, старец заботится о спасении души послушника, а «дед» — о собственном самоутверждении и удовольствии.

У нас в церкви сейчас так много священников из военных, что армейские порядки переносятся и в церковную жизнь — в некоторых монастырях создается атмосфера той самой дедовщины, о чем прямым текстом говорил наш Патриарх в докладе на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года.

Могут ли священники, даже если их будет в армии не две тысячи, а все десять, как-то переломить ситуацию, уменьшить число смертей и увечий солдат в мирное время? Тяжелый вопрос. Мало мы пока влияем на нравственный климат всего общества, а армия — едва ли не самая больная его часть. Многие, очень многие из нас, священников и особенно иерархов, предпочли близость к власти и к богатым людям единству с простым народом. Так и в армии: батюшка общается с офицерами, начальниками, принимает на трибуне парад, а в казарму если и заходит, то только, чтобы окропить ее святой водой. Опять же сошлюсь на Патриарха, который из года в год говорит на епархиальных собраниях города Москвы, что большинство священников подражает образу жизни «новых русских», стремится войти в современную «элиту». А еще — это я знаю из своего опыта — солдат отталкивает «принудиловка», когда их водят в храм строем.

В общем, я боюсь, что в нынешних условиях наша церковь не справится с дедовщиной, даже если будет введен институт профессиональных капелланов на зарплате из бюджета. Армейские священники должны не бояться обличать пороки армии,

воевать с ними — если надо — через прессу и самое высокое начальство. А появление капелланов из числа бывших офицеров, привыкших к этим порокам, наоборот, приведет к проникновению в церковь «армейских» ценностей и к срастанию капелланов с армейским начальством».

Ну, я не буду читать заключительный абзац, где автор предлагает некоторые способы решения проблемы дедовщины, потому что мы тут тоже собрались, чтобы попытаться эти способы предложить.

Давайте начнем наше обсуждение, наш экспертный анализ, в том порядке, в котором все мы обозначены в пресс-релизе.

Все ли согласны с тем, что в современной российской армии происходит определенная клерикализация? Что институт политруков, на отсутствие которого жаловались на протяжении последних 15 лет армейские начальники, наконец, начинает системно заменяться институтом новых политруков? Правда, как правило, они не такие уж и новые, а зачастую рукоположившиеся во священники старые политруки. Согласны ли вы с тем, что эту тенденцию можно обозначить так: приход института новых политруков из рукоположенных в Русской православной церкви Московского патриархата старых политруков? Кто хотел бы опровергнуть подобную позицию?

Римма Поляк. Вы знаете, я в общем-то, мало имею отношения к армии и мне трудно сказать, что происходит именно в ней, но происходит клерикализация всего общества, и я думаю, что такая тенденция в армии — отражение тенденции того, что происходит в нашей стране вообще. Потому что комиссары, так сказать, светские, которые у нас были раньше, сейчас заменяются православными деятелями.

А. Солдатов. Значит, вы не видите специфики?

Р. Поляк. Я не вижу специфики. Я считаю, что статья, которую вы прочитали, узко смотрит на тему, потому вопрос касается не только армии, а всего общества, а армия, в данном случае — это часть общества, причем самая закрытая ее часть. И поэтому все отрицательные тенденции, которые появляются в обществе, в армии приобретают более искаженные и более удручающие черты.

А. Солдатов. Хорошо, но такой специфический феномен, как дедовщина, есть в светском обществе?

Р. Поляк. Есть. Он есть даже в школах, с чем сталкивалась я, например, когда моя дочь училась в первом классе. Там есть элементы дедовщины. Я думаю, что это элементы, которые приходят из уголовного мира. В армию они пришли из уголовного мира в свое время — когда-то, в конце 50-х — начале 60-х годов. Они пронизывают наше общество. И я думаю, именно потому, что армия — закрытый от общества институт, там это принимает такие ужасающие формы. Но вообще это существует не только в армии. В том числе, вот сейчас и клерикализм.

А. Солдатов. Господин Мельков что-то хочет сказать.

Сергей Мельков. Наверное, все-таки, здесь надо четко определиться. Если мы говорим о клерикализации как институциональном оформлении взаимоотношений между вооруженными силами и/или какими-то структурами Министерства обороны, с одной стороны, и Русской православной церковью — с другой, то да, надо признать, что этот процесс идет очень активно, и, на мой взгляд, активнее, чем в целом в обществе. Это первая посылка. Вторая. Я не считаю, что процесс клерикализации в самом широком смысле идет, то есть процесс клерикализации как некое отражение одновременного процесса увеличения количества верующих, роста религиозного сознания в обществе

и среди верующих. Скорее даже наоборот, исследования показывают (думаю, Сергей Александрович Мозговой еще скажет об этом, поскольку он проводил неоднократные исследования), что количество верующих в армии постепенно снижается. Поэтому, если говорить о клерикализации как о процессе заполнения идеологического вакуума, то, наверное, да. Клерикализация отражает нынешнее состояние определенной бездуховности, определенного идеологического вакуума, который армейские органы воспитательной работы заполнить, к сожалению, не в состоянии. Смогут они заполнить в будущем или нет — я не знаю. И еще один момент, о котором сразу хочу сказать. Мне представляется, что нынешнее возбуждение интереса к введению института военных священников в армии, на мой опять же взгляд, в первую очередь связано с желанием Русской православной церкви Московского патриархата «оседлать» те финансовые потоки, которые, благодаря высоким ценам на нефть и газ, хлынули в Российскую Федерацию. В первую очередь, активизация темы военных священников связана с этим.

Сергей Мозговой. Я думаю, что клерикализация институтов государства, силовых ведомств идет полным ходом, причем цинично, наступательно, нагло. Конечно, я веду здесь речь не об увеличении в процентном отношении верующих — такого увеличения сейчас не происходит, это действительно так. А что касается попыток церковной организации встроиться в государственные органы на всех уровнях, включая силовые министерства и ведомства, этот факт мы видим налицо, причем это происходит незаконным и явочным порядком.

А. Солдатов. Сергей Александрович, вы не слишком расширяете рамки нашей дискуссии? Мы хотели сосредоточиться исключительно на армейских проблемах.

С. Мозговой. Касательно армейских проблем: дело в том, что порой в самих воинских частях идет строительство культовых учреждений по желанию только командира и местного священника или архиерея. Воинский начальник надеется получить за это церковный орден или еще что-то в этом роде. А, может быть, даже больше ради того, чтобы лишний раз «пропиариться», и ради некой моды, которая у нас появилась в начале 90-х годов. Кроме того, порой неопиты в лампадах или без оных — в этом ничего плохого нет — начинают использовать свое служебное положение вопреки государственным интересам, которые выражены в законодательстве, то это и называется клерикализация. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» 1998 года, а также Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» напрямую запрещают военнослужащим использовать свое служебное положение для пропаганды или формирования того или иного отношения к религии. В то же самое время это делают многие командиры. Мало того, факультеты православной культуры — аналог курса «Основ православной культуры» в школе — вводятся именно приказами главнокомандующих видов вооруженных сил. В частности, именно будущий маршал и министр обороны РФ Игорь Сергеев, будучи еще главкомом ракетных войск стратегического назначения (РВСН), подписал директиву о создании факультета православной культуры в Академии ракетных войск имени Дзержинского, позже переименованной в академию Петра Великого. Кроме того, он издал директиву о том, чтобы эту инициативу распространить на все вузы РВСН. На этой директиве написано: «Благословляю. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II».

А. Солдатов. Мне кажется, что вы впервые на нашем круглом столе обозначили принципиальное отличие клерикализации армии от клерикализации общества вообще. Все согласны, никто вроде не спорит с тем, что происходит клерикализация

общества и что руководство одной господствующей церкви — Московского патриархата — занимает неподобающее, неконституционное положение во власти, в разных общественных институтах. Но я вас понял так, что клерикализация армии имеет очень неприятную особенность, отличную от всех других видов клерикализации, а именно: военнослужащие, в силу специфической армейской дисциплины, в силу приказа, который не обсуждается, не в состоянии, так сказать, уклониться от насильственного вовлечения в деятельность этой религиозной организации — Русская православная церковь Московского патриархата, в то время как у чиновников или рядовых граждан еще есть некие лазейки — они могут пойти на какой-то компромисс и не слишком браться с церковными священноначальниками. А вот что может сделать военнослужащий, для которого сила приказа абсолютна, если его командир является клерикалом? Получается, что клерикализация армии чревата тем, что все военнослужащие как бы лишаются самых элементарных форм своего права на свободу совести. Не каких-то там утонченных, а элементарных: хочу или не хочу идти в церковь — он не может самостоятельно решить.

С. Мозговой. Не может. Потому что в армии все регламентировано. Вообще это есть во всех силовых министерствах и ведомствах. Если в строю стоят военнослужащие, а приглашенный священник стоит на трибуне и окропляет их святой водой, или благословляет, к примеру, эшелон на чеченскую войну, то хочет или не хочет этого военнослужащий, его спрашивать не будут. Кроме того, на все мероприятия командование приглашает именно православных священников, не спрашивая подчиненных, кого они хотят видеть и хотят ли они видеть их вообще.

А. Солдатов. Ну хорошо. Сторонники клерикализации армии всегда ссылаются на зарубежный опыт. Ведь в зарубежных армиях, в западных, в частности, в американской, ведь тоже есть воинская дисциплина, и тоже есть сила приказа, который не обсуждается, и тоже есть хождение строем на религиозные мероприятия. Если это нарушение фундаментального права на свободу совести, то не нарушается ли оно и во всех остальных странах, где есть институт военного духовенства?

С. Мозговой. Ну, это вопрос очень широкий. Если коротко отвечать, если рассматривать нюансы, то нарушается. Если рассматривать конкретно, то — во-первых, во многих странах строем на богослужения не ходят... А у нас отдельные командиры внаглую игнорируют Строевой устав ВС РФ и Устав гарнизонной и караульной служб ВС РФ, нарушая Положение Боевого Знамени воинской части и привлекая к гарнизонным мероприятиям с участием войск священнослужителей РПЦ МП. Ведь в строю стоят как атеисты, так и верующие разных вероисповеданий, а военнослужащий возразить начальству не может.

А. Солдатов. Строем ходят только в России, значит?

С. Мозговой. Совершенно верно. Мало того, последние скандалы, которые прокатились в армии США, связаны с тем, что проблемой стало даже употреблять перед всем строем слово «Бог» — за это капеллан уже несет ответственность. Я интересовался опытом Соединенных Штатов Америки и скажу вам, что, например, в Пентагоне офицер, кем бы он ни был — католиком, протестантом, иудеем или другого вероисповедания — прежде чем пойти на католическую мессу, либо на молитвенный завтрак, которые организуются в Пентагоне, сначала отпрашивается у командира — своего непосредственного начальника. Тот отпускает с условием, что он потом этот час отработает, и на час позже уйдет со службы. Мало того, в здании Пентагона эти

мероприятия проводятся не в храме, а в зале для совещаний, в котором нет никакой религиозной символики... Даже в молитвенной комнате, которая была создана сотрудниками Пентагона в Мемориале погибшим 11 сентября 2001 года, только один государственный символ — эмблема оборонного ведомства.

А. Солдатов. Ну, это уже нюансы. А вот как бы вы в двух словах обозначили отличие клерикализации российской армии от духовного окормления западных армий. Ведь внешне очень много сходства между этими двумя явлениями. В чем принципиальная разница? Дайте нам четкое определение, какой-то четкий критерий.

С. Мозговой. Дело в том, что четкий критерий я могу дать относительно того, что институты гражданского общества, которые хорошо развиты в западных странах, минимизируют те негативные последствия, которые могут повлечь за собой политические проблемы, связанные с клерикализацией.

А. Солдатов. Духовное окормление армии неизбежно влечет негативные последствия?

С. Мозговой. Не неизбежно. Но я не хочу идеализировать западный опыт, потому что знаю, что там идеологическая составляющая в деятельности военных капелланов имеет место быть.

А. Солдатов. Понятно. То есть единственная разница в том, что в России нет институтов гражданского общества, которые могли бы контролировать духовное окормление армии?

Владимир Ойвин. Нет, я так понял, что не только в этом. То, что я знаю о западных армиях и западном обществе, то, о чем говорил господин Мозговой, — там исключено хождение на религиозные ритуалы строем. Там это дело — исключительно выражение свободы воли каждого военнослужащего. Другое дело, что может быть там традиция более распространенная, поэтому она может в какой-то степени произвести — поскольку она более массовая, чем у нас, — впечатление, что раз верующих так много, то это не может быть добровольным. Но это на наш совковый взгляд.

А. Солдатов. Разница культур?

В. Ойвин. Разница культур и менталитетов. Я хочу напомнить только, кстати, историю восьмидесятилетней — или даже больше — давности. У нас любят вспоминать о так называемой Святой Руси, которая до революции вся была сплошь шибко верующая. Но как только в русской армии после февральской революции 17 года отменили обязательное причастие, количество причащающихся сократилось сначала до 10 процентов, а потом еще в два раза. То есть, этой традиции на самом деле в глубине сознания не было даже в дореволюционной армии. Откуда ж ей взяться сейчас? Ее нет. Если она проявляется в том виде, в каком она проявляется сейчас, это совершенно очевидно, что она навязываемая.

А. Солдатов. Госпожа Поляк, ваше мнение?

Р. Поляк. Я, собственно, хотела сказать то же самое. Отличие в том, что на Западе это частное дело человека — он в свое свободное время это делает. Дело не в том, сколько людей, а в том, что они это делают добровольно. У нас же это происходит строем, навязано сверху.

А. Солдатов. Простите, но все-таки капеллан, который служит в вооруженных силах зарубежных стран, не является частным лицом.

Р. Поляк. Я не про капеллана говорю. Я про того офицера, который отпрашивается и потом обрабатывает...

Леонид Рыжов. Я хотел бы сделать некоторые пояснения на этот счет. Длительное время занимаясь изучением опыта деятельности военных капелланов в западных армиях как на уровне теории проблемы, так и прямых контактов на конференциях и семинарах с представителями этой профессии, у меня сформировалось достаточно отчетливое представление о содержательной части понятия. В этой связи весьма легковесные и упрощенные интерпретации понятия «западный опыт», которые можно услышать не только на публичном уровне, но и в научной среде, по вполне понятным причинам, не только не удивляют, но и вызывают определенные опасения за результаты его внедрения, особенно в армейской среде.

В содержательном плане «западный опыт» — это настолько емкое и разноплановое явление, что какие-то однозначные схемы по отношению к нему неприменимы. В самом общем виде можно проследить две тенденции в практике духовного окормления солдат и офицеров западных армий. Первая тенденция, по формальным признакам я бы назвал ее институциональной, характеризуется тем, что конфессиональные структуры через своих представителей жестко вплетены в структуру министерств обороны. Капелланы при этом, как правило, имеют воинские звания, в их обязанности входит оказание помощи командирам по вопросам, выходящим за рамки их прямого предназначения, идеологическая компонента в их деятельности выражена очень отчетливо.

В качестве наглядного примера реализации этой тенденции в условиях воинской деятельности можно привести систему духовного окормления в армии страны, на которую у нас нередко ссылаются, некритически выдавая ее порой за образец для подражания во всех областях. Несложно догадаться, что это Соединенные Штаты Америки. Нисколько не умаляя достижения американцев в развитости демократических институтов и гражданского общества, до уровня которых России еще расти и расти, тем не менее следует отметить, что США — это страна, где иная этноконфессиональная ситуация и религиозная традиция. Поэтому в Вооруженных силах США ответственность за религиозное воспитание лежит на командире. Капеллан, являясь офицером штаба, непосредственно организует его. В круг его обязанностей включены не только те, что определены его конфессиональной принадлежностью, но и иные, которые к деятельности духовного пастыря не имеют никакого отношения. Если не прямо противоположно, то по крайней мере несколько на иных началах построена деятельность военных священников в бундесвере. Немцы, исходя из учета негативного опыта во взаимоотношениях евангелической и католической церковью в годы нацистского режима в Германии в деле окормления солдат и офицеров вермахта, выработали иную, нежели американцы, схему. Я бы назвал эту модель координационной. Основным ее принципом является взаимная независимость государственно-административных и церковных структур. В соответствии с руководящими документами бундесвера военные священники — гражданские лица. В правовом отношении они приравниваются к государственным служащим, не находятся в состоянии подчиненности в иерархии военного командования и сами такими правами не обладают. Воинских званий они не имеют. Что касается епископата, то военным епископом является обычный епископ, возглавляющий ту или иную епархию, как правило, по месту дислокации войск. Характерный признак военнослужащих — это униформа. Если вы обратите внимание на фотографии священников современной немецкой армии на войсковых учениях, то увидите на погонах камуфляжа, который они на это время надевают, вместо знаков воинского различия знаки соответствующего вероисповедания.

А. Солдатов. Скажите, пожалуйста, господин Рыжов, а вы знакомы с законопроектом, подготовленным Главной военной прокуратурой России? Какую, по-Вашему, национальную модель пытались скопировать авторы этого проекта?

Л. Рыжов. Мне пока еще не удалось в деталях познакомиться с проектом, подготовленным военной прокуратурой, знаком лишь по слухам, и поэтому предметно ничего на этот счет сказать не могу. Что касается имеющихся у меня сведений, то, как я понял, это многовариантная компиляция. В этой связи лишь еще раз повторюсь, что если скопирована американская модель, то капеллан, или военный священник, — это офицер. Чего, акцентирую ваше внимание, в истории российской армии никогда не было.

А. Солдатов. Сергей Мозговой у нас знаком с документом достаточно детально, наизусть, наверное, помнит этот текст. У вас какие ассоциации?

С. Мозговой. Я согласен с Леонидом Григорьевичем. Этот документ трудно полностью идентифицировать с каким-то опытом. Это некая солянка или винегрет из двенадцати статей. Потому что, с одной стороны, в той же Московской патриархии и военной прокуратуре нам сказали, что они берут пример с Германии. Фактически Леонид Григорьевич сказал, что там есть многие элементы, в том числе воинские звания — из Америки. В общем, трудно, на мой взгляд, идентифицировать с конкретной страной. Пытались сделать под интересы, по-моему, о. Димитрия Смирнова — это настолько заметно.

А. Солдатов. А что вы думаете об опыте тех стран, на которые о. Димитрий Смирнов ссылается, где православное духовенство служит в армии? Первое, что приходит на ум, это Польша, где старший православный священник имеет генеральский чин и епископский сан соответственно. Подчиненные ему священники имеют другие офицерские звания и другие священнические саны. В Греции старший православный священник также имеет генеральское звание. Мне кажется, что в силу некоторых таких попыток представить Россию как мирового лидера православия, может быть, они опирались больше на опыт этих стран, который в чем-то более радикален, чем американский опыт?

С. Мозговой. Может быть, но, если позволите, я хотел бы сначала отреагировать на тот вопрос, который был задан раньше. Дело в том, что совершенно верно — в Германии капелланы не являются офицерами. Но: они являются государственными служащими. В этом смысле принципиального отличия от Америки нет, только те военнослужащие, а эти государственные служащие. Они в этот период находятся на государственной службе и действуют от лица государства. И от своей конфессии тоже. Но у них полностью статус государственного чиновника. Это четко. Поэтому, есть погоны или нет погон — это не принципиальный, я бы сказал, вопрос.

Что касается идеологических аспектов. Да, идеологические аспекты есть. Я про них мог бы рассказать очень многое. Здесь я с Леонидом Григорьевичем согласен. Просто один маленький нюанс. Мне удалось быть на североамериканско-европейских конференциях военных капелланов, в частности, в 1996 году в Осло. Так там военные капелланы на международной конференции рассматривали вопрос о том, какую идеологическую пропаганду и подготовку они будут проводить среди войск НАТО при оккупации Югославии, при дальнейших делах в этом конфликте.

А. Солдатов. Это были капелланы только блока НАТО?

С. Мозговой. Это были капелланы блока НАТО, а также были капелланы, приглашенные из Албании, где они уже появились к тому времени, были там офицеры по

связям с религиозными организациями из Болгарии, я представлял Россию, в частности, и так далее. Вопрос обсуждался открытым текстом. Французы возмущались и не принимали американские директивные указания, как действовать французам в этой ситуации. Но они принципиально всегда выступают против всего того, что говорят американцы, это, наверное, уже черта их характера.

И еще кое-что хотел добавить. Вы спрашивали, в чем я увидел наше принципиальное отличие. Владимир Наумович нам уже частично об этом сказал. Принципиальное отличие я увидел в том, что, к сожалению, у нас это превращается на практике в бюро ритуальных услуг. На Западе это в большей степени стремление реализовать право на свободу совести, действительно духовное окормление. Вот этот нюанс все-таки принципиальный.

А. Солдатов. Я посмею напомнить вам реплику Сергея Анатольевича Мелькова о том, что о ритуалах здесь речь идет в последнюю очередь, скорее речь идет об освоении бюджетных средств, и что много чести вы делаете российскому духовенству, которое служит в армии, когда говорите, что оно стремится какие-то ритуалы туда привнести.

В. Ойвин. Проникновение в армию священства происходит именно на уровне ритуала, это инструмент реализации других, более материальных задач.

А. Солдатов. Наживка?

В. Ойвин. Да, наживка. Поскольку она наиболее примитивна, наиболее легка в усвоении. А теперь я бы хотел все-таки возразить Сергею Александровичу насчет того, что нет разницы между штатским государственным служащим и военнослужащим. С моей точки зрения это все-таки разница большая. На уровне государственной службы нет такой тотальной субординации и все-таки свобода выражения воли у государственного служащего, тем более западного, гораздо больше, чем у военнослужащего, даже западного.

Сергей Мельков. Я хотел бы уточнить одну вещь. Когда я говорю о том, что нынешнюю ситуацию та или иная часть духовенства Русской православной церкви Московского патриархата пытается использовать, я ни в коей мере не хотел бы, чтобы это было воспринято таким образом, будто так считают все в Русской православной церкви. Это очень важно. Я знаком со многими священниками, в первую очередь, с теми, кто действительно отслужил в армии. И там тоже нет единой позиции. У меня есть ученик, который защитил кандидатскую диссертацию как раз по теме военно-религиозного взаимодействия. Так за те полтора года, что мы с ним работали, он совершил очень сильный мировоззренческий скачок. Это не значит, что он стал другим человеком, но многие свои позиции пересмотрел.

И мы понимаем, что внутри Русской православной церкви нет единства по этому вопросу. Я меньше знаком с руководителями, крупными иерархами. Но я думаю, что есть определенная, немалая и достаточно влиятельная категория — я знаю об этом, — которая считает, что слишком близкое сближение с государством, в том числе с вооруженными силами, может привести и к неприятным последствиям для самой Русской православной церкви. Но открыто люди такую позицию не высказывают, это идет не напрямую. Пофамильно называть не буду.

А. Солдатов. У нас еще Алексей Рябцев не высказывался совсем.

Алексей Рябцев. Я хотел бы вот на что обратить внимание. В тех странах, где существует военное священство, это связано вообще с взаимоотношениями государ-

ства и церкви. Это всегда очень традиционно: издавна идет и продолжается сейчас. Я хорошо знаю ситуацию в Румынии, где все священники — государственные служащие, в том числе и старообрядческие (у нас там достаточно развитая старообрядческая диаспора). И мы знаем, что все священники всех зарегистрированных конфессий получают государственное жалование. И в тех странах, где есть капелланы — там то же самое: священники получают жалование как на гражданке, так и в армии. Сказать, что это имеет какое-то положительное значение, очень сложно, потому что западная религиозность сейчас очень слабая, такая прохладная — и в Соединенных Штатах, и везде. Там, где она накаленная, там, кстати говоря, стараются священников в армию не пускать. К примеру, в мусульманских странах — кроме как в Иране и, может быть, в Саудовской Аравии еще. А в большинстве исламских стран никаких армейских мулл в армии нет. Потому что все понимают: допусти такую накаленную идеологию с различиями в вере у суннитов и шиитов — в армии тут же начнутся большие сложности.

У нас страна многоконфессиональная. У нас достаточно число атеистов. А в армейской среде нежелательно любое акцентирование внимания на различиях. Кстати, одна из причин дедовщины в том, что есть какие-то различия, а подростковое сознание, когда надо сбиться в группировку, побороться за лидерство, оно хватается за любые различия: старослужащие — молодые, русские — нерусские, кавказцы — некавказцы, мусульмане — православные, зенитовцы — спартаковцы. Им все равно, на что разбиться, а тут еще такая высокая идея подводится под их хулиганство... Ну, прекрасно! Значит, мусульмане будут бить православных, православные — мусульман. Так что это (введение священников в армию. — *Ред.*) вряд ли произойдет. Скорей всего нет.

Ничего хорошего из этого, в принципе, не должно получиться. И я думаю, что когда на Западе возникает большой процент мусульман, когда этот процент попадет в армию, мне кажется, там ликвидируют любых священников сразу. Как только возникнет какой-нибудь намек на религиозный конфликт.

А. Солдатов. Но есть же прецедент тех же США, где армия совершенно моноконфессиональная?

А. Рябцев. Наша ситуация совсем другая. У нас, во-первых, религиозность, с одной стороны, низкая, а с другой стороны, достаточно накаленная. Я ни разу не слышал, чтобы где-то была светская армия, а потом вдруг ее клерикализировали. Ну, за исключением Польши, там вообще все своеобразно, и бывших соцстран, где все схоже с нами. Хотелось бы еще такой аспект оговорить. На Западе все на какой-то традиционной — слабой ли, высокой — религиозности базируется. У нас, если взять каких-нибудь командиров, которые это дело проводят, и спросить их, а что, собственно, они знают про православие вообще, в чем состоит православная идеология — они вам вряд ли что-нибудь внятное скажут. У нас это все всегда очень двусмысленно и провокационно. В рамках модного слова — «постмодернизм» — вот это то самое. Понимаете, все не настоящее. Игра такая. Когда на религиозных темах начинают играть, я вас уверяю, добром это никогда не кончается.

Кто хочет с историей познакомиться, пусть историю Византии посмотрит. Когда власти там начали играть с религией, будет там уния — не будет уния, допустим ислам — не допустим ислам, ну все и кончилось. Нет никакой Византии. Чтобы обострить дискуссию, в провокационных целях — у меня такое впечатление создается, что у нас какой-то «троцкистский» заговор существует, который состоит в следующем: надо сделать все так, чтобы было как в 13-м году. Один в один. После того как

мы сделаем все как в 13-м году, у нас через четыре года будет 17-й. А уж так мы эту развилку повернем туда, куда нам надо.

А. Солдатов. Ну, знаете, чтобы после 13-го наступил 17-й, нужен еще 14-й, начать войну — короткую и победоносную, которая превратится в длинную и проигранную...

А. Рябцев. Это я в качестве шутки сказал. (Смех.) В каждой шутке есть доля шутки, и, конечно, некоторые круги это дело так и рассматривают. С другой стороны, вот нам, старообрядцам, вроде хорошо будет. Сейчас начнется навязывание никонианской веры, начнутся преследования старообрядцев, будет очень хорошо. Старообрядцы всегда, когда их гоняют, только крепче становятся. С другой стороны, мы знаем точно: ну хорошо, а будет потом какой-нибудь кризис и возникнет диктатура в стране? Кто может дать гарантии против этого? Нет такой гарантии. И там не будут разбираться, кто там никонианин, а кто старообрядец. Дадут так по башке, что потом вряд ли поднимемся. Поэтому я боюсь очень всех этих игр с религией.

А. Солдатов. То есть вы чувствуете приближение нового атеистического взрыва?

А. Рябцев. Я чувствую, что добром это не кончится.

Р. Поляк. Вопрос с моделью повис в воздухе, и мы так его и не решили. У меня такая версия, что за эталон берется модель дореволюционной России.

А. Солдатов. Ценное добавление хотел сделать господин Рыжов, пробежавший глазами текст закона. С его точки зрения как специалиста, все-таки отображена и положена в основу американская модель. Не смешанная, а американская. Так я вас понял?

Л. Рыжов. Не совсем так. Вы услышали только первую часть реплики, когда я оценивал то, каким образом в перспективе, в соответствии с проектом закона, планируется формировать иерархию российского военного священноначалия. В этом отношении, действительно, американская и предлагаемая модели практически идентичны. Однако даже беглый анализ других частей документа убеждает в том, что в поиске элементов тождества выбранной модели с иными, ныне существующими, здесь больше вопросов, нежели ответов на них. Скажем так: этот документ компилятивен и не является отражением той реальности, которую в «чистом» виде демонстрирует западный опыт. В то же время он противоречит и отечественной традиции. Что может из этого получиться, достаточно наглядно продемонстрировал художник из известной басни Крылова, который при написании картины следовал советам всех, кому он демонстрировал уже написанное полотно.

В. Ойвин. Говорится о том, что мы приближаемся к модели 13-го года. Но ведь в России, насколько я помню, полковой священник никогда военного звания не имел.

Л. Рыжов. Это действительно так. Должности войскового духовенства табелем о рангах были соотнесены с действующим тогда перечнем должностей военной иерархии. В частности, должность протопресвитера военного и морского духовенства, стоявшего во главе этого ведомства, соответствовала должности, которая предусматривала ее замещение военными служащими в воинском звании «генерал-лейтенант».

С. Мельков. Хотел бы поддержать линию об обсуждении модели. Мне кажется, вопрос о том, какая будет принята модель, не является первичным. Поскольку я политолог по образованию и по своим научным интересам, хотел бы, если получится коротко, посмотреть на эту проблему с политической точки зрения. Мне представляется, что неважно, какая модель будет взята. Будет взята та модель, которую в тот или иной

момент считает целесообразной руководство государства. Приведу доказательства. Вы знаете о том, что в феврале этого года во время круглого стола в редакции газеты «Известия» состоялась презентация упоминаемого сегодня законопроекта о военных священниках. Многие журналисты сильно приставали к отцу Димитрию Смирнову с вопросом, от кого все-таки зависит решение о введении института военных священников. Он очень сильно отбивался. Но поскольку его прижали в угол, Сергей Александрович не даст соврать, он вынужден был сказать: «Да поймите вы, все решает президент, и только от него все зависит!» Мне кажется, это признание дорогого стоит. Это не оговорка. И, на мой взгляд, это не случайность. Он сказал то, что есть на самом деле.

Возвращаюсь, с чего начинал. Да неважно, какая предлагается модель. Важно, кто будет принимать решения, с какой целью, для чего будет приниматься это решение. Поэтому я вернусь к названию нашего сегодняшнего мероприятия — «Спасти рядового Сычева. Поможет ли введение института решать какие-либо проблем?». Мне представляется, что сама активизация этой проблематики — проблематики военных священников в связи с рядовым Сычевым — это нормальная пиаровская, информационная, если хотите, акция, которая маскирует на самом деле совершенно другое. Никакие проблемы с дисциплиной института военных священников решить не в состоянии. Приведу короткие доказательства.

Первое. Во всех западных странах, где существует институт военных священников, нарушения воинской дисциплины, происшествия, преступления — существовали и существуют.

Второе. Введение этого института для решения идеологических задач в нашей стране представляется абсурдным в силу того, что орган для решения воспитательных и идеологических задач и так существует: Главное управление воспитательной работы, хуже, лучше оно справляется, но оно предназначено именно для решения воспитательных и, надеюсь, что идеологических задач. И если власть доверяет этим органам, то, конечно, мы понимаем, что институт военных священников — лишний.

Понимаете, нынешние органы воспитательной работы — в советское время они назывались политическими органами — занимались ведь не только воспитательной работой, хотя это тоже было. Главной функцией было осуществление политического контроля за армией и за командным составом. В советское время, это моя точка зрения, я не утверждаю, что я абсолютно прав, но я в этом уверен, главной их задачей был контроль за командирами, поскольку недоверие было изначально. Власть не доверяла никому. Для меня это очевидно.

Существовали две линии контроля. Кроме органов политической работы существовали органы военной контрразведки. Вот эта вилка — на ней армия сидела и не могла далеко уйти. Для меня это очевидно. На определенные периоды военных комиссаров, заграничные бригады в сложной обстановке и т. д. усиливали. Одну или вторую линию. Что получилось в настоящее время? Органы военной контрразведки сейчас не пользуются теми полномочиями, что вполне естественно. А власть у органов воспитательной работы практически забрали. Поэтому политическая власть ищет рычаги дополнительного контроля для того, чтобы обеспечить лояльность армии, поэтому мне представляется важным, хочу такой мини-вывод сделать, ошибочным является представление о том, что власть ждет от Русской православной церкви или вообще от института военного духовенства первоочередного решения воспитательных задач.

Может быть, какие-то институты нарождающегося гражданского общества хотят этого, но мне представляется, что для власти это может служить — в лучшем случае — маскировкой. Либо нужно предположить, что у руководства государства находятся политические дилетанты. А это не так.

А. Солдатов. Спасибо. Достаточно оригинальная позиция в отдельных своих пунктах. Достаточно обоснованная. Но принять эту позицию можно, только если мы верим в ряд аксиом. Во-первых, в политическую компетентность власти — в вашем построении она не требует доказательств, как я понимаю. Во-вторых, в эффективность некоторых старых институтов воспитательной работы и каких-то идеологических институтов, которые действуют в армии. В конце концов, это требует веры в то, что у современной российской армии вообще есть какая-то идеология. Так же, как у современного российского государства. То есть, вот эта ваша четкая, последовательная, логически выстроенная, глубокая, местами оригинальная концепция, может быть принята, только если мы на веру принимаем два-три ее базовых основания, которые мы принять не можем.

С. Мельков. Вы меня неправильно поняли. Я как раз говорю о том, что идеологическое поле оказалось абсолютно свободно — и в государстве, и в армии. Органы воспитательной работы, поскольку у них забрали политическую работу, оказались неэффективными на идеологическом поле, и власть как раз ищет их эффективную замену. И когда я говорил о компетентности власти, я не говорил о компетентности в социальном смысле. Я говорил о компетентности как раз в самодовлеющем властно-идеологическом смысле.

А. Солдатов. В административном смысле.

С. Мельков. Она как власть, наследуемая из советского прошлого, в административном смысле своего не упустит. И политический класс, стоящий у власти в настоящее время — номенклатура. В советское время единственным реальным политическим классом была номенклатура — она ведь и сейчас никуда не девалась, она осталась.

С. Мозговой. Частично с тем, что сказал Сергей Анатольевич, я согласен. Если мы вернемся к вопросу о военных священниках, то главный мотив, которым пытаются оправдать необходимость работать с ними, опираться на них — это не вопрос реализации свободы совести как таковой, а это задача патриотического воспитания военнослужащих в интересах выполнения, как это написано в документах и как это мотивируется в выступлениях официальных военачальников, задач боевой готовности. На повестке дня стоит прежде всего вопрос патриотического, а не духовного религиозного воспитания. В данном случае возникает вопрос о функциях христианства. Неужели мы должны сказать, что христианство — для войны? Здесь много вопросов.

Что касается армейско-церковных отношений. Здесь ставится задача чисто утилитарная и прагматическая. Это раз. Второе — то, что сказал Александр Валерьевич, очень серьезно. Это связано с полнейшей некомпетентностью кадров и отсутствием научно-обоснованной и конституционной позиции МО РФ по вопросу взаимодействия с религиозными объединениями. Что делать, как делать и зачем делать? Поэтому речь идет не только о некоем сакрализаторском замысле. Наблюдается полнейшая некомпетентность, когда начинают обращаться непонятно к какому опыту. Потому что полноценных исследований о том, как работает этот фактор, не проводилось. Да их сегодня и не смогут провести. Для этого необходимо иметь хорошо подготовлен-

ных, особенно в научно-методологическом плане, и религиозно не ангажированных специалистов. Сергей Анатольевич Мельков сказал по поводу зарубежного опыта, что в армиях других стран священники, в конечном счете, не могут решить проблему с дисциплиной. У нас, на самом деле, в тех частях, в которых есть священники, дисциплина не намного выше, но нам пытаются навязать миф, фальшивку — говорят: вот, где священник, там нет суицидов, крепче дисциплина и боеготовность. Полная чушь! Помните, в свое время коммунистический классик говорил: «Там, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках, там выше дух, там больше побед». С этим трудно не согласиться, тем более что политработники стремились объединить военнослужащих интернациональным воспитанием, а РПЦ МП напротив вносит элемент разделения в воинские коллективы.

Я вам гарантирую, если провести объективные исследования в войсках, то в тех частях, где построили храмы и трудятся священник, дисциплина несколько не выше, чем там, где его нет, зато лицемерие и казнокрадство мы обнаружим. Храмо-строительством занимаются те командиры, которые не хотят и не способны проводить индивидуально-воспитательную работу, а их деятельность нацелена на шоу-мероприятия и PR-акции с церковью, дабы пустить пыль в глаза начальству.

А. Солдатов. Я бы назвал это чуть-чуть по-другому: легитимизаторская. Власти на сакрализацию плевать. А на легитимность все-таки не плевать...

С. Мозговой. Кстати говоря, согласен по поводу того, что сказал Александр Валерьевич. Мало того, защищены, как минимум, две диссертации в Военном университете. В. М. Ераносян защитил по теме «Религиозный фактор в системе информационной безопасности России: военно-политический анализ». Он четко пишет: «Легитимизация силовых действий государства в отношении врага требует активного сотрудничества с духовенством». Четко записано, как научный вывод. Защищена и подобная докторская диссертация. Ее автором является доцент кафедры Военной социологии, кандидат социологических наук, капитан I ранга Владимир Веремчук. У вас на «Портале-Credo.Ru», кстати, об этом читал в новостях. Таким образом, то, что сказал Александр Валерьевич, это вполне реально.

Другое дело, что практика показывает, это очень важный момент, который я хочу отметить, что четкой позиции Министерства обороны по этому вопросу, адекватной, гласной на самом деле нет. Вы это заметили. В 2003 году мы были на конференции «Отечество. Армия. Церковь» в Культурном центре Вооруженных сил РФ. Там тогда выступил генерал-полковник Николай Резник и сказал, что Министерство обороны не будет вводить институт военного духовенства. А в конце прошлого года он уже сказал о том, что мы готовы к введению полковых священников, а уже в начале этого года поблагодарил патриарха Алексия II (Ридигера) за его готовность к введению военного духовенства. Генерал Резник заявил, что уже проводится эксперимент, связанный с прохождением службы священников в армии, но что это за эксперимент никто толком сказать не может. Да и подобные эксперименты, как мы знаем, незаконны. Наблюдается неумение строить грамотные отношения с религиозными организациями.

А. Солдатов. Ну, это отдельная тема. Я предлагаю отдельно поговорить о структуре системы взаимоотношения вооруженных сил и религиозных организаций.

А. Рябцев: У нас дискуссия приобретает несколько политический оттенок, чего я бы, например, очень не хотел. У меня такое глубокое убеждение, что церковь и политика должны быть разделены абсолютно. Ни малейшей не должно быть грани, где они

пересекаются. Как только они пересекутся, все! У нас был такой епископ Иннокентий (Усов), который говорил, что есть церковный круг, есть государственный. Эти круги где-то пересекаются. Вот там, где они пересекаются, сидит-глядит Зверь-антихрист. Я всегда, например, пытался и у себя в церкви бороться за то, чтобы церковь в политику не лезла. Мы лояльны к власти. Что хотите с нами делайте — мы лояльны! Каждый из нас имеет свои собственные политические убеждения, каждый по отдельности. В церковь пришли — все, закончились политические разногласия — мы все единые христиане. Чем опасна для нас эта ситуация с введением военного священства? Конечно, это будет священство РПЦ МП. Ясное дело, что нас там не будет. Просто потому, что, если бы мы даже захотели, у нас ни денег бы не хватило, ни кадров — ничего.

А. Солдатов. Каких денег? Деньги государство дает.

А. Рябцев. Деньги все равно понадобятся. На предварительную подготовку и т. д. Но получается следующая ситуация. Это же будет принято политическое решение о том, что такие-то священники будут там что-то делать с государственной точки зрения. Соответственно, эти священники правильные. А мы, которые говорим, что РПЦ МП безблагодатная, еретическая и все прочее, мы сразу вылетаем в разряд политических противников. На кой нам это все надо? Мы хотим, чтобы государство относилось к нам как к лояльным гражданам. Не боремся мы за власть. Не занимаемся мы антиправительственной пропагандой. Ничем мы не занимаемся. Только сами-то нас не заталкивайте туда. Ну, зачем это нужно-то, кому? Это же автоматом получается. Раз какая-то конфессия близка государству, значит оппозирующая ей и обзывающая ее еретической — она, соответственно, антигосударственная. Мы не хотим быть антигосударственной конфессией. Мы хотим жить в светском государстве.

С. Мельков. Дело в том, что есть два момента. Мне кажется, что многоуважаемый товарищ Рябцев как раз и подтвердил, что все в России всегда зависело от политики. И хотите вы этого или нет — у вас не получится остаться в стороне. И второй момент. То, о чем говорил Сергей Александрович Мозговой. Знаете, перед тем, как идти сюда, взял документы 1994 года — соглашение между Министерством обороны и Русской православной церковью.

А. Солдатов. Действующее?

С. Мельков. Его никто не отменял с 1994 года, только несколько расширили в 1997 году. Интересный документ! Не буду зачитывать все, но буквально несколько моментов. «В области реализации религиозных потребностей военнослужащих соглашением предполагается два пункта: координировать совместные усилия по защите прав и свобод военнослужащих и членов их семей на свободу вероисповедания. И второе — предоставлять возможность духовенству Русской православной церкви по согласованию с командованием воинских частей посещать военнослужащих. В области патриотического воспитания пять пунктов: развивать взаимодействие в деле возрождения православных традиций армии и флота, содействовать воспитанию у воинов нравственной мотивации военной службы, способности к самоотдаче, к подвигу на благо Родины, оказывать помощь командованию в формировании морально-психологической устойчивости военнослужащих в боевой обстановке и чрезвычайных ситуациях, приглашать священнослужителей РПЦ для участия в воинских ритуалах и торжествах, посвященных памятным датам истории страны и вооруженных сил, развивать сотрудничество между военными комиссариатами и епархиями Русской православной церкви в деле воспитания у допризывной и призывной молодежи

должного отношения к военной службе». Еще раз скажу, что, конечно, патриотическое воспитание может быть частью идеологического воспитания. В этом сотрудничество стоит явно на первом месте. А не реализация религиозных прав.

А. Солдатов. Это частный случай рыхлости российской правовой системы, поскольку закон о свободе совести препятствует религиозным организациям осуществлять деятельность, выходящую за рамки их собственно вероучительной, культовой, социально-благотворительной работы, в то время как этим соглашением на РПЦ МП прямо возлагаются функции, которые не свойственны религиозной организации по ее правовой природе, прописанной в российском законодательстве. По предложениям Главной военной прокуратуры она обязана этим заниматься, а по Закону о свободе совести эти виды деятельности не подпадают под признаки религиозной организации.

С. Мельков. Я читаю статью шестую Закона «О свободе совести»: «*Запрещается создание религиозных объединений как в органах государственной власти, — там идет дальше перечисление, и конец фразы, — так и в воинских частях*». Ну, что, здесь все ясно.

В. Ойвин. Я все-таки хотел бы полностью поддержать концепцию господина Мелькова и возразить Александру Валерьевичу насчет некомпетентности власти. Власть абсолютно компетентна в защите своих собственных корпоративных интересов. В этом она абсолютно компетентна. Другое дело, что она абсолютна некомпетентна в интересах государства, поскольку интересы государства на сегодняшний день диаметрально противоположны интересам этой самой власти.

А. Солдатов. Вы знаете, во многом это вопрос веры. У нас чуть-чуть разная политическая вера, скажем так. И поэтому спорить исходя из ценности политической веры каждого из нас — дело неблагодарное.

В. Ойвин. Дело не в политической вере каждого из нас. Вы говорили о том, что наша власть не настолько компетентна, чтобы согласиться с концепцией господина Мелькова.

Л. Рыжов. Я не совсем согласен с позицией Сергея Мелькова, что форма, или модель не являются тем обстоятельством, которое никак не скажется на содержательной стороне духовного окормления военнослужащих российской армии. Думается, что по форме построения института военного духовенства, выбранного верховной властью, будет не сложно определиться с доминантой в его функциональном предназначении. Это обусловлено тем, что форма, если не в полной мере, то в значительной ее части отражает содержательную сторону этого процесса. В этой связи хочется напомнить, что аксиому о том, что любая форма содержательна, а любое содержание оформлено, до сих пор еще никто не отменил. Поэтому из проекта закона, рожденного в недрах Главной военной прокуратуры, уже сейчас можно сделать определенные выводы, как в перспективе планируется организовать духовное окормление солдат и офицеров российской армии, как будут обеспечиваться права военнослужащих на свободу совести и свободу вероисповеданий, какова направленность деятельности института военных священников и откуда они будут рекрутироваться. Конечно, это при том условии, если документ будет принят и введен в действие.

А. Солдатов. Простите, я чуть-чуть конкретизирую. Поскольку специальная форма не предусмотрена для военного духовенства...

Л. Рыжов. В данном случае речь идет не об униформе. Речь идет о формализации самого процесса создания института военного духовенства. Что касается трактовки

Алексеем Рябцевым принципа отделения церкви от государства буквально, то она меня несколько удивила. Отрицательно относясь к конфессиональному радикализму, не следуя слепо социальной позиции иерархов церкви, которая родственна мне по своей этноконфессиональной природе, родившись в поликонфессиональной среде и находясь длительное время, как и многие из нас, под прессом политики государственного атеизма, тем не менее даже на рациональном уровне принять обозначенную им установку «не троньте нас (т. е. старообрядцев) — церковь сама себе» не могу.

В качестве аргумента к пониманию могу лишь принять объяснение, основанное на том, что такая осторожность у старообрядцев существует на подсознательном уровне и обусловлена исторически. Однако, как известно, церковь состоит из мира и клира. Не будет этих связующих друг друга звеньев, не будет и церкви. Поэтому непонятен сам принцип такого подхода в его практическом воплощении. Как можно, даже будучи членом старообрядческой церкви, но, все равно, находясь в конкретном социальном измерении, нивелировать гражданскую позицию. По Библии, любая власть от Бога, но рассматривать этот тезис как нечто застывшее и неизменное — некое лукавство, так как смена политических режимов — объективная историческая закономерность, не зависящая от желания власть предержащих. В этой связи вопрос «а когда вы выходите из церкви?» приобретает риторический характер. Ведь из церкви не выходят. Выходят, по большому счету, из храма. Но и до церковной службы, и во время нее, и после, при возвращении домой, люди остаются один на один со своей гражданской позицией, если они не получили ответа на мучающие их вопросы. Поэтому, если церковь будет полностью индифферентна к социальной практике — она обречена.

Это уже поняли как христиане — православные, католики и протестанты, — так и мусульмане, обозначив при этом свои социальные установки в различных программных документах. Поэтому в современных условиях тезис об отделении церкви от государства, как таковой, будучи в правовом отношении оформлен, все же существует только концептуально. Т. е. де-юре есть, но де-факто нет. Ибо даже в самые махровые годы господства воинствующего атеизма взаимодействие церкви и государства осуществлялось как на институциональном, групповом, так и личностном уровнях. Занимаясь диссертационным исследованием в русле проблематики права на свободу совести в условиях воинской деятельности, еще во времена первых ростков демократии в стране, я пришел к двум выводам. Во-первых, что содержательная часть принципа отделения в той ее трактовке, какой она была в те времена, не соответствовала имеющимся реалиям. Во-вторых, что она должна быть пересмотрена через призму процесса взаимодействия этих двух институтов.

Я, когда занимался диссертационным исследованием, просто подумал: «Ведь отделение церкви от государства можно как представлять? Различное содержание в это понятие можно вкладывать. Это может быть отделение, но взаимодействие-то может существовать? Может. Элементарно. И точки соприкосновения членов церкви с государством всегда найдутся, ибо еще не придумала по большому счету современная практика существование церкви вне государства».

В. Ойвин. Это трюизм — церковь отделена от государства, но не от общества.

А. Солдатов. Эта формулировка входит в молитвенное правило патриарха.

Л. Рыжов. И тем не менее большевики в свое время или, точнее, когда находились у власти, использовали этот тезис для того, чтобы построить стену отчуждения между государством и церковью. Тогда это вошло в моду. Построением различных стен между

старым и новым занимались многие. Хотя и сейчас, пожалуй, от этой практики не отказались. Израиль до сих пор следует данной логике, пытаясь строительством стены отгородиться от чуждого ему, на его взгляд, мира. Между тем в истории попытки строительства стен, как панацеи в качестве решения тех или иных вопросов в различных областях общественной жизни, включая сферу государственно-церковных отношений, позитивного результата ни разу не дали. История не единожды показывала порочность этой практики, убедительно демонстрируя всему миру различные ее образцы.

В. Ойвин. Я хотел бы дать справку в связи с мнением о неизбежности принятия этого закона.

А. Солдатов. Если вы располагаете какой-то секретной информацией...

В. Ойвин. Не секретной информацией, а вот с чем я столкнулся в процессе подготовки этого круглого стола. Было несколько звонков из Министерства обороны, в частности, из воспитательного Управления. И они сказали: «А, собственно, почему вы считаете, что этот законопроект — инициатива Министерства обороны? Это совсем не наша инициатива. Это инициатива военной прокуратуры, с которой, совсем не факт, что мы согласны. Это их собственная инициатива. Мы совершенно далеки от того, чтобы поддерживать эту инициативу». Я не запомнил фамилии, но это было сказано достаточно ответственным офицером.

С. Мельков. То, что вам сказали, можно по-разному трактовать: как позицию или отсутствие позиции.

А. Солдатов. Это похоже на отсутствие позиции.

В. Ойвин. А я полагаю — далеко не факт, что вся армейская верхушка готова к этому делу.

С. Мельков. А будут ее спрашивать?

А. Солдатов. Давайте не размениваться на бытовые фразы.

Л. Рыжов. Здесь и следует искать ответ на поставленный вопрос. За этим столом сидят не только здравомыслящие, но и компетентные во многих вопросах люди: и кто еще служит государству, и кто уже отслужил. Все прекрасно понимают, что инициатива Главного военного прокурора, или какой-то инициативной группы в Главной военной прокуратуре самостоятельно на пустом месте возникнуть не могла. И этот документ, который я сейчас держу в руках, естественно, рожден по какой-то субъективной воле. Полагаю, что эта воля не трансцендентна — она имеет вполне земные, так сказать, очертания и стоит над Главной военной прокуратурой. Давайте сообща подумаем, кто является ее генератором.

А. Солдатов. А вот Сергей Александрович Мозговой знает. *(Смех)*

С. Мозговой. Ну, Сергей Мозговой все знает в силу специфики его службы, работы и так далее, это не для записи. А вообще-то, можно и для записи: пусть боятся враги-антигосударственники.

(Реплика: «Окопавшиеся в Кремле». Смех)

С. Мозговой. Ну, неважно. Те, кто занимаются подрывной антигосударственной деятельностью. За нашим круглым столом таких людей нет. За нашим круглым столом все люди, которые озабочены судьбой государства. Здесь сразу много вопросов было поднято. Умысел это или некомпетентность? Каждый прав отчасти. Действительно, это было брошено в общество не случайно, и за этим документом стоят определенные силы для того, чтобы прозондировать ситуацию. Министерство обороны, могу вам ответственно сказать, над этим не работало и этот документ не запускало.

Здесь Сергей Мельков полностью прав. Министерство обороны РФ, Главное управление воспитательной работы ВС РФ специально не хотели бы во вред себе взрастить того, кто на следующий день его, извините, «пинком под зад» вышвырнет. Все это прекрасно понимают.

С. Мельков. Ой ли! Так ли уж и все это понимают?

С. Мозговой. Вопрос в другом. Офицеры это понимают, начальники это понимают. Но некоторые самые высокие начальники — политические фигуры — готовы сдать эту армейскую воспитательную структуру. Это же временщики. Сегодня они получили на этой должности высокие звания, а что будет после них — хоть трава не расти. Они политическую конъюнктуру улавливают. Если будет принято решение, они ответят «есть!», но сами под себя копать не будут. Хотя органы воспитательной работы не хотят сами создавать себе проблемы. Однако создают. Но правы и те, кто говорил, что они не сопротивляются, что они не могут отстаивать государственную позицию, что они проявляют беспринципность, что они в этом смысле не проявляют государственного и конституционного подхода. Это амебное состояние, и, по сути дела, силовики капитулировали перед церковью по этому вопросу.

А. Солдатов. Сергей Александрович, очень важная деталь. Вы говорите об их чуткости к политической конъюнктуре. Так не потому ли они капитулировали, что поняли, что на самой вершине власти церковь сейчас пользуется большим влиянием нежели армия? Субъективным, может быть, благодаря духовнику или благодаря еще каким-то личным духовным переживаниям президента и его ближайшего окружения?

С. Мозговой. Совершенно верно! Они заглядывают в рот, как там будут думать и смотреть. Но высшее политическое руководство по поводу введения института духовенства однозначного решения еще не приняло. Если бы оно его приняло, то мы бы сегодня уже это все имели. Это мое собственное субъективное мнение. Я основываюсь на некоторых наблюдениях. Почему Главная военная прокуратура это вбросила? Она не является субъектом законодательной инициативы, как и не является органом, специализирующимся в области воспитательной работы. Это не ее сфера. Потому что Главная военная прокуратура сейчас имеет столько власти и полномочий, как никогда. И с точки зрения авторитета дубинки это сегодня самая мощная структура в Российской Федерации. И по идее Министерство обороны, другие силовики должны были к этому очень внимательно прислушаться, присмотреться и согласиться.

А. Солдатов. Опять-таки почерк президент угадывается.

С. Мозговой. Причем на той пресс-конференции, о которой говорил Сергей Мельков и о которой ваш корреспондент Александр Твинидзе сделал репортаж «Армейские раскольники. Растерянные генералы и протоиерей Димитрий Смирнов в роли суфлера. Куда они ведут армию и страну?», в пресс-релизе было четко написано, что этот законопроект презентовался Главной военной прокуратурой. Но представитель Министерства обороны ни слова не сказал, что они против этого законопроекта и не обосновал, что это неправильно. То есть, Министерство обороны официально не выступило против этого законопроекта. Кроме того, на нашем круглом столе по этому вопросу им совершенно нечего было бы говорить, потому что, к сожалению, до сих пор не существует прозрачности в отношениях между армией и обществом. Вот никто из официальных лиц силовиков и не пришел сюда...

А. Солдатов. Сергей Анатольевич, что вы можете добавить по поводу механизма рождения такого законопроекта?

С. Мельков. Механизм появления такого закона в феврале этого года четко вписывается в мою концепцию. Он не имеет никакого отношения к вопросам укрепления дисциплины, обеспечения свободы совести. Этот законопроект был вброшен Главной военной прокуратурой только потому, что она и ее руководитель в настоящее время конкретно активно используются в политической борьбе против министра обороны как одного из вероятных кандидатов на пост президента Российской Федерации. Я говорю это, имея на то достаточно оснований, это, во-первых. И, во-вторых, я хочу вам сказать еще такую вещь. Мне представляется, что выработать военному служащему любого ранга свою позицию по этому вопросу чрезвычайно трудно, поскольку введение или невведение института военного духовенства — это форма организации взаимоотношений между государством и обществом. Поскольку в нашей стране практически любые вопросы являются вопросами политическими, то, что происходит в вооруженных силах, естественно, это компетенция руководства государства. Мы знаем, в Конституции и в законах главнокомандующий — это президент, а управляет вооруженными силами министр обороны через Министерство обороны. Поэтому это политический вопрос. Не могут сами те или иные руководители, в принципе ничего решать. Они не предназначены для выработки или для формулирования собственной позиции по спорным, дискуссионным, мягко говоря, вопросам, каким является в том числе этот вопрос.

А. Солдатов. Это очень ценно. Но напрашивается уточнение: видите ли вы в окружении президента настолько влиятельную армейскую группу, которая может ставить вопрос об отставке министра обороны — личного друга президента, и претендовать на успешное решение поставленной задачи?

В. Ойвин. И второй вопрос: каков вектор этого законопроекта? В поддержку нынешнего министра обороны или в пику ему?

С. Мельков. Вы говорите сейчас о содержании, а я говорил о форме, о механизмах подготовки, о вбрасывании. По содержанию этот законопроект никаким образом лично фигуру министра не затрагивает. Единственное, о чем бы мне хотелось сказать, что по содержанию он предполагает создать достаточно независимую от Министерства обороны и лично от министра обороны структуру, которая будет называться «институт или управление главного военного священника». Во главе — генерал-лейтенант, в видах и родах войск, округах — генеральские должности и ниже — вплоть до полка или отдельного батальона. Военнослужащие по контракту — военные священники находятся на офицерских должностях. У каждого военнослужащего-военного священника предусматривается помощник военного священника — солдат или сержант по контракту. Я лично провел предварительные финансовые расчеты, во что это может вылиться.

А. Солдатов. Естественно, этот вопрос напрашивается.

С. Мельков. Я могу ответить. И мы тем самым сможем уже предположить, какова будет реакция руководства государства и министра обороны, неважно, что против него борются или не борются таким образом. Во что это выльется для государства уже можно примерно прикинуть. Цифры, как вы понимаете, не точные, но порядок я обозначаю. Без учета местности прохождения службы только ежегодное денежное довольствие военных священников-офицеров, высших офицеров — генералов (то есть из расчета на три с половиной тысячи человек, о чем говорил отец Димитрий Смирнов и без расчета потребностей вооруженных сил, а так, как видит Русская православная церковь) расход может составить в год один миллиард двести двадцать пять миллионов

рублей. Ежегодное денежное довольствие помощников военных священников, также на три с половиной тысячи человек может составить более семисот миллионов рублей. В эту сумму не входят расходы по вещевому обеспечению, транспортные расходы для членов семей военных священников и помощников военных священников, обеспечение их и членов их семей жильем и некоторые другие виды льгот, предусмотренные для военнослужащих контрактной службы. Я уверен, вряд ли кто сейчас вообще это в состоянии посчитать. Это первое, о чем я хотел сказать.

И второй момент в связи с этим. Вы знаете, чрезвычайно важно, на мой взгляд, что во главе Министерства обороны стоит человек, который до недавнего времени не демонстрировал своей конфессиональной принадлежности. Поездка министра обороны в августе прошлого года на Валаам, когда он встречался с патриархом Московским и всея Руси (эта поездка активно транслировалась по центральному телевидению и освещалась средствами массовой информации), я думаю, носила другой характер, не религиозный. Но, на мой взгляд, это еще раз доказывает, что решение может быть только политическое.

А. Солдатов. В этом мы и не сомневаемся. Но вы не договариваете о конкретном раскладе...

С. Мельков. Я его не знаю.

А. Солдатов. Одну его часть вы знаете. Вы знаете, что это нацелено на подрыв того влияния, которое имеет сейчас министр обороны. Ваш отрицательный прогноз, касающийся министра обороны, должен быть основан на каком-то позитивном прогнозе: в чьих интересах подобный подрыв положения министра обороны.

С. Мельков. Только гипотетически.

А. Солдатов. Ну хотя бы гипотетически.

С. Мельков. А я уже сказал об этом: это номенклатура. Конкретные лица назвать невозможно. Имя им — легион. Тот, кто прекрасно понимает, что Иванов Сергей Борисович входит в небольшую политическую команду президента, которая в стране осуществляет власть, и, самое главное, в вооруженных силах (где, понятно, еще меньше представителей этой команды). Борьба идет против них, это естественно. И кто там и каким образом станет — да никто вам этого не скажет! Это исключено.

А. Рябцев. Хотел бы уточнить. Я очень долго работал, почти до последнего времени, в рабочей группе по религиозному законодательству, которая была сформирована при правительственной комиссии. Могу точно сказать, что этот законопроект никогда не планировался к принятию. Просто он так написан, что его никогда бы просто не приняли. Он написан неграмотно. Явная такая провокация, но не очень хорошая. Вброс такой. Очень мне не понравилась спекуляция на тему, почему его надо принять: вот, дедовщина, пятое-десятое. Ведь рано или поздно опубликуют некоторые цифры, которые что-то показывают. У нас, конечно, все убеждены, что армия — это такое место, где всех людей подряд убивают, калечат. Конечно, жалко всех людей, которые там погибают. Лукин представил сведения о том, что 800 человек срочников только по Министерству обороны погибает каждый год. Много? Да! Если разделить на каждый день, получится по два человека в день. Каждый день двое молодых людей гибнут.

А. Солдатов. А если еще учесть, на сколько занижены эти цифры...

А. Рябцев. Я не думаю, что они занижены. Они и так — очень большие цифры. 800 человек — это очень много. Сюда входит, на самом деле, все: болезни, суициды, дедовщина, боевые потери, очень много транспорт берет...

А. Солдатов. Извините, эти цифры были как раз обозначены как не боевые потери.

А. Рябцев. Я говорю про общие. Лукин про небоевые назвал цифру 400 человек. Я вам говорю про все потери. У нас 800 срочников в год погибают. У нас офицеры, прапорщики и срочники гибнут примерно сейчас один к одному. Эти цифры надо сравнить со смертностью на гражданке. Так вот тот же самый возраст, 18—22 года, мужчины на гражданке — смертность в три-четыре раза выше! Это факт.

А. Солдатов. Я могу сказать, что те, кто погибает на гражданке, как бы сами во многом несут ответственность за свою гибель или за это ответственны какие-то социальные институты. Но если человек попадает в армию, и его жизнь на эти два года в какой-то степени ему не принадлежит, то извольте отвечать за его жизнь и обеспечить ее сохранность...

А. Рябцев. Во всем мире всегда известно, что армия — это тяжкая повинность, при которой в том числе существует более высокий риск гибели, по сравнению с гражданским населением. Но получается следующее. У нас есть священство, которое на гражданке действует совершенно свободно. И оно может с этой молодежью, с этими несчастным мальчиками, которые там гибнут от убийств, от суицидов — все в три раза больше — работать. Совершенно никто им этого не запрещает. На гражданке все равны. Я не говорю, что не надо сажать тех командиров, которые убивают солдат. Сажать их надо, вне всякого сомнения. Не будем снимать ответственность с Министерства обороны. Я говорю просто, что на гражданке священники имеют возможность свободно работать с этой категорией нашего населения — с молодыми людьми в возрасте от 18 до 22 лет. А в армию они еще пока не допущены. Получается, там, где они работают свободно, там смертность в три-четыре раза выше, а тут... Они для чего в армию хотят попасть, чтобы смертность повысить?

Сразу вспоминается связанная с церковью профессиональная поговорка. Она звучит так: «На кладбище еще ни один поп с голоду не помер». Танковое училище в Челябинске окормлял священник, ну и что?. Поэтому это не тот пример, на котором надо объяснять, что священство нужно туда завести для того, чтобы лучше стало.

А. Солдатов. Хорошо, я могу вам дать иезуитский ответ от лица Министерства обороны. Звучать он будет примерно так. Сейчас попробую сформулировать. За жизни молодых людей, оставшихся на гражданке, разделяют ответственность многие гражданские институты, в первую очередь, семья, во вторую очередь — ПТУ или вуз, где он учится, организации, где они работают. В третью очередь — участковый милиционер. И вот среди этого длинного ряда, состоящего из 38 пунктов, есть, может быть, и приходской священник, если данный молодой человек входит в какой-то приход или религиозную общину, или находится в сфере ее влияния, в сфере ее пасторской ответственности, скажем так. В случае с тем же молодым человеком, попадающим в армию, этот список из 38 пунктов сужается до одного-единственного пункта — армейское руководство части. И таким образом мы как бы делим эту общую сумму смертей на гражданке на 38, а общую сумму смертей в вооруженных силах — на единицу. Среднее арифметическое получается совсем другое — в разы больше, чем на гражданке.

А. Рябцев. У семи нянек дитя без глаза. Чем больше нянек, тем будет хуже.

Л. Рыжов. По проблеме ответственности за гибель военнослужащих хочу подчеркнуть лишь такой характерный момент. Когда речь идет о боевых и небоевых потерях солдат и сержантов срочной службы, в хоре критики, направленной в адрес Ми-

нистерства обороны, не подвизается разве что ленивый. Стрелы в адрес армейского руководства летят со всех сторон, как со стороны представителей государственных структур, так и различных неправительственных, прежде всего правозащитных организаций. Однако когда гибнет офицер, такого общественного резонанса нет.

А. Солдатов. За исключением тех случаев, когда это происходит на сборах, куда призваны офицеры запаса.

Л. Рыжов. В продолжение обозначенной посылки, хочу еще раз акцентировать ваше внимание на следующем обстоятельстве. Проходившие военную службу в прошлом и те, кто продолжает это делать сейчас, вряд ли сумеют привести примеры похожей по своему социальному звучанию реакции на гибель, допустим, лейтенанта, какую мы наблюдаем сегодня по факту, имевшему место в Челябинском училище. В чем причина столь разновекторных колебаний в общественном мнении? Научный анализ на этот счет отсутствует. Однако думается, он мог бы весьма подпортить рисуемую на официальном уровне в позитивных тонах картину политических преобразований последних лет. Между тем, полагаю, что многие с этим согласятся, — это инерционный результат слома старой государственной машины, атрибутивным элементом которой являлась армия. Униформа, которую сегодня нам здесь демонстрирует Алексей Юрьевич, это униформа, или, как ее еще называют, смешанная форма образца переходного периода, представляющая собой совмещение элементов гражданского и военного костюма и являющаяся защитной реакцией офицерского состава на огульную, порой бездоказательную, сотканную из непроверенных фактов, а нередко и лжи, критику. Потери и поиск виновных — очень удобная и заранее выигрышная в плане пиара позиция. Аналитическая часть остается за кадром — главная цель выделить виновного, остальное — детали. Причем в обществе в целом виноваты многие, но в конечном счете никто. В армии — все персонифицировано, а главное — удобно для устранения негодных.

А. Солдатов. Господа, простите. Слово «вина» давайте употреблять не будем, оно содержит субъективную, нравственную, этическую оценку, которая у разных людей разная. Давайте употреблять правовое понятие «ответственность». Вина, конечно, на каждом из нас, мы должны каяться, поститься, это не тема круглого стола.

Л. Рыжов. Если оперировать правовыми категориями в оценках данного явления, то здесь нельзя обойти стороной тот бесспорный факт, что армия — это государственный институт, где в соответствии с Конституцией Российской Федерации люди выполняют свою гражданскую обязанность по вооруженной защите страны, делегируя при этом часть своих прав государству. В обществе, когда человек гибнет, он может и не выполнять никаких обязанностей, и тем не менее каких-либо претензий, или более того, попыток кинуть камень в огород той или иной организации, которая имеет отношение к погибшему, не делается. В этой связи закономерен вопрос: почему в России армия стала постоянной мишенью для битья, а ее позитивная функция защиты как бы оказалась затертой в сознании людей и перешла в разряд неосновных. Более того, претерпев определенные метаморфозы, армия превратилась в структуру, от которой общество вынуждено само защищаться, предпринимая отчаянные усилия, чтобы уберечь своих сыновей от военной службы. Причем это делается не только частным порядком: путем всяческих ухищрений, но и на законодательном уровне. Можно не сомневаться, что по количеству отсрочек от военной службы Россия уже сегодня может быть занесена в «Книгу рекордов Гинесса».

Поэтому закономерен и второй вопрос: для чего и кому нужна такая армия? И самое главное, почему она стала такой, и кто ответит за результаты тех военных реформ, которые у всех на слуху? И третий вопрос: для чего в такой армии пытаются ввести институт военного духовенства? Либо для решения вопросов духовного окормления, т. е. выполнения тех функций, от которых государство, ограничив в правах солдат и офицеров, отказалось законодательно? Либо для разрешения той тупиковой ситуации, в которой армия оказалась сегодня?

А. Солдатов. Ну, отчасти на эти вопросы мы уже ответили. Давайте, может быть, я обозначу новый поворот...

А. Рябцев. Мы повернули тему так, как я бы не хотел ее поворачивать... Я-то хотел сказать, что это обоснование введения священства в армии для борьбы с дедовщиной — оно нечестное. По меньшей мере оно сомнительное, это обоснование. Не для этого оно собирается вводиться. Второе, что мне хотелось бы сказать, — сама позиция прокуратуры. У нас прокуратура, как известно, нужна для того, чтобы следить за соблюдением закона. Причем в обязанности прокуратуры не входит оценивать — плохой закон или хороший. Надо его исполнять. Она может ходатайствовать о том, чтобы изменили закон, но если закон есть, она должна следить за его соблюдением. То, что происходит сейчас в армии со всем этим военным священством, невоенным священством, со всеми обрядами, с размещением часовен на территории воинских частей — это все прямо противоречит действующему законодательству. Не косвенно, а прямо: там написано «запрещено», а это делается. И военный прокурор вместо того, чтобы следить за тем, чтобы это было пресечено, пытается изменить закон.

А. Солдатов. Это отдельная тема.

А. Рябцев. Отдельная. Значит, она начинает заниматься тем, что лоббирует некие клерикальные интересы. И тогда это вообще становится страшным. Вот я старообрядец. Что мне теперь, утра стрелецкой казни дожидаться?

А. Солдатов. Давайте сначала разберемся вот в каком формальном вопросе. Как сейчас построена в Вооруженных силах Российской Федерации система взаимодействия с религиозными организациями? Кто может описать нам эту систему на общеминистерском уровне, на уровне военных округов, на уровне отдельных подразделений? Как выстроена эта система? Кто ею руководит, насколько она эффективна, какими она руководствуется нормативными актами? Кто может дать такую справку?

С. Мозговой. Я об этом очень много писал. Поэтому попробую покороче рассказать. Безусловно, правовой системы, которая бы одобряла эту реальную практику военно-религиозного сотрудничества, не существует. Она неправовая, потому что единственный специализированный закон на эту тему — это Федеральный закон «О статусе военнослужащих», статья 8 и в ней пять пунктов. Все, что делается на практике, прямо противоречит этому закону. В этот закон совершенно никто не заглядывает, когда предлагает эти правовые новеллы...

В свое время, в 1996 году, служа в Министерстве обороны, я готовил доклад на заседание Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, где заслушивалось Министерство обороны по вопросу «О состоянии соблюдения законодательства о свободе вероисповеданий в системе Минобороны России». Каюсь, я впервые упомянул эту фразу о том, что «сложилась система». Потому что она действительно сложилась. Фактически стала складываться система только с Русской православной церковью. Устойчивые связи появились, выкристаллизовались конкретные направле-

ния сотрудничества. К тому времени уже было подписано и работало Совместное заявление о сотрудничестве Вооруженных сил РФ и Русской православной церкви, которое подписали 2 марта 1994 года министр обороны РФ генерал армии Павел Грачев и патриарх Московский и всея Руси Алексий II, и я уже не мог не писать, что не сложилась система, если уже были назначены ответственные в округах, на флотах и в епархиях. И уже принимались совместные планы сотрудничества. Это все в запланированном виде было, утверждалось командирами и благословлялось духовенством. В то же время сотрудничество силовиков с представителями других конфессий практически исключено, в том числе, со старообрядческими церквями, другими православными церквями, не входящими в юрисдикцию РПЦ МП (иногда их называют «альтернативным православием»). Запрещается также взаимодействие с новыми религиозными движениями, именуемыми иногда с подачи православных сектоведов как «нетрадиционные религии», «тоталитарные секты» и/или «деструктивные культы». Указания на этот счет, как правило, носят устный характер, но иногда отражены и в официальных документах и справочниках. Например, информационное письмо в войска Главного управления воспитательной работы ВС РФ «Об активизации деятельности нетрадиционных религиозных движений и культов в районах дислокации (базирования) соединений и частей Вооруженных сил Российской Федерации» (1998); «Религии и секты в современной России. Краткий справочник Штаба Сибирского военного округа» (Новосибирск, 1997); «Религия, свобода совести и пограничная служба. Справочное пособие Федеральной пограничной службы РФ» (М.: Граница, 2000) и др.

Представители протестантских религиозных организаций и союзов хотя с определенной сложностью все же иногда имеют контакты с военнослужащими. Как правило, это успешно осуществляется в том случае, если в воинской части служит соответствующее должностное лицо протестантского вероисповедания либо симпатизирующее протестантам. С мусульманами и буддистами связи несколько шире, но также носят локальный характер и в основном на региональном и местном уровнях.

Как видите, ни с какой конфессией, кроме РПЦ МП, система сотрудничества не сложилась.

С. Мозговой: Сначала было подписано то самое Совместное заявление от 2 марта 1994 года, которое здесь уже упоминалось, в соответствии с которым был создан координационный комитет по взаимодействию между вооруженными силами и РПЦ МП. Этот комитет был первым кирпичиком системы. На заседания координационного комитета приглашались представители и других конфессий, в том числе старообрядцы, мусульмане, протестанты, но РПЦ МП это не нравилось. В конце концов уже осенью 1995 года было последнее заседание этого комитета. Его похоронили одновременно с созданием Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Хотя де-юре Координационный комитет продолжал свое существование, но де-факто он уже не действовал. Последняя встреча прошла в сентябре 1995 года. В общем, он работал только два года.

На последнем Координационном комитете со стороны церкви уже председательствовал епископ Красногорский Савва (Волков), хотя официально он и не был назначен на эту должность. Сопредседателем Координационного комитета со стороны РПЦ МП был заместитель председателя ОВЦС МП протоиерей Виктор Петлюченко. По окончании заседания епископ Савва вручил протоиерею Виктору дорогой священни-

ческий крест с украшениями и, таким образом, дипломатично оставил о. Виктора не у дел, хотя номинально он продолжал числиться сопредседателем координационного комитета.

А. Солдатов. Какие органы де-факто пришли ему на смену?

С. Мозговой. Де-факто никакого координационного комитета нет до сих пор. Был создан вышеупомянутый Синодальный отдел, который возглавлял епископ Красногорский Савва (Волков), а с 2001 года — протоиерей Димитрий Смирнов. В структуре вооруженных сил в соответствии с директивой Минобороны в апреле 1994 года был создан институт офицеров по связям с религиозными объединениями. Кстати, я один из представителей того института, потому что я был назначен с Первой флотилии атомных подводных лодок Минобороны заниматься взаимодействием с религиозными объединениями.

А. Солдатов. А эти офицеры на уровне каких воинских соединений работали?

С. Мозговой: Начиная от Министерства обороны до армии и флотилии включительно. Корпус, да. Включая виды вооруженных сил, рода войск и даже военные академии. Потом их полномочия расширили, их сделали офицерами по связям с государственными органами, общественными организациями, религиозными объединениями. Это в структуре Министерства обороны. И практически эти люди должны были заниматься взаимодействием с религиозными объединениями. Другой вопрос: как эта структура функционировала, ради чего и для чего?

А. Солдатов. Какая нормативная база была в основе деятельности этой структуры?

С. Мозговой: Очень важный вопрос. Среди нас присутствуют юристы, да и остальные, кто не имеет юридического образования, в правовом отношении люди компетентные, поэтому все прекрасно меня понимают. Никакой законодательной нормативной базы не существовало, кроме упомянутого Совместного заявления 1994 года и значительно дополнившего его Соглашения о сотрудничестве 1997 года. Конечно, эти соглашения не являются нормативной базой в юридическом смысле, хотя и принимаются за таковые. Это Соглашение не было зарегистрировано в органах юстиции, хотя и было разослано директивным письмом, как это происходит во всех государственных ведомствах. Известно ведь, что любая бумага (директивное письмо, инструкция и т. п.), которая пришла из вышестоящего штаба, в нижестоящих частях (это наша военная традиция) воспринимается важнее, чем любой закон.

А. Солдатов. Можно ли сказать, что вы и ваши обязанности находились вне конституционного поля?

С. Мозговой. Я полностью соглашаюсь с вашей репликой. Кстати, знаете еще почему? В тот период (до 1997 года) действовал Закон РСФСР «О свободе вероисповедания» 1990 года, в котором было написано, что не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти (государственных органов) и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповеданий. Однако такие должности были введены. Это было прямое нарушение Закона (и Конституции)! Это к ответу на ваш вопрос, хотя сам считаю, что такие должности на том этапе были необходимы.

А. Солдатов. Какими органами сейчас представлено в вооруженных силах взаимодействие с религиозными организациями?

С. Мозговой. В Министерстве обороны в Главном управлении воспитательной работы ВС РФ создан отдел по связям с общественными организациями и религиозными объединениями. Это вполне нормально сейчас — в соответствии с законом 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» можно создавать любые структуры, тем более взаимодействовать можно.

А. Солдатов. Отдел имеет свои структуры в округах, армиях, на флотах?

С. Мозговой. Подобные подразделения есть по всей вертикали — и в военных округах и на флотах. Скажу больше: по формальным признакам создание такого отдела само по себе ничего плохого не несет. Вопрос в другом: на каких принципах должно основываться взаимодействие — на правовых или не правовых?

А. Солдатов. Так сейчас на чем оно основывается?

С. Мозговой. Реально — на неправовых. Потому что статья 8 Закона «О статусе военнослужащих» не выполняется. В частности, в ней написано, что государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления ими религиозных обрядов. 25 февраля прошлого года министром обороны был подписан приказ № 79, который вводил «Основы организации воспитания в вооруженных силах». Там четко написано, что командиры и начальники, в соответствии с законодательством Российской Федерации (т. е. на закон формальная ссылка есть), должны оказывать содействие военнослужащим в религиозном образовании в рамках традиционных конфессий. Что подразумевается под традиционной конфессией — в приказе не указано. В законе написано: не несет обязанностей. В приказе написано: должны оказывать содействие. Возникает вопрос: каково должно быть содержание содействия? Далее еще сложнее: кто будет определять традиционность, т. е. то, у чего нет правовых критериев. Это безграмотный пункт — прямая подстава министра, подписавшего документ. Я не знаю, как перед подписанием его просматривало Управление делами МО РФ.

А. Солдатов. Есть ли субординация между министерским отделом Главного управления по воспитательной работе и аналогичными отделами в округах и на флотах? Подчиняются ли эти отделы, есть ли у них своя вертикаль?

С. Мозговой. Безусловно, вертикаль существует. Начальник Главного управления воспитательной работы дает указания и директивы нижестоящим чинам, хотя непосредственно они подчиняются своим командующим

А. Солдатов. Получается двойное подчинение. А как вы себе представляете интеграцию, переплетение отделов взаимодействия с общественными и религиозными организациями подразделений вооруженных сил с какими-то региональными подразделениями института военных священников (если этот институт появится)? Кто кем, грубо говоря, будет управлять? Как они будут согласовывать свои решения, распоряжения, свои властные полномочия?

С. Мозговой. Вопрос на засыпку! Мне кажется, будет неразбериха. Сейчас неразбериха и она же будет. Это выходит за пределы здравого смысла, за пределы права, непредсказуемо. Что касается структуры, то во многих епархиях уже созданы отделы по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, аналогичные Синодальному отделу. Это своего рода церковная вертикаль.

А. Солдатов. Простите, у меня есть интервью отца Димитрия Смирнова, которое он мне дал 9 мая прошлого года. В нем он говорит, что никакого управления, никакой власти над епархиальными отделами по взаимодействию с вооруженными силами

Синодальный отдел не имеет. У них просто совпадают названия. Но вертикали нет. Синодальный отдел является самостоятельным органом, который никаких региональных подразделений не имеет вообще. И деятельностью региональных «полковых священников» никак не распоряжается.

С. Мозговой. А это все равно непринципиально. В любом случае никто из региональных священников не будет перечить отцу Димитрию Смирнову.

С. Мельков. Я бы хотел уточнить один важный момент. Указанный выше отдел по взаимодействию в Минобороны есть, но непосредственно взаимодействием с религиозными организациями должна заниматься **группа** в составе этого отдела. В ее составе должны быть два человека. Такая группа и так есть. Другой вопрос, чем она должна заниматься? Реально там сейчас сидит один человек, все мы его хорошо знаем, — подполковник Прищепа.

Но главное то, что фактически контактов за исключением Синодального отдела РПЦ МП эта структура не имеет. И никем она не командует, да и не должна. В лучшем случае она может собирать некую информацию, которая либо носит конфиденциальный (внутри Министерства обороны, я имею в виду), а не аналитический — подчеркиваю! — характер. Это, на мой взгляд, просто какая-то неструктурированная куча информации.

И вторая позиция, которую занимает эта группа, а может быть в целом Главное управление воспитательной работы Вооруженных сил РФ, не исключаю что и в целом вооруженные силы. Я ее озвучу именно так, как мне говорили, хотя она и не очень приятно звучит. «Люди занимаются тем, что отбиваются от давления РПЦ». Больше этот товарищ Прищепа ни с кем не взаимодействует.

Эта структура ни с кем не взаимодействует вот еще почему. Хочу привести пример. В течение нескольких лет я организовывал аналитическую работу в Совете муфтиев России, был создан даже отдел с длинным названием, правда, всего из двух человек. Мы проводили исследования среди мусульман, готовили и проводили научные мероприятия, PR-публикации. Много чего делали. На все мероприятия, которые проводили, мы всегда приглашали представителей от Министерства обороны и других силовых структур. Сергей Мозговой всегда приходил, а другие люди никогда не приходили. Знаете, какая отговорка была? «Для того чтобы мне прийти, — говорил мне специалист, который должен заниматься этим из этой группы, или ее руководитель (тогда — Владимир Поликарпов), — нужно чтобы начальник Главного управления принял соответствующее решение. Пришлите на его имя факс, и мы обязательно придем». Мы всегда посылали факс, и на этом все заканчивалось. Люди извинялись — они и хотели бы прийти, но у них не получалось. Я, естественно, говорю за мусульман, я не знаю как там у буддистов и др., но могу догадываться.

А. Солдатов. А какой нормативный акт лежит в основе деятельности этой группы?

С. Мозговой. Дело в том, что эта структура (институт офицеров по связям с религиозными объединениями) была создана в соответствии с постановлением коллегии Министерства обороны РФ от 8 апреля 1994 года «О мерах по усилению военно-патриотического воспитания военнослужащих и молодежи в интересах Вооруженных сил Российской Федерации». На ней основным докладчиком выступал митрополит Кирилл (Гундяев). В дальнейшем на основании постановления коллегии, как и полагается, была подписана директива начальника Генштаба ВС РФ. Вот тот внутриведом-

ственный нормативный акт, в соответствии с которым была создана соответствующая штатная структура. А уже потом были прописаны соответствующие обязанности, многие из которых сегодня уже зачитывались: патриотическое воспитание, реализация права на свободу вероисповедания и прочие.

А. Солдатов. Я имел в виду группу, о которой сказал предыдущий оратор. Есть ли положение о группе?

С. Мозговой. А положения о группе не может быть. Ибо по структуре Минобороны есть только Положения о главных управлениях.

А. Солдатов. Т. е. в Положении о Главном управлении прописаны функции этой группы?

С. Мозговой: Нет, в Положении о Главном управлении прописаны функции и задачи главка, а также обязанности начальника ГУВР ВС РФ. Обязанности группы там не прописываются.

С. Мельков: Может быть, тогда существуют какие-то обязанности, утвержденные этим Управлением?

С. Мозговой. Обязанности у группы, которая взаимодействует с религиозными объединениями, безусловно, есть, но это уже внутреннее творчество соответствующего отдела и управления Главка. В оргштатных документах (мероприятиях главков) до названия группы не опускаются. Там единицами (подразделениями) прописываются управления и отделы. А группа уже на усмотрение начальника любого главка — он сам может эту группу назвать так или эдак. Это — в отличие от той группы по связям с религиозными объединениями, которая была создана в 1994 году и в которой я служил: ее название, структура и назначение были прописаны в директиве Генштаба. Но в ходе перманентного реформирования Министерства обороны она была ликвидирована и воссоздавалась в разном виде в разных управлениях.

Что касается обязанностей группы и ее сотрудников, о чем говорил Сергей Мельков, то, безусловно, они есть, готовятся в отделах и управлениях и утверждаются непосредственным руководством.

А. Солдатов. Хотите, процитирую упомянутое мною выше интервью с отцом Димитрием Смирновым? Мой вопрос: «Сколько в отделе работает человек, сколько духовенства?» Его ответ: «Дело в том, что в каждой епархии свой отдел, административной власти мы над ними не имеем. В нашем отделе 50 человек. Из них дюжина священников. Всего священников, трудящихся в армии, около двух тысяч человек. Среди них священников, которые не служат на приходе, а занимаются только окормлением военнослужащих, нет вообще».

Дальше о. Димитрий Смирнов рассказывает о системе финансирования армейских священников. Важно, что он признал отсутствие каких-то административных функций у этого синодального отдела. Что он никем не руководит, кроме своего собственного штата. Никакими региональными полковыми священниками он не руководит. Поэтому говорить о параллельности структуры синодального отдела со структурами в отделах вооруженных сил по взаимодействию с общественными религиозными организациями я бы не стал.

С. Мельков. Я категорически не согласен с вашим последним выводом. Он может говорить все, что угодно, а мы как эксперты оцениваем, и, думаю, мы имеем на это право. Я считаю, что структура РПЦ МП, как и в целом любая государственная структура, построена у нас по образцу вооруженных сил. Административный принцип

еще не означает, что тот или иной человек должен иметь непосредственную прямую власть над подчиненным. Здесь как раз преобладает, о чем я уже сегодня говорил, номенклатурный принцип: кто кого назначает и для каких целей. И оттого, что тот или иной руководитель, скажем так, региональный назначает того или иного священника заниматься тем или иным делом, еще не означает, что он не зависит или не реализует установки, которые различными путями до него доходят сверху.

Функционально это обычные чиновники, которые сидят и занимаются тем, чем им скажут. Им сказали клеивать конверты или подписывать открытки — они будут этим заниматься. Я говорю не о теории, а о практике. Я говорю не только о группе, а о любом чиновнике внутри Минобороны в принципе. Но я даже могу предложить выход из этого. Возможна выработка позиций Министерства обороны только в одном случае — если чиновники будут перепрофилированы функционально, скажем, в экспертов, в аналитиков. Тогда, возможно, появятся новые подходы, прорывные предложения, механизмы. Если этого не будет — не будет ничего.

А. Солдатов. Логически напрашивается следующий вопрос. Вот мы разобрали структуры органов, связанных с РПЦ МП, и с взаимодействием с нею Министерства обороны. А через какие органы взаимодействуют с вооруженными силами мусульмане, буддисты, старообрядцы. Какой есть опыт взаимодействия не с РПЦ МП?

А. Мозговой: Так как сначала я начал говорить на эту тему, то продолжу. Когда Александр Валерьевич задал вопрос о системе, я сказал, что система начала складываться и сложилась во взаимоотношениях с РПЦ МП. Ни с одной другой конфессией такой системы не существует. Представители разных конфессий у нас есть — они это подтвердят. Был вопрос, на который я не успел ответить, на каких нормативных правовых актах это основывается? Мы поняли, что нормативно-правовых актов нет, но тогда каким же образом это работает? А работает это таким образом, что местный архиерей обращается к командиру части. Все строится на личных связях. Но также они руководствуются совместными соглашениями, заявлениями. Той атмосферой, какая царит наверху в этой управленческой вертикали, — как в церкви, так и в армии. Чиновник смотрит, чем занимается высший истеблишмент, военный, гражданский — неважно. Хотя есть некоторые командиры, политика которых не расходится с государственной, и лежит в основе закона. Но на самом деле здесь анархия полнейшая. Я могу сказать про другие конфессии, но у нас тут есть представитель Совета муфтиев России (СМР) и представитель старообрядческой церкви.

С. Мельков. Когда я начал работать в СМР в 1999 году, у Совета было стремление заключить с Министерством обороны, а, может быть, с другими силовыми структурами, — договор, аналогичный тому, который был заключен в 1994 году у РПЦ МП с Министерством обороны.

А. Солдатов. Какие цели преследовал при этом Совет муфтиев?

С. Мельков: Целей было несколько. Во-первых, существовали многочисленные обращения — письменные и устные — когда возникали некоторые ситуации с воинской дисциплиной у мусульман, призванных, в первую очередь, из республик Северного Кавказа. Нет, к свободе совести это не имеет никакого отношения. Скорее национальные особенности. Т. е. на местах существовала потребность, чтобы была какая-то помощь, в первую очередь, в воспитательной работе.

Да, на местах, в округах заключаются договоры, в первую очередь, тогда, когда у тех или иных органов власти возникает потребность в управлении. Существуют та-

кие договоры. Например, известно, что в 90-х годах Духовное управление мусульман Дагестана заключило договор с бывшей тогда Федеральной пограничной службой. Он достаточно был формален и действует до сих пор. Я лишь говорю о его эффекте, поскольку сегодня я имею контакты с мусульманской общественностью этой республики. С муфтием Дагестана разговаривал не так давно, с пограничниками — у меня есть ряд товарищей, которые занимаются этой сферой в научном и правовом плане. И по их словам, договор практически не работает. Когда я служил в Уральском округе, там тоже существовал договор с местными мусульманами.

В принципе, какие-то договоры заключаются. На региональном уровне. На местах договариваться гораздо проще и быстрее и, кстати сказать, без особых проблем.

А. Солдатов. А заключение этих договоров на местах приводит к созданию неких структур?

С. Мельков: Нет, не приводило и не приводит. С конца 1990-х годов произошло две трансформации. Первая — удалось договориться с руководителями, чтобы не педалировать тему взаимодействия. И вот как раз тогда была выдвинута негласная концепция «малых дел». Иными словами, когда возникает потребность у командования, идем навстречу, оказываем помощь, но ничего не пытаемся навязывать. Один из принципов сформулированного взаимодействия заключался в том, что инициатива должна всегда принадлежать командованию. Сама религиозная организация не навязывает никаких условий.

И второе, что удалось сделать, — в одной воинской части в Москве, в военно-строительном отряде. Там мы попытались обкатать механизм взаимодействия. Был создан так называемый мусульманский лекторий. В Министерстве обороны закрыли глаза на это, а может, и не знали об этом. Хотя, в общем-то, информация, конечно, просачивалась.

А. Солдатов. Что значит лекторий? Преследовались какие-то миссионерские цели?

С. Мельков: Нет. Мы поставили целью просвещение офицерского состава на предмет сущности исламского вероучения и использование тех или иных его особенностей в воспитательной работе. Проводили занятия исключительно светские ученые, в том числе и я, читали лекции офицерскому составу. Но сама тематика вызывала уже определенное отторжение.

И второй момент: когда возникали проблемы с воспитанием военнослужащих-мусульман, а такие были (например, отказывались мыть полы, были и иные проявления неуставных взаимоотношений), то мы по согласованию с командованием приглашали имама, и он индивидуально с этими людьми работал. Да, может быть, не все получалось, но результаты определенные были. Это продолжалось несколько лет.

Вторая трансформация, как мне кажется, происходит в настоящее время. Я не могу не сказать об этом, поскольку это происходит тоже с моим участием. У руководства ряда духовных управлений мусульман в настоящее время вновь появляется стремление заключить договор с руководством Министерства обороны. Почему? Мне кажется, причины банальны и достаточно очевидны. Я тезисно назову некоторые. Первое — это спровоцировала инициатива РПЦ МП. Второе — заявление некоторых православных священников (в частности, мне говорил об этом сам Равиль Гайнутдин) о том, что деятельность имамов незаконна и имамы не могут находиться в вооруженных силах. Потому что только у РПЦ МП есть соглашение с армией. Вы знаете, что

РПЦ МП, кроме Минобороны, заключила договоры со всеми видами и родами войск. Я не оцениваю это в негативном ключе, а говорю о том, что со стороны мусульман это вызывает иногда недопонимание. Кстати, со стороны офицерского состава и на самом деле нет претензий, потому что мусульмане не проявляют инициативу. Просто когда возникает проблема — они приходят и очень часто предлагают адекватную помощь.

И третий момент, на котором хочу остановиться. Мне все-таки представляется, что многократные заявления митрополита Кирилла, а до недавнего времени и священника Дмитрия Смирнова о том, что Российская Федерация является моноконфессиональной и мононациональной страной, вызывает, мягко говоря, отторжение и даже противодействие. Поэтому я хочу сказать, что если РПЦ МП будет продолжать в таком духе и дальше, то по вопросу введения института военного духовенства произойдет консолидация всех остальных конфессий на почве противодействия этой инициативе.

Что происходило между этими двумя трансформациями? В 2003 году Совет муфтиев России подписал... ну, не договор, конечно, а Декларацию о намерениях с Главкоматом сухопутных войск. Подписал ее зам. главкома сухопутных войск по воспитательной работе генерал-майор Чететенко. Фактически небольшой документ — продекларированы хорошие, правильные вещи. Текст не списывался с аналогичного у РПЦ МП. Просто там были некоторые вещи, которые касались воспитательной работы. Что сделано реально? На самом деле реально сделано немного. Выпущено две брошюры с методическими рекомендациями. Первая в 2004 году — для офицеров, работающих с мусульманами в военно-строительных частях. В прошлом году был выпущен расширенный вариант этой брошюры, более 100 страниц, — «Методические указания для офицеров сухопутных войск». Никаких молитв, никакой религиозной пропаганды.

Коротко скажу, что там была ориентация на офицерский состав. Четко прописаны (пытались, во всяком случае) проблемные ситуации, в которые офицеры могут попасть с военнослужащими-мусульманами, и как надо действовать с использованием тех или иных положений ислама.

А. Солдатов. На какой стадии находится ваша борьба за заключение полномасштабного соглашения с Министерством обороны. Какой ваш прогноз, когда это соглашение будет заключено и будет ли оно подписано вообще?

С. Мельков: Я не думаю, что на самом деле такая борьба вообще ведется — именно за заключение соглашения. Я лично такую борьбу не веду, хотя считаю, что взаимодействие с теми или иными конфессиями Министерство обороны должно строить не по принципу «кто сильнее, с теми и сотрудничать в первую очередь». Нужно сотрудничать в первую очередь с теми, с чьими представителями в армейских коллективах больше проблем. Во всяком случае, для меня такая позиция понятнее. С этой точки зрения, конечно, с мусульманами надо каким-то образом договариваться. Другое дело, мы понимаем, что взаимодействие с конфессией, которая построена по схожему с государственным пирамидальному принципу, я имею в виду РПЦ МП, проще договориться, чем с мусульманами, которые имеют как минимум три центра, с иудеями (два центра), а с буддистами вообще никаких проблем не возникает. Как сказал протоиерей Дмитрий Смирнов, «где же вы найдете в одной воинской части семьсот буддистов?»

Что мне представляется здесь нужным сказать? Четкая позиция Совета муфтиев России по поводу введения институтов военных священников, изложенная на сайте, к сожалению, вызывает не столько раздумья и дискуссии, сколько откровенные на-

падки конкретно на первое лицо — Равиля Гайнутдина. Он, кстати, на мой взгляд, занимает взвешенную позицию. Это первое.

Второй момент. Мы прекрасно понимаем, что в жизни всегда за что-то идет борьба. Это объективно. И в настоящее время руководство государства и Администрация президента, московская мэрия, когда возникают какие-то проблемы, зачастую сотрудничают с Советом муфтиев России. Если министру обороны трудно определиться, с кем заключать договор, значит, действительно это затруднительно.

А. Солдагов. Почему вообще стоит вопрос выбора? Почему нельзя со всеми заключить договор?

С. Мельков: Я и говорю, давайте соберем круглый стол и все обсудим...

А. Солдагов. Можно и по отдельности с каждой конфессией встретиться и заключить договор.

С. Мельков: Можно и так. Определить какие-то принципиальные вещи и т. д. Видимо, на самом деле Минобороны пока не видит в этом серьезной проблемы. Если она возникнет — возможно, Минобороны на это пойдет. Впрочем, здесь прогноз строить достаточно сложно.

Это моя личная точка зрения, как исследователя. Я все-таки считаю, что если министр обороны рассматривается или захочет рассматриваться как кандидат номер один, и достаточно весомый, на пост президента РФ, он пойдет если не на заключение договоров, то на какие-то серьезные контакты с мусульманской общественностью — это точно. Если не захочет пойти на контакты — это означает, что у него какие-то другие планы.

А. Солдагов. А почему Совет муфтиев России занимает выжидательную позицию?

А. Мельков: Совет муфтиев не имеет никаких рычагов влияния на Министерство обороны — для меня это очевидно. Мне муфтий говорил: да, мы с министром встречаемся в Администрации президента или на каких-то мероприятиях, но там же не обговариваются такие серьезные вопросы. Другой формат.

С. Мозговой. Я согласен с Сергеем Анатольевичем. В общем, он изложил ситуацию, с которой он был непосредственно знаком в период 1998-2000 гг. А я маленькую предысторию расскажу. На том заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ в 1996 году, на котором рассматривался вопрос «О состоянии соблюдения законодательства о свободе вероисповеданий в системе Минобороны России», где заслушивалось Министерство обороны, и на котором присутствовал участник нашего круглого стола Алексей Юрьевич Рябцев, там присутствовал также и представитель муфтия Равиля Гайнутдина (СМР) капитан первого ранга Кашиф Тухтаматов. И Тухтаматов выступил с критикой Министерства обороны за то сотрудничество, которое организовано с РПЦ МП, потому что в данном случае мусульмане были, по его словам, ограничены.

Но так оно и было, в общем-то. С мусульманами контакты были только на местном и региональном уровне. В частности, в 1995 году было заключено Соглашение о взаимодействии органов военного управления Уральского военного округа и религиозных объединений Урала и Западной Сибири (Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской областей). Его подписали командующий войсками Уральского военного округа генерал-полковник Ю. Греков, епископ Екатеринбургский и Верхотурский Никон, епископ Челябинский и Златоустовский Георгий, епископ Курганский

и Шадринский Михаил, епископ Тобольский и Тюменский Димитрий и председатель Духовного управления мусульман г. Екатеринбурга и Свердловской области муфтий Сибатулла.

В дальнейшем, когда в 1997 году начальником Главного управления воспитательной работы МО РФ был назначен генерал-полковник В. Ф. Кулаков, нынешний сенатор, он решил активизировать взаимодействие с религиозными объединениями, и, в первую очередь, с РПЦ МП. Он также предложил заключить соглашение с мусульманами, а именно с Центральным духовным управлением мусульман (ЦДУМ) Талгата Таджутдина.

А. Солдатов. Вы так часто увлекаетесь историческими экскурсами, а каково положение дел сейчас? Мало ли что там было десять лет назад...

С. Мозговой. В результате с Талгатом Таджутдином соглашение не заключили. Одновременно стал проявлять активность Совет муфтиев России. Впрочем, Министерство обороны главным аргументом против подписания соглашения назвало то, что муфтиятов много, есть один — верховный муфтий, другой — председатель Совета муфтиев России и т. д. И с каким из них заключать соглашение, непонятно. На сегодняшний день максимум, что удалось решить, это договор на уровне Совета муфтиев России и с одним из главкоматов — сухопутных войск. Поэтому интересным является вопрос, с кем и как заключаются соглашения и кто дает команды.

Сегодня соглашения у РПЦ МП подписаны не только с Министерством обороны в целом, но и с главкоматами — сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Однако ВМФ долго сопротивлялся.

Управление воспитательной работы ВМФ мотивировало свой отказ тем, что уже имеется Соглашение между Министерством обороны и РПЦ МП и этого достаточно. Юридическая служба ВМФ не визировала проект Соглашения ввиду его противоречия российскому законодательству, а также желания церкви за счет сил и средств флота строить храмы (РПЦ МП внесла такой пункт). Однако главнокомандующий ВМФ адмирал флота В. И. Куроедов вызывал на ковер своих подчиненных, выламывал руки, торопил с подготовкой документа. Но к чести юридической службы ВМФ и ее начальника Героя России Виктора Вдовкина, они отказались визировать документ, грубо противоречащий законодательству. Это единственный подобный случай в вооруженных силах, когда юристы проявили принципиальность и, несмотря на давление начальства, строго стояли на страже Закона.

Правда, в конце концов, новый помощник ГК ВМФ по правовым вопросам завизировал документ и в мае 2005 года В. И. Куроедов подписал Соглашение с церковью. Эта эпопея борьбы клерикалов и государственников, отстаивающих светские конституционные принципы на флоте, тянулась целых три года (с 2002). В конце концов и военно-морское чиновничество растоптало Основной закон. Про другие виды вооруженных сил и говорить не приходится — они сразу капитулировали перед клубуками и митрами.

А. Солдатов. Они не завизировали его уже после того, как был подписан?

С. Мозговой. Нет, они не визировали на этапе согласования, потому что органы по воспитательной работе ВМФ, в отличие от всех других органов, решили, что прежде чем принять решение, должны сказать свое слово юристы.

А. Солдатов. Значит, это единственный вид вооруженных сил, который не имеет соглашения с РПЦ МП?

С. Мозговой. Нет, оно заключено, но только потому, что вопреки мнению юристов главком ВМФ Владимир Куроедов приказал это сделать. Он сейчас уже не главком, а советник президента

Л. Рыжов. У меня есть дополнение по вопросу, связанному с заключением соглашения с мусульманами. На уровне Министерства обороны эту проблему решить нельзя.

А. Солдатов. Почему нельзя? Каждое из этих управлений имеет одинаковый статус, почему Министерство обороны не может на равных установить соглашение со всеми 15 ДУМ?

Л. Рыжов. Ответ на поверхности. Среди нас находится представитель Совета муфтиев России, и я полагаю, он согласится с тем, что есть серьезные противоречия между лидерами духовных управлений мусульман. Поэтому, если собрать их всех за одним столом, то не факт, что они договорятся между собой.

С. Мельков. Об общих принципах, я считаю, договориться можно, если есть желание. Хотя, не отрицаю, с мусульманами, возможно, некоторым чиновникам труднее договориться, чем, например, с христианами.

Л. Рыжов. Несмотря на противоречивость современной нормативно-правовой базы во взаимоотношениях церкви и государства, думаю, все же не следует загонять в прокрустово ложе права процессы, которые порождены жизнью. По ряду вопросов целесообразнее руководствоваться логикой здравого смысла, а не схемой. Поэтому, если изначально в содержание конституированного положения об отделении церкви от государства вкладывать буквальный смысл и пытаться выстроить между ними искусственную стену, то отношения одни. К слову сказать, на первых порах советской власти радители атеистических идеалов пытались это сделать. Причем в средствах не гнушались. Что из этого получилось — мы сегодня видим. Если же речь вести о взаимных контактах, что не противоречит принципу отделения церкви от государства, отношения другие. Их сегодня мы тоже наблюдаем. В частности, в пограничных войсках, в которых я имел честь некогда проходить службу, на уровне округов ранее, или региональных объединений сейчас, были заключены соответствующие соглашения. В этой связи пророческие слова ныне покойного владыки Питирима, сказанные им по поводу попыток реанимирования института военного духовенства в последнее десятилетие прошлого века, своей актуальности не потеряли. Один из иерархов РПЦ МП, т. е., казалось бы, лицо заинтересованное, и его позиция должна быть однозначно «за». Тем не менее он подчеркнул, что военных священников надо вводить тогда, когда для этого появятся необходимые предпосылки. Когда возникнет реальная потребность в них. Если в действительности этой потребности нет, то все от лукавого.

А. Рябцев. Поскольку моя конфессия (старообрядческая) по численности несопоставима с мусульманской, то думаю, что для Министерства обороны особого интереса мы не представляем. Хотя я достаточно активно много лет ходил, встречался. В том числе и со здесь сидящими товарищами, а также с другими. Я встречал более-менее благосклонный прием, но ни на какие контакты Министерство обороны не шло. Ни в каком виде. Мы приглашали высокопоставленных людей, я был на приеме у министра обороны; я приходил, разговаривал, приглашал в чисто просветительских целях, чтобы показать, что мы не злостная секта, а уважаемая организация.

А. Солдатов. А кроме просветительских, вы никаких целей не ставили во время этих контактов?

А. Рябцев. Практически никаких, поскольку у нас не та зона охвата. Мы, конечно, пытались инициировать подписание каких-то соглашений. В результате наиболее вменяемыми оказались Министерство внутренних дел и ФСБ — они прекрасно понимают суть проблемы. У нас было подписано соглашение с Главным управлением уголовного розыска, причем совершенно рабочее, без всяких дурацких вещей, потому что все понимают, что доля старообрядческих икон в кражах и контрабанде много выше никонианских — их «искусство» мало кому нужно. Все эти соглашения работают до сих пор.

С ФСБ тоже все было нормально — выделяется человек, который является официальным представителем при конфессии, к которому всегда можно обратиться или он сам все время приходит. Обычно это с терроризмом связано. Проведение массовых мероприятий, допуск на территорию храма и т. д. Хотя... В качестве анекдота: он еще в храм войти не успел, как его бабка схватила за рубаху: мол, кто ты такой? Он был в восторге от такой бдительности, и с тех пор у нас с ФСБ отличные отношения.

О взаимодействии на среднем уровне расскажу на основе своего личного опыта взаимодействия с начальником своего училища. Когда в очередной раз приехал к нему в связи с юбилеем выпуска, выяснилось, что в помещении, в котором раньше располагалась кафедра кораблевождения, а в ней был планетарий, теперь православный храм. На территории училища! Меня это задело, и я пошел к начальнику училища и спрашиваю: что же вы делаете?! Запрещено государством оказывать материальное содействие, это ведь явно территория училища. Ну, он сразу начал говорить о том, какое у него тяжелое положение, что материальных средств нет, как он от всех зависит и т. д. Я спрашиваю: «У вас было письменное предписание?» — «Конечно, нет!» — «Ну, что, устно, что ли, кто-то сказал?» — «Ну, настойчиво порекомендовали». — «Кто?» — «Ну, если я скажу, то вы знаете, что со мной будет?» — «Хорошо, понимаю».

Хотя очень часто подобные устные указания носят характер блефа. Выглядит это примерно так. Приходит епископ или местный священник и показывает соответствующему военному деятелю фотографию: «Видишь, я с патриархом? А видишь, патриарх с президентом? Понял, что я с тобой сделаю?» — «Понял».

У нас же государство неформальное, поэтому, когда говорят о всяких институтах, гражданском обществе, я про себя знаю, что законы будут исполняться только, если «надо». А если «не надо», то и фиг с ними! Все-таки в России живем.

А. Солдатов. Ну, совсем на обыденном уровне, наверное, трудно круглые столы будет проводить...

А. Рябцев. Слава богу, что хоть что-то еще пока есть! Попутно, когда я обошел всех этих начальников, у меня отношения ко всяким соглашениям изменилось. Сейчас мое мнение — не надо никаких соглашений. Никому они не нужны, никто их все равно выполнять не будет. И даже то, что подписано в соглашениях с РПЦ МП, все равно никто не выполняет, а то, что выполняется, оно с соглашениями никак не связано. Главное — чтобы я мог свободно вести пропаганду своего вероучения — разумеется, не в армии. В армии это делать нельзя, что правильно. И хочу, чтобы у меня был статус наравне с остальными. Чтобы я не был вторым сортом или первым, чтобы была какая-то привилегированная конфессия — вот это для меня важно.

А. Солдатов. Я слышу принципиальное противоречие в ваших словах. Правовой нигилизм с одной стороны и неверие, что в России можно ссылаться на законы. При этом вы не добьетесь равенства, если не будет соответствующих законов.

А. Рябцев. Мы должны создать в обществе такую атмосферу, где Богу — богово, а кесарю — кесарево, а потом уже принимать под это дело закон. Жизненный опыт это подсказывает.

А. Солдатов. Неписанный закон не будут соблюдать все члены общества. В нашей поликультурности представления об обычном праве очень сильно разнятся в разных частях страны и у отдельных людей. Многие справедливо критиковали то, что в воинских частях незаконно строятся храмы, часовни, но ведь известно, что там есть мусульманские молитвенные комнаты. Может, если выступать против православных храмов — стоит сносить и мечети?

Л. Рыжов. В праве есть такое понятие как «юридические фикции». В Законе «О свободе совести и религиозных объединениях» положение, в котором говорится, что государство не несет обязанностей по удовлетворению религиозных потребностей военнослужащих, нельзя не расценивать как фикцию, т. е. заведомо неистинное положение, принимаемое за истинное. Сформулировать это положение таким образом, придать ему юридическую силу и применить его по отношению к социальному институту, члены которого делегировали ему на определенное время часть своих прав (неважно добровольно или в принудительном порядке), и при этом по Конституции РФ он призван быть гарантом прав граждан, — более чем за пределами в своей противоречивости. Что касается строительства молелен, часовен, комнат для...

А. Солдатов. Позволю себе небольшое уточнение. Удовлетворение потребностей и обеспечение прав... Отмечу: конституционное обеспечение прав. Это разные вещи.

Л. Рыжов. Вы не дослушали. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и инертно к необходимости отправления ими религиозных обрядов. Еще раз акцентирую ваше внимание на этом тезисе. Человек делегировал в силу п-ных обстоятельств или добровольно часть — подчеркиваю! — часть своих прав государству. А государство в свою очередь нарушает его права! Не иезуитство ли это? Ибо реализовать право на свободу совести можно только через удовлетворение соответствующих потребностей людей. Нет такого понятия — «эфемерное право». Право — оно всегда конкретно.

А. Солдатов. Я бы так сказал, что потребности являются посылкой для возникновения права.

Л. Рыжов. Дело в том, что закон — это право, воля класса, который пришел к власти. Так трактовали марксисты. В нашем случае это воля той социально-корпоративной группы, которая находится у власти сегодня. Памятуя, что любая дефиниция небесспорна, тем не менее никто, надеюсь, не будет отрицать, что любая из них всегда содержит в себе рациональное зерно.

Исходя из анализа множества имеющихся определений, следует полагать, что право всегда имеет под собой причину. В качестве ее камуфляжа превентивными делают ссылки на закон, документ. Но документ-то создается людьми. И нередко, он, по тем или иным причинам, не согласуется с социальной практикой. В частности, это касается и положения о запрете строительства на территориях воинских частей культовых сооружений. Попробуйте представить себе, как может сержант или солдат реализовывать свои религиозные потребности, когда застава находится в сотнях километрах от жилья как, допустим, в Забайкальском округе. Рядом абсолютно ничего нет. Но люди заняты постоянно, а у них, кроме прежних ленинских комнат, перепрофилированных в комнаты психологической разгрузки, для души — ничего. Поэтому в наличии мо-

лельной комнаты, если в этом отряде служат процентов 30—40 тех же мусульман, я, как человек, может быть, не до конца воцерковленный, не вижу ничего предосудительного. То же можно сказать и о наличии часовен в госпиталях, или о религиозной атрибутике в оформлении траурных ритуальных залов. Почему же некоторые из нас начинают возмущаться по этому поводу. Если, допустим, построили в той или иной части моленную комнату, аналогичную часовне в пограничном госпитале Голицыно, то, думается, у человека, который, следуя современному сленгу, даже «в теме этой проблематики», вряд ли возникнут отрицательные эмоции. И если существующие ныне запретительные меры подвергнуть ревизии, то единственное, что случится, так это то, что у Сергея Александровича исчезнет возможность хвататься за «несовершенный», с его точки зрения, закон и трясти им как Священным писанием и утверждать, что это истина в последней инстанции.

А. Солдатов. Только небольшой комментарий к термину «воцерковленный» с аллегорической точки зрения. Может, именно потому, что вы являетесь человеком не воцерковленным, вы настолько снисходительно воспринимаете факт создания в воинских частях культовых сооружений какой-то одной определенной конфессии. Вы не воцерковлены и вам все равно, по каким обрядам хотят молиться военнослужащие. Но если бы вы были воцерковлены в Древней православной церкви и попали бы в эту воинскую часть и вам сказали бы, давайте, ставьте свечку перед никонианской иконой, потому что преподобный Серафим Саровский — небесный покровитель нашей воинской части. То здесь, думаю, вы бы вспомнили о своих конституционных правах.

Л. Рыжов. В этой связи приведу один пример. Как-то я общался на одной пресс-конференции с американским капелланом. Это было на заре российско-американских позитивных контактов. Известно, что Америка — страна с глубокими религиозными традициями. Атеизм там, как было в обозримом прошлом у нас по отношению к религии, — понятие аномальное. Тот, кто публично объявляет себя атеистом, заведомо обрекает себя на предубежденное отношение к себе со стороны окружающих. Беседуя с капелланом в неформальной обстановке, что предполагает большую степень открытости, нежели официальные мероприятия, на мой вопрос о том, как много идет к вам военнослужащих, особенно в выходные дни, когда вы занимаетесь непосредственно своей деятельностью, он откровенно ответил: «Да вы что! Идут только те, у кого большие проблемы, а подавляющая часть лучше пойдет в бар, девчонку зацепит, пива банку выпьет...» Поэтому поймите правильно. Представитель Древлеправославной церкви на уровне капитана первого ранга Рябцева — это одно, а молодой, хоть и верующий парень-старообрядец — другое.

Надеюсь, это вас не обидело? Хотя надо сказать, что православие достаточно толерантно к миру относится. Думается, что 18-летний парень воспринимает священника Московского патриархата с меньшей долей предубежденности, нежели наш уважаемый коллега.

А. Солдатов. А если приказ командира?

Л. Рыжов. Я не помню таких прецедентов. Может быть, что-то поменялось за последние пару лет, но чтобы командир отдавал приказ мусульманину причаститься у православного священника — таких фактов я не знаю. Другое дело, что когда священник РПЦ МП зашел в казарму и освятил ее. Однако к 18 годам подавляющая часть воцерковленных молодых людей не столь умудрена в этих тонкостях и расценивает это не столь серьезно, как мы здесь пытаемся представить.

Римма Поляк. Я не отношусь ни к армии, ни к одной из конфессий. По-моему, вопрос стоит так — окормлять ли религиозно военнослужащих. Почему-то никто не ставит вопрос — окормлять ли врачей, окормлять ли педагогов? Кто такой военнослужащий — это профессиональная принадлежность, правильно? И они прежде всего граждане, а потом военнослужащие. Поэтому, мне кажется, что вопрос об окормлении или не окормлении должен решаться общеграждански, как и для всех граждан страны. Т. е. не нужно выводить армию за рамки обычных гражданских отношений. Другое дело, что армия должна быть профессиональна, потому что, если для человека так принципиально важно, что он не может на далекой заставе исполнить какие-то свои религиозные обряды — он не пойдет служить туда. Если для человека не принципиально — он может заключить контракт. Мне кажется, этот вопрос тоже должен решаться в том ключе, что армия должна быть профессиональна. Пока она такой не стала, не надо пускать туда религиозную конфессию, потому что каждая из конфессий будет тянуть одеяло на себя. Это абсолютно точно, потому что в каждом по настоящему религиозном человеке, особенно, если он миссионер по своей сути, заложено — свою религию, точку зрения навязывать окружающим. В армии много проблем и без религии, и их станет еще больше, если в армию придут разные религиозные конфессии. Армию нужно оградить от этого. Надо работать над созданием профессиональной армии, и тогда вопрос о вероисповедании и свободе совести будут решать в армии цивилизованно на общегражданском уровне.

С. Мозговой. Здесь затронули очень много интересных вопросов, поэтому позволю себе обратиться к опыту собственной службы. У меня на подводной лодке, это было в 1994 году, было принято решение сделать стенд под названием «Вера и мужество». Ну, какие у меня были плакаты — конечно, из истории русского духовенства. Ну, пусть РПЦ, но она имела несколько другое название, не такое как сейчас. И из современной жизни пара фотографий была. Поручил художнику своему с подводной лодки. Когда он стенд выполнял, смотрю, у него настроение какое-то не то...

— Товарищ капитан 2 ранга, разрешите обратиться?

— Что такое?

— Да не хочу я это делать.

— Почему? Что здесь плохого? Ну, картинка со священником — благословляет, в бой идет, патриотизм, духовность, история России и т. д.

— А я адвентист седьмого дня.

Так я узнал, что на моей подлодке есть адвентист седьмого дня. Хорошо служил матрос, хотя служба ему была в тягость — он был пацифистом, но вынужден был свою лямку тянуть, ему было нелегко, другие моряки это тоже замечали. Человек был несколько замкнутый. Мог он испытывать и неуставные отношения. Пусть психологическое давление, без мордобоя, но все равно было нелегко. К моряку, в общем, претензий не было, хотя от службы на подводной лодке он испытывал дискомфорт.

Суть не в этом. Важно другое: всего лишь стенд делали, но человека оскорбило, что это были материалы другой конфессии. Очень важно, что сказал Леонид Григорьевич Рыжов по поводу закона — мол, я трясу законом. А я лишь говорю, что прежде чем начать делать что-то — надо научиться уважать законы. Прежде чем взаимодействовать с религиозными объединениями и вводить новое законодательство, нужно уже сегодня показать, что вы уважаете действующее сегодня законодательство. Моему коллеге Леониду Рыжову не нравится, что по закону «государство не несет обязан-

ности», а потом по Фрейду оговорился и сказал, что государство несет конституционные обязанности — это разные немного вещи, разные все-таки статьи. Согласно закону, военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица. Никаких препятствий в вооруженных силах этому нет. Также и религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально, т. е. запретов на все это закон не предусматривает. Просто государство не несет финансовых обязанностей. Закон надо читать буквально, это вам любой юрист скажет, никаких финансовых вложений от государства не должно быть. Никто в этой аудитории не доказывает, что все законы совершенны. Мы знаем, что Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года далеко не совершенен.

А. Солдатов. Он даже в ряде своих положений признан Конституционным судом не соответствующим Основному закону.

С. Мозговой. Законодательство может быть несовершенно, но в данном случае мы говорим о конкретных пунктах. Четко написано, что создание религиозных объединений в воинских частях не допускается. Закон написан, а командир берет и создает религиозные объединения. Надеюсь, сидящим здесь экспертам не нужно объяснять, что общины являются религиозными объединениями. Можно обойтись даже без регистрации юридического лица, но любая община является религиозным объединением. И командир, и священник берут и вытирают о закон ноги. Как священник может воспитывать, если он не уважает Основной закон государства. Кто мне может ответить на вопрос, как можно, не уважая Конституцию своей страны, правильно воспитывать?

А. Рябцев. Наверное, все дело в том, что законы в России не имеют прямого действия. Дух преобладает над буквой закона. Если кто-то истолковал мои слова, что можно законы не исполнять — это прямо противоположно тому, чего я хотел добиться. Я лишь хотел сказать, что сформировавшаяся в настоящее время в обществе атмосфера не способствует буквальному исполнению закона и поэтому единственное, что можно предпринять, — массовую просветительскую работу. Чтобы общественная атмосфера склонялась к большему уважению законов, в которых заложены наши права.

Но надо все-таки реалистичные цели ставить, и я пытаюсь просвещать, в том числе, власть имущих в том, что предлагаемые ими нововведения обратятся прежде всего против них. Им кажется, что от этого будет какая-то польза, но будет только хуже! У всех собравшихся примерно одна точка зрения, нет представителей РПЦ МП — они не пришли. К сожалению, это лишает нашу дискуссию полемичности.

Разговаривая с ними (а я разве что только с патриархом не разговаривал, всех остальных я лично знаю), я пытался объяснить, что и для них это будет плохо. Что как только они взвалют на себя груз обязанностей, начнется массовое противодействие, они начнут терять паству. Они вынуждены будут одобрять те государственные начинания, которые принципиально не христианские (не потому что государство плохое, а потому что у любого государства с христианством мало общего). Если вы говорите, что вы христианская конфессия, которая одобряет государство, что вы получите?

А. Солдатов. Взять хотя бы пример с чеченской войной. Патриарх был вынужден благословлять те или иные акции.

А. Рябцев. Но история нас ничему, как правило, не учит. Ведь известно, чем все это кончается. После революции 1917 года — что еще надо доказывать? Зачем идти по второму кругу?

С. Мельков. Знаете, мне близок сам посыл, что законное, естественное право, тем более закрепленное в Конституции, право каждого гражданина на удовлетворение его права на свободу совести, должно удовлетворяться. Другое дело, что хотим мы или не хотим, но армия — специфический институт, где есть ограничения. Какие пути существуют для реализации?

Первое, в законах записано, что нельзя создавать религиозные организации внутри армейских коллективов, но храмы все равно строят. Можно сказать, что командиры не знают того или иного правового положения, но это не совсем так. Точнее, не всегда так. Да, люди пытаются хоть как-то удовлетворить права верующих. Для этого, в том числе, строят комнаты, кто-то строит храмы под влиянием кого-то (лоббирование происходит, к примеру), люди искренне сами веруют и плюс дают возможность другим удовлетворять их потребности. Особенно в местах лишения свободы, если говорить о мусульманах. В большинстве случаев — это молельные комнаты, я не знаю, чтобы где-то существовала хоть одна мечеть...

Специалисты, которые ответственны за дисциплину в местах заключения, замечают, что на людей это оказывает позитивное воздействие, поскольку среди заключенных в России, по моим наблюдениям, минимум 30-40 процентов — мусульман. Этнических мусульман. Естественно, создаются комнаты, но насколько я знаю, они создаются только тогда, когда инициатива пошла от самих заключенных.

Пример из моей практики: в позапрошлом году в Совет муфтиев России обратился имам из Электростали, это Подмосковье, поскольку возникли проблемы с окормлением военнослужащих воинской части внутренних войск МВД России — те перестали приходить в местный молельный дом (мечети там нет). Муфтий попросил, и мы вместе с местным имамом поехали в воинскую часть. Нас встретил командир части, молодой полковник, досрочно получивший это звание. Это тот полк, который обеспечивает проведение различных мероприятий, — какие-то футбольные матчи, концерты. Т. е. они обеспечивают порядок среди внутренних войск. Спрашивает:

— Чего вы хотите?

— Чтобы мусульмане ходили молиться.

— Никаких проблем, в увольнительных, по пятницам. Нужно больше? Пожалуйста. Главное, чтобы это не влияло на выполнение поставленных задач. И вообще у меня с мусульманами никаких проблем! Нужна комната для молитв? Пожалуйста! Что вы хотите? Ковры? Ремонт? Литературу? Пожалуйста!

На самом деле все вопросы очень быстро снимаются там, где есть понимание со стороны командного состава. Все вопросы свободы совести — они самими священнослужителями и верующими прекрасно понимаются. Они понимают, что армия — это организация, где возможны некоторые ограничения, и это естественно. Другое дело, как та или иная конфессия реагируют на это.

Вот, например, у мусульман (я, правда, не нашел источника, возможно, это слухи) говорят о том, что есть отложенное право. Нужно убеждать идти мусульман на эти ограничения, поскольку это временные ограничения и командование в силу своих возможностей, если сможет, будет идти навстречу. Но, в первую очередь, это выполнение обязанностей по военной службе. Здесь, кстати, в самом начале разговора прозвучала такая мысль, что в мусульманских странах, за исключением Ирана, нет штатных военных мулл. В Саудовской Аравии тоже нет военных мулл, потому что у них нет своей армии. У них армия наемная.

Причина, почему нет мулл, не в том, что было озвучено, а в том, что там в этом нет никакой необходимости, поскольку кругом полно мечетей. Ислам, в отличие, допустим, от православия или другой конфессии, — это образ жизни. Образ жизни! Это не только плюс, но и минус на самом деле. Я недавно читал книгу, которая описывает, как армия из Саудовской Аравии участвовала в боевых действиях. И у них действительно были проблемы, поскольку во время намаза надо все останавливать. Получается — кто-то должен молиться, а кто-то выполнять обязанности. Но при этом, я тоже читал источники и разговаривал с одним шейхом (он, конечно, не наследный принц, но все-таки принц из Саудовской Аравии). Они считают за достижение, что за то время, как коалиционные войска западных государств находились в Саудовской Аравии и участвовали в операции против вооруженных сил Ирака, семь тысяч человек не мусульман стали мусульманами! Мне интересно — такая цифра значительная, благодаря чему или кому? Они говорят: «У нас хорошо работают миссионеры». Т. е. это совершенно не религиозные деятели, не институционализированные люди. Просто в процессе общения люди выходят на какие-то ценности. Так они сами это преподносят.

А теперь возвратимся назад. До 1874 года иногородцам служба в российской армии была запрещена. Да, татарские части, чеченские батальоны служили в конвое Его Императорского Величества, я бы сказал, добровольно. А вообще-то, всем иногородцам была запрещена служба в армии.

А. Солдатов. Но иноверцам служба была разрешена. В российской армии было много лютеран, католиков. Не далее как вчера я переписывался с одним униатом с Западной Украины, который писал, что, оказывается, знаменитое прозвище “москаль” закрепилось за теми местными жителями, которых рекрутировали в российскую армию. И возвращаясь после 25 лет службы, он настолько отрывался от своих корней, что его называли «москаль». Москаль — первоначально это был бывший рекрут, а отнюдь не житель Москвы и Московской области. Так что, вот вам признак того, что иноверцы служили.

С. Мельков. Но согласно Уставу 1874 года, введившего всеобщую воинскую повинность, всем мусульманам служба в армии была заменена денежным налогом, это тоже большинству известно. Мусульмане в массовом порядке в российской армии появились только в связи с крупными потерями в Первой мировой войне.

Что происходит в настоящее время? Этот самый идеологический вакуум, о котором я говорил ранее, в настоящее время начинает заполняться — это естественно. С одной стороны, командиры понимают, что необходимо реализовывать право на свободу совести, потому что оно существует, и пытаются обойти, осознанно или неосознанно, вот это положение, которое можно рассматривать как некое дискриминационное.

Я посмотрел законопроект «О военных священниках», который формально был подготовлен в Главной военной прокуратуре. Но у меня сложилось такое впечатление в ходе пресс-конференции в редакции газеты «Известия», что он подготовлен в патриархии. И вот почему. Сидел генерал-майор — старший помощник Главного военного прокурора, а когда ему начинали задавать вопросы, он лепетал: «Ребята, извините, а эти вопросы, в общем-то, не ко мне, я тут случайно шел мимо — зашел ненароком». Так это выглядело со стороны.

Мне представляется, что на практике это естественное законное, абсолютно легальное право каждого на свободу совести и вероисповедания, на общественной и политической практике заменяется другим, декларируемым, но несуществующим

правом общественных и религиозных организаций. Вот послушайте преамбулу этого законопроекта: «Исходя из того, что отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой ограничения прав членов указанных объединений участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства...».

Но, извините, из этого не вытекает, что реализовывать эти права религиозным организациям следует в государственной структуре. Вот это естественное право на практике подменяется другими правами. Я смотрю на подготовленный законопроект. Участвовала ли, лоббировала ли его РПЦ МП сейчас неважно. Там по тексту происходит подмена! Подмена права человека аналогичным правом самих религиозных объединений. А такого права никогда у религиозных объединений не было, и нет.

Я никого не обвиняю, ни в коем случае, но фантазирую: если государство отказывается от этого, значит, всегда найдутся субъекты, активные участники, которые придут и все равно будут это делать. Так вопрос стоит? Я правильно понял? Может быть, об этом стоит чуть порассуждать?

С. Мозговой. В пункте 5 статьи 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» написано: «Религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира». Государство не запрещает молиться, верить, читать и т. д. Просто оно говорит, что не командира это дело объяснять, «чья вера лучше», или тем паче строем гнать на богослужения, равно как и строить подразделение для окропления. «Богу — богово, кесарю — кесарево», говоря не правовым языком, а богословским. Мы наблюдаем искусственное навязывание веры одной из церковных юрисдикций, хотя и самой крупной, но внутренне духовно слабой, неуверенной в себе, боящейся рядом инославных и иноверных и не способной к пастырскому служению без помощи государственной машины.

А. Солдатов. Здесь ратовали за то, чтобы имущество и средства воинской части использовались для удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих.

Л. Рыжов. Я говорил как раз о факте строительства церквей. Я вспоминаю, что в 1905 году в Российской империи были какие-то, мягко говоря, трения с иудеями. И тогда солдаты Томского полка выступили с идеей построить синагогу. Другое дело сегодня, когда командиры вкладывают государственные средства в строительство храмов. Это однозначно должно быть запрещено. А практика, к сожалению, такова. И надо прописать ответственность командиров, таким образом расходующих государственные деньги.

С. Мозговой. Давайте так. Мы все согласились, что храмы в частях строятся незаконно, используются ресурсы государства. Кроме того, очень важный момент, который я хотел подчеркнуть. Я не побоюсь утверждать, что еще ни одна часовня, ни один храм не был построен по инициативе самих рядовых военнослужащих, о которых, якобы, пекутся некие командиры-архиереи. Половина этих храмов пустует. В Первой бригаде связи в Химках, используя разные ресурсы, построили храм. Мало того, каким способом это осуществлялось? Когда ехал патриарх на освящение, командир части полковник Семакин строем на крестный ход всех отправил. Шагом, марш! — в армии по-другому не бывает.

Была построена часовня в Чехове. Повели туда строем все подразделение, так мусульмане там спиной повернулись к алтарю. Что сержант начал делать? Он начал применять, мягко говоря, неуставные отношения, и мы могли бы получить еще не

одного Сычева. И такая практика везде. В Чечню отправлялась морская пехота с Балтики. Перед Чечней надо помолиться. Кто против? Подразделения со всеми мусульманами — строем в храм. И у меня пальцев не хватит перечислить подобные случаи. Сейчас в Военном университете находятся заочники, офицеры уровня зам. командира дивизии, зам. командира полка. Все в один голос говорят: не нужно нам это навязывать. А какой-то бюрократ в рясе или в лампасах пытается сыграть на каких-то своих интересах.

В. Ойвин. Что касается низового командирского звена, не высшего командования, а вот на уровне полка, дивизии. Я полагаю, что они быстро спохватятся и завопят дурным голосом, что не нужны нам эти священники! По одной простой причине — никому не нужен лишний соглядатай, который будет следить за морально-поведенческой ситуацией внутри части и, в случае чего, капать на них куда следует.

А. Солдатов. А вы знаете, есть страховка от этой опасности. Она состоит в том, что в воинские части обычно приглашаются священнослужители либо уже давно состоящие в дружеских отношениях с местными командирами, либо происходящие из воинской среды и поэтому соблюдающие корпоративную этику.

В. Ойвин. Это пока выборочно происходит, а когда будет в массовом порядке — всех таких не наберешь! Реально получится, что они на свою голову будут иметь ненужных им шпионов.

С. Мозговой. Мне один командир полка сказал по этому поводу: «Как только они его (попа) назначат — я его поставлю в строй. Балласт мне не нужен. Он будет бегать с солдатами на физзарядку в 6 утра. Мне с кадиллом перед строем ходить не надо. Мне надо выполнять боевые задания!»

Л. Рыжов. Мне кажется, что в примере Сергея Александровича содержится попытка снизить достаточно емкую по своему содержанию проблему до уровня факта, тем самым, приземлив и обеднив ее. Дело в том, что если это сделает один командир, в силу своих симпатий или антипатий к священнослужителям, или иным причинам — это полбеды, но не трагедия в целом. Все можно поправить, если в рамках соответствующего правового поля будет создана система, основанная на продуктивных взаимоотношениях между церковью, армией и государством. Тогда никаких командиров, которые будут отдавать приказания: «на молитву становись, шапки долой!», не будет. Это однозначно. Воздействовать на такого рода попытки в условиях воинской деятельности с ее жестко расписанным регламентом и строго очерченной субординацией будет несложно. Что же касается другой системы, но не такой, которую образно нарисовал наш уважаемый коллега, реанимируя к жизни действительные зарисовки из войсковой практики времени, когда он находился на «государевой» службе, а той, что уже вышла за ставшие узкими для нее пределы тенденции. Сегодня о ней можно говорить как о свершившемся факте. В ее основу положено взаимодействие между обозначенными субъектами, которое день ото дня набирает силу. Не все здесь, безусловно, благополучно. И критика в отношении нее порой бывает весьма конструктивной. И тем не менее в ней превалирует позитивная доминанта, и это, вне всякого сомнения, может быть отмечено только положительно.

С. Мозговой: Это было отмечено просто как факт.

Л. Рыжов. Хорошо. Но система все-таки предполагает несколько иные, нежели вы обрисовали отношения. И эти отношения должны строиться на принципах, которые конституированы.

С. Мозговой. Очень коротко. Я не верю в ту систему, в которой не будет команды, о чем сказал мой товарищ Леонид Рыжов. Потому что это уже было. Уже были священники и сейчас они пытаются это делать, обращаясь к тому же самому опыту. По-другому церковь не научилась работать. Она потеряла даже то, что было до 1917 года. Она де-факто не может так работать, поэтому и будет все строим. Если вы сейчас проанализируете программы и те лекции, с которыми они выступают, вроде «безопасность жизнедеятельности» и «лови сектанта в армии», или полностью все программы обучения на курсах катехизаторов и факультетах православной культуры... Поэтому будет хлеще, чем раньше. Будет хуже.

В. Ойвин. Кроме всего прочего, РПЦ МП пытается откусить кусок, который ей не под силу проглотить. И вот почему. На гражданке, у РПЦ МП проблемы с тем, что один священник в глубинке должен обслуживать несколько храмов, потому что у них не хватает священников вообще. Не говоря уже о том, что уровень тех священников, которые есть, порой ниже сапога. РПЦ МП замахивается на то, чтобы иметь еще три тысячи священников в полках и других воинских подразделениях.

А. Солдатов. До пяти тысяч.

В. Ойвин. Еще хлеще. До пяти тысяч армейских полковых священников, когда у них нехватка священников на гражданке. Это совершенно очевидно. Значит, уровень этого скороспелого священства будет таков, что не приведи, Господь, таких священников иметь! Чему такой поп сможет научить? А кто им будет командовать? Кто их будет обучать? Отец Димитрий Смирнов? Вы знаете, что он в свое время предлагал? В 2001 году в первом номере «Независимого психиатрического журнала» есть статья с выдержками из его рекомендаций, в которых он советует для борьбы с сектантами расклеить по городам и весям их фотографии с адресами и телефонами — «ведь они нам известны!», — чтобы верующие их гнобили! Это то же самое по смыслу, что дегтем ворота мазать! И вот этот человек будет во главе армейского священства?!

Л. Рыжов. Я вновь хочу возвратиться к изначальной посылке. Дело в том, что когда мы опускаемся до уровня факта, то наши поиски, как правило, увенчиваются поисками врагов. Когда мы все-таки находим в себе силы и желание подняться над уровнем факта, то, абстрагируясь от несущественных деталей, начинаем видеть картину в целом. Видеть в ней системные образования и те причины, которые их породили. На сегодня радикализм не является доминирующим в деятельности РПЦ МП. Во всяком случае, суждения некоторых священников не определяют лицо церкви. Можно привести массу других примеров, которые почерпнуты мной в общении с ними на различных мероприятиях. Надо сказать, что и отец Димитрий Смирнов не определяет лицо всей Русской православной церкви и позицию всего священства. Ряд высказанных им радикальных суждений — его частное мнение. В конечном счете, оно не противоречит действующему законодательству. Вместе с тем, я согласен, что такие факты, когда под сенью Синодального отдела делаются выпады и допускается не всегда корректное поведение по отношению к иным конфессиям, начинают будоражить общественное мнение. Вместе с тем, вслед за первоначальной негативной реакцией у общественности возникает естественное желание узнать, кто автор данной режиссуры, остающейся за кадром. Думается, что инициаторы радикальных настроений в РПЦ МП далеко не те люди, которые у всех на слуху.

Можно с большой долей уверенности предположить, что, если бы государство хотело видеть иную модель во взаимоотношениях с церковью, то и в церкви бы возоб-

ладали другие тенденции, нежели те, которые мы видим сегодня. И иные субъекты выступали бы их проводниками. Они осуществляли бы другую политику, в том числе, и по вопросу введения института военного духовенства в российской армии. В качестве исторического урока в контексте нашего разговора хочу обратить ваше внимание на следующую особенность государственно-церковных отношений в нашей стране. С тех пор как Петр I приказал церкви «встать во фронт», роль государства в решении религиозных проблем в Российской империи стала определяющей. Эта тенденция не канула в Лету и после Октября 1917 года, когда большевики законодательно отделили церковь от государства. РПЦ все равно использовалась государством в своих целях. В качестве примера можно привести решение советского руководства в годы Великой Отечественной войны в ответ на действия немецких оккупационных властей. На открытие церкви на оккупированных территориях Сталин отреагировал реанимацией ликвидированного самодержавием два века назад института патриаршества и внесением серьезных корректив во взаимоотношения советского государства с Русской православной церковью. Резюмируя сказанное, хочу еще раз подчеркнуть, что если современное российское государство будет проводить несколько иную политику по отношению к церкви, то первыми лицами или лицами, которые имеют отношение к рекрутированию в социальной практике обозначенной идеи, могут стать совершенно иные люди, нежели те, которых мы сегодня наблюдаем. Соответственно сеять они будут и иные отношения в церкви и обществе.

А. Солдатов. Как говорят в таких случаях, вашими устами бы...

А. Рябцев. Я хочу сказать одно в заключение. Призвать РПЦ МП и московского патриарха соблюдать те правила, которые они давно для себя установили. Существуют Соборные правила, которые запрещают любым священнослужителям — не только священникам, а даже чтецам, любым членам клира — вступать в воинский чин. Это прямо записано в Соборных правилах, которые РПЦ МП издает. Недавно как раз трехтомник вышел. Это там прямо написано. Это Соборные правила, им уже многие сотни лет, они никем не отменены. И написано, что тот, кто вступает в воинский чин, должен быть извержен из церковного сана. Соблюдайте свои собственные установления. Не будьте позорищем на весь мир!

А. Солдатов. А сейчас мы для некоторой юридической резолюции и правового самооправдания перед российской Конституцией и Конституционным судом, дадим слово другому сопредседателю Совета Института свободы совести, который сегодня еще не подавал голоса на нашем круглом столе,— Сергею Бурьянову.

Сергей Бурьянов. Я очень внимательно наблюдал за ходом дискуссии со стороны, специально с трудом себя удерживал, хотел вступить в спор неоднократно, но держался до последнего. Дискуссия действительно была очень интересной, высокий уровень, различные точки зрения, серьезная детализация — некоторые проблемы были рассмотрены буквально на молекулярном уровне. И все-таки я хотел бы показать картинку этой проблемы в целом и дать некую правовую оценку клерикализации российского общества и законопроекта в целом.

В России имеет место быть кризис свободы совести. Этот кризис связан с подменной приоритетов свободы совести религиозной политикой власти, которая проводится посредством коррумпированных государственно-конфессиональных отношений. Иными словами, я утверждаю, что в государственно-конфессиональных отношениях имеет место быть системная коррупция.

Элементом этой коррупции является клерикализация армии, вооруженных сил и силовых структур. Если быть более точным, то речь идет о клерикальной идеологии, но это отдельная тема, я не буду ее сегодня поднимать. То, что происходит, — это системная коррупция государственно-конфессиональных отношений. Каковы характеристики этой системной коррупции? Это прежде всего коррупция верхушечная, политическая. Сегодня уже говорилось о политически неверных решениях и т. д. Я утверждаю, что это происходило по мотивам политической коррупции. В данном случае речь идет о коррупции как о злоупотреблениях властью в личных или корпоративных целях, в данном случае в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Каковы характеристики коррупции? Она латентна, т. е. действительно то, что происходит в закрытых структурах, вооруженных силах, — неочевидно для общества. Многие моменты были проговорены на этом круглом столе и это очень важно, это очень ценно, эти отношения должны стать прозрачными для общества. Это первый шаг по преодолению тех негативных явлений, о которых здесь много говорилось.

Речь идет о такой характеристике системной коррупции, как мимикрия. Это касается того сегмента, который является предметом нашего обсуждения, связанного с взаимодействием силовых структур государства и религиозными объединениями. Эта коррупция мимикрирует, она прикрывается благовидными предложениями. Об этих предложениях здесь говорилось. В данном случае, это повышение духовности, повышение уровня дисциплины в армии. Я не буду повторяться.

Далее, эта коррупция обладает так же таким признаком, как институализация, т. е. начиналась она на уровне разговоров, но затем постепенно обрела некую легитимность на уровне ведомственных нормативных актов, которые даже нельзя назвать таковыми в силу их спорности. Это некоторые протоколы соглашений о намерениях, которые должного юридического статуса практически не имеют. Затем идет тенденция к повышению этого статуса. В данном случае законопроект о войсковых священниках именно подтверждает эту тенденцию, т. е. то, что было незаконно, постепенно движется в направлении узаконивания.

Другое дело, что это направление снизу, своего рода законотворческая инициатива — сначала из уст в уста, дальше формула законопроекта и еще дальше, вплоть до изменения Конституции. Такая тенденция. Хотя по идее законотворчество должно строиться совсем в другом направлении. Оно должно строиться от норм международного права, Конституции, федеральных законов и далее до ведомственных актов. И в этом самая главная серьезная проблема. Корень проблемы лежит в этой сфере.

Я хочу дать оценку законопроекту ГВП. Естественно, он антиконституционен. В принципе этого достаточно для того, чтобы его завернуть. Исходя из этого, он должен прекратить свое существование. Не могу не заметить крайне низкий уровень юридической техники этого законопроекта, неадекватные принципы, неадекватный понятийный аппарат. Не могу не обратить внимание на термин «секта», который используется в этом законопроекте. Это некорректный термин. Нет такого термина в правовой системе. Его использование в деятельности государственной власти сеет нетерпимость и проч. В общем, законопроект не выдерживает никакой критики.

Здесь обсуждалось, почему происходит клерикализация вооруженных сил. Различные точки зрения и все эти точки зрения правильны. С одной стороны, церковь хочет получить доступ к финансированию, с другой стороны — власть решает свои проблемы. Я бы хотел расставить некоторые акценты, некоторые приоритеты. Все-таки

на первом месте — власть, без согласия которой, без ее политической воли никакая религиозная организация не может внедряться ни в какие институты государства.

А. Солдатов. Конкретизируйте, пожалуйста, какие институты власти вы имеете в виду?

С. Бурьянов. Речь идет о системе власти вообще. В данном случае речь идет все-таки о высшей власти. Я считаю, что все тенденции идут от президента, от его администрации и т. д. Потому что у нас все ветви власти фактически слились. Кстати, все затруднения связаны с тем, что все ветви власти подчинены исполнительной ветви — президенту и администрации президента. Именно оттуда эти тенденции. Для того чтобы осуществлялись эти тенденции, необязательно наличие нормативных актов и т. д. Достаточно, как уже говорилось, если Путин с патриархом договорятся, то чиновником уже не нужно говорить. Я думаю, что генералы и адмиралы — это те, которым не нужно говорить, что нужно делать. Они понимают сами с полуслова, с полувзгляда. Они чувствуют конъюнктуру. Работает язык символов. Это очень тонкая сфера и отдельная тема.

А. Солдатов. У вас такое легитимное правовое сознание, доярславовой эпохи. До «Правды» Ярослава. Там с образами работает буква...

С. Бурьянов. Не могу не заметить, что у нас крайне низкий уровень правосознания. Можно говорить даже о правовом нигилизме. Причем, самое печальное то, что правовой нигилизм происходит от высшей власти, в данном случае — от президента. Он неоднократно был замечен в правовом нигилизме.

В. Ойвин. Это не правовой нигилизм, это правовой цинизм, тем более недопустимый в устах хоть и бывшего, но юриста.

С. Бурьянов. Да, может быть, даже так.

А. Солдатов. Давайте все-таки вернемся к объективным оценкам. Все-таки «цинизм» — эмоциональная оценка, а «нигилизм» — правовая.

С. Бурьянов. Да, это правовой нигилизм. Чтобы не быть голословным, приведу такой пример. Совсем недавно президент Путин сказал, что у нас в Конституции или в законе специально выделены некие традиционные религиозные организации, которые обладают привилегированным статусом и т. д. Естественно, что даже понятие «традиционная религиозная организация» в правовой системе отсутствует. И, надеюсь, никогда не появятся, потому нет устойчивых критериев и создать их невозможно.

Все-таки, каковы могут быть рекомендации в этой ситуации? Естественно, прежде всего нужно соблюдать Конституцию, нужно соблюдать законодательство. То есть все вопросы нужно решать цивилизованным путем. Путем соблюдения законодательства. Но здесь все тоже не так просто: законодательство не совершенно. Необходима системная работа по реализации свободы совести, принципов светскости государства и других конституционных принципов. Для этого нужно работать на всех уровнях. На уровне науки и образования, законотворчества и применения права. Нужна системная работа. В принципе Институт свободы совести выполняет элементы этой работы на уровне науки и образования. Мы работаем, исследуем, вырабатываем рекомендации и т. д.

Естественно, это крайне полезно и это нужно начинать, что мы, в принципе, и делаем. Это всесторонняя независимая экспертиза ключевых проблем в области свободы совести, в том числе, в области военно-религиозных отношений. Наш круглый стол уже фактически начал работу в конструктивном направлении.

На самом деле стоит еще одна важная задача. Чтобы каким-то образом изменить ситуацию, нужен гражданский и общественный контроль в области государственно-конфессиональных отношений и, в том числе, военно-религиозных отношений. Но здесь должны сказать свое слово гражданские организации, правозащитные организации. К сожалению, практически в этой области ничего не делается. Вот такая вот картинка.

А. Солдатов. Господа, предлагаю совершить последний решающий рывок. Поскольку наш круглый стол экспертный, мы должны дать некие рекомендации по его теме. Не важно, будут ли наши рекомендации положены в основу решений государственной власти. Важно, что они появятся в информационном пространстве, поскольку таких рекомендаций в информационном пространстве нет вообще или они крайне убогие и подверглись сегодня с нашей стороны всесторонней критике. Мы должны в самых общих чертах, пунктирно, обозначить те способы присутствия религиозных деятелей, религиозных организаций, профессиональных священнослужителей в армии, которые, с нашей точки зрения, приемлемы, не опасны для строительства гражданского общества, для военного строительства и не противоречат закону. Какие по этому поводу есть предложения, какие экспертные рекомендации мы можем дать относительно присутствия священников, профессиональных служителей культа в армии?

С. Мозговой. Я думаю, взаимодействие, конечно, может быть. Но оно должно осуществляться на правовых основаниях, не нарушая законодательства. Если есть необходимость, то командование вправе пригласить священника для военнослужащего. В комнате для посетителей или в специально отведенном месте он может встретиться со своим подопечным для реализации его религиозных потребностей. Кроме того, в свободное от службы время, в увольнении, военнослужащему никто не запрещает это все делать. Это первое.

Но самое главное, я хочу говорить не только о практических делах. Прежде всего должно быть право, а не интерес военно-церковное бюрократии. А так же, чтобы эти отношения выстраивались правильно, должна быть прозрачность этих отношений. Не должно быть никаких сепаратных переговоров, происходящее не должно скрываться от общества, а это делается на самом деле сейчас. Если проводят эксперимент — все должны знать, что это за эксперимент по введению института духовенства и т. д.

Честность. Все должно быть открыто для общества. Много раз Министерство обороны заявляло о намерении прозрачности и открытого разговора. Но в результате мы видим, что эта тема делается, но тихой сапой. То есть выводится из-под контроля общества.

А. Солдатов. Я тогда немножко уточню, потому что у нас общие слова пошли. А хотелось бы услышать конкретные рекомендации. Допускаем ли мы введение в российской армии института военных священников хотя бы в тех формах, которые уже апробированы в западных армиях?

Л. Рыжов. Я полагаю, что присутствие духовенства в Вооруженных силах Российской Федерации возможно, но не на тех принципах, которые сегодня декларируются этим проектом. Это, безусловно, нонсенс. Объективно кроме вреда людям, армии и церкви реализация этого проекта ничего не несет. Создание института военных священников также невозможно на тех принципах, которые могут быть экстраполированы в полном объеме, или частично списаны с моделей, существующих за рубежом.

Было бы целесообразно учесть и российскую специфику, как евразийской страны, где православие и ислам до недавнего времени веками мирно сосуществовали друг с другом. Принципиальной установкой в этом плане должно оставаться также то, что институт военного духовенства не может быть вплетен в государственные структуры. Священник ни в коем случае не должен быть военнослужащим, иметь воинское звание и декларировать тем или иным образом свою принадлежность к государственным структурам. Все это противоречит имеющемуся сегодня законодательству и российской исторической традиции.

А. Солдатов. А кто должен финансировать работу военных священников?

Л. Рыжов. Вопрос, безусловно, наиболее большой, ибо нет денег — нет работы. Значительную лепту должна внести сама церковь. Государство в какой-то степени может оказывать содействие, но ни в коем случае не брать бремя основных расходов на себя.

А. Солдатов. У церкви нет централизованного бюджета.

Л. Рыжов. А я и не ратую за введение централизованного института военного духовенства. Существуют приходы, существуют иные церковные образования в местах дислокации частей и подразделений. Если приходской священник справится с проблемами духовного окормления в них, зачем что-то менять? Другое дело, где «де-факто» приходского священника нет, когда полк или войсковое соединение, или более того — объединение, сажают в какую то пустынную местность. Естественно, здесь нужен священник для того, чтобы военнослужащие могли реализовать свое право на свободу совести и вероисповедания, как и остальные граждане.

А. Солдатов. А в таком случае, кто должен финансировать?

Л. Рыжов. Думается, отчасти какое-то бремя расходов должно нести государство, потому что этот священник будет работать и на государство в том числе. Создание здоровой нравственной атмосферы в коллективах, духовного здоровья в них — задача, которая до сих пор остается актуальной, решается многочисленным штатом офицеров-воспитателей и является важной составляющей, влияющей на боевую готовность.

А. Солдатов. Я так понял, мы однозначно признали неприемлемым подготовленный законопроект. Давайте тогда позитив скажем. На какой правовой базе должно основываться взаимодействие вооруженных сил с религиозными организациями? Что мы предлагаем подписать? Нужен дополнительный закон или нужно обязать Министерство обороны со всеми религиозными организациями подписать какие-то рамочные отношения?

В. Ойвин: Что касается этого законопроекта, точнее законодательного предложения. Его нельзя называть законопроектом, поскольку прокуратура не обладает правом законодательной инициативы. Это законодательное предложение надо признать абсолютно неприемлемым ввиду его низкого профессионального уровня.

Что касается полковых священников. С моей точки зрения, институт полковых священников незаконен. Присутствие духовенства должно осуществляться за счет епархиальных структур, если говорить о РПЦ МП или других местных церковных образованиях. В случае нахождения воинских соединений в отдаленных местах, где не может быть никаких других возможностей...

А. Солдатов. А что такое «местные церковные образования»? Допустим на территории дислокации данной воинской части зарегистрировано шесть религиозных организаций разных конфессий. Все они местные.

В. Ойвин. Ради бога, если они хотят, если будет такая потребность, пусть они осуществляют религиозную деятельность с военнослужащими этой части.

А. Солдатов. Туманно как-то, туманно. Ну, ладно, а какую мы предлагаем правовую базу для взаимоотношений?

В. Ойвин. Я, кроме всего прочего, хочу сказать, что формы взаимодействия религиозных объединений с воинскими частями не должны противоречить вероучению самих церквей.

А. Солдатов. Это то вероучение, которое при регистрации сдается в органы юстиции?

В. Ойвин. Положение о том, что священник не может быть военнослужащим, при регистрации не сдается, но это входит в вероучение!

Л. Рыжов. Сам термин «полковой священник» некорректен, потому что полковой священник — это священнослужитель, окормляющий какой-то конкретный полк. Поэтому мы говорим о военном священнике.

А. Солдатов. Вернемся все-таки к нормативной базе.

В. Ойвин. Существующей базы вполне достаточно.

А. Рябцев. Я считаю следующее: ни в каком виде введения военного духовенства каких-либо конфессий допускать нельзя. Светский характер государства, безусловно, ценность. Ценность эта завоевана долгим путем.

Какую надо вводить нормативную базу? Никакую не надо. Сегодняшнего законодательства вполне достаточно для того, чтобы разумно строить отношения между государством и религиозными организациями. Нельзя допустить размывания этого законодательства. На практике взаимоотношения воинских частей, военнослужащих, командиров должны строиться так же, как строятся взаимоотношения военнослужащих со своими родителями. Родители приезжают, что-то привозят, им должны обеспечивать встречи, если есть возможность, увольнения, прогулки и т. д. Один в один. Как солдаты встречаются с родителями, как переписываются — вот точно так же командиры могут переписываться со священнослужителями, могут позвать на помощь экспертов, могут отправить письмо. Других предложений нет.

Римма Поляк. Я согласна с тем, что в нашей стране нельзя вводить институт военных священников, потому что у нас многоконфессиональное государство. Поэтому все рассмотренные ранее модели у нас работать не будут. Плюс у нас непрофессиональная, призывная армия, а все эти модели могут работать только в условиях профессиональной армии. В решении этого вопроса нужно опираться на светское государство, и тут стоять до конца. Никакие конфессии в армию допускать нельзя.

Л. Рыжов. Церковь у нас отделена от государства, и она может делать все, что угодно, лишь бы это не противоречило российскому законодательству. Любые организационные изменения, штаты священно- и церковнослужителей — это внутреннее дело церкви. И когда кто-то со стороны выступает в роли советчиков, или более того как сегодня, торопится с законодательной инициативой — вводить церкви военных священников или не вводить — это абсурд. Единственное, что, естественно, не может не затрагивать интересы военнослужащих, кто будет рекомендован церковью для работы в армии. Что она вкладывает в понятие «военный священник»? Священник знающий специфику частей и подразделений, знающий проблемы армии не понаслышке, а изнутри — это одно, но приходской священник, работающий с бабушками — это явно другое. Вряд ли он найдет верный ответ солдату на те наболевшие вопросы, ко-

торые порой возникают в воинских коллективах. Я еще раз хочу акцентировать ваше внимание на том, что что-либо разрешать или запрещать церкви в этом плане, выходит за рамки полномочий публичной власти и институтов гражданского общества. С кем ей сотрудничать, какие соглашения подписывать — это ее внутреннее дело и дело тех организаций, с которыми она взаимодействует. Те соглашения, которые сегодня имеются — это, по сути, протоколы о намерениях, которые при их детальном рассмотрении в противоречие с имеющимся законодательством не вступают. Что касается законодательной инициативы прокуратуры, то ответ здесь может быть только однозначным. Он сводится к тому, чтобы напомнить прокурорским работникам об их функциональном предназначении — заниматься надзором за соблюдением законности, т. е. своим делом. В том числе, и за соблюдением законности теми священнослужителями, которые в перспективе могут быть допущены в казармы в качестве военных священников.

С. Мельков. Я попал на такое мероприятие первый раз и благодарен за то, что Сергей Александрович меня пригласил. Я удовлетворен тем, что, с одной стороны, есть полифония мнений, а с другой стороны, мне кажется, что мы — в одной лодке. Поэтому выступаем как экспертное сообщество. Поскольку я не вывалился из нее, мне приятно.

Первый момент, который мне хотелось бы отметить. Вы знаете, у нас говорят о том, что армия должна быть народной, подразумевая под этим, что все должны служить в армии. Народность армии или общенародность заключается не в том, чтобы в ней все служили, а в том, чтобы происходящее в армии, внутренние отношения в ней, действия, управление были понятны для общества, для власти, для всех, в том числе и для конфессий.

Второе. Наша позиция должна быть доведена до многих институтов. Первое — власть, второе — руководство Министерства обороны, третье — до конфессий и для других каких-то гражданских структур и общественных организаций. А кто может помочь в настоящее время Министерству обороны сформулировать вот эту позицию? Мы говорили о том, что та конфессия давит, эта ждет, чтобы вагончиком за локомотивом проскочить. Ну, нет шансов! Видимо это справедливо. Это объективно так существует. Мне кажется, здесь необходимо достичь некоего консенсуса, и он будет достигнут только тогда, как сказал Леонид Григорьевич, когда общество созреет до этого. Другое дело, созреет ли оно само или найдется кто-то, кто скажет «я самый сильный» или «я самый умный» и поведет. Мне представляется, что в настоящее время в обществе другого субъекта развития, кроме экспертного сообщества (хотя некоторые говорят, дохлого — как угодно можно говорить), не существует. Поэтому сформировать позицию для руководства государства и руководства Минобороны в настоящее время, да и для конфессий тоже, могут только все вместе. Поэтому круглые столы, какие угодно консультативные советы нужны, но только не по принципу преобладания в них кого-либо: либо власти, либо какого-то сильного религиозного субъекта, либо неправительственной организации. Не в этом дело. Всех заинтересованных надо собирать. Если удастся это сделать, я считаю, будет достигнут какой-то результат, приемлемый для большинства, а самое главное — понимаемый большинством, почему было принято это решение.

С. Мозговой. Здесь прозвучал тезис: «если не эти придут, то кто-то придет». По смыслу получается, что пусть лучше эти придут, чем неизвестно кто. Я считаю, изна-

чально этот тезис неверным. В качестве рекомендаций должны быть общие правовые принципы для всех. Из этого вытекает другой вопрос: а с кем подписывать соглашения? рамочные — не рамочные, с каким количеством конфессий? Я скажу так. Тенденция такова: сегодня 60, завтра 70, послезавтра будет 2000 конфессий, даже если в них будет три человека. С точки зрения конституционного равенства и права каждого человека это все равно. А, собственно говоря, для чего нужен монстр или «старший брат», которого должно быть в таком-то количестве, и он должен давить тех или других. Это что, принципиальный вопрос? Это к вопросу о том, что могут быть военные священники, пусть будут они даже приходскими. Дело в том, что изначально государство не вправе назначать того или иного священника военным или не военным. Церковь у себя пусть называет как угодно. Но стена, о которой говорил Алексей Юрьевич, должна быть. Именно стена, которая всех уравнивает в данном отношении.

А. Солдатов. Владимир Наумович, скажите нам как ветеран правозащитного движения, какая организация гражданского общества может эффективно следить за соблюдением прав военнослужащих на свободу совести. Как нам, правозащитникам и журналистам, за этим следить?

В. Ойвин. Такой организации на сегодняшний день, к сожалению, пока не существует.

А. Солдатов. Как вы ее видите, и как ее можно было бы создать?

В. Ойвин. Регламентировать такую организацию и придумать ее как-то из головы сразу практически невозможно. Это такой широкий спектр воздействия и контроля, как любой гражданский контроль. Просто организация должна быть заинтересована в этом. Ее должен этот конкретный вопрос интересовать и быть близок.

А. Солдатов. А «Солдатские матери»?

В. Ойвин. «Солдатские матери» — они, конечно, в некоторой степени могут это контролировать, но в достаточно небольшой, поскольку они не компетентны. Я ни одной компетентной организации на сегодняшний день не знаю.

А. Солдатов. Значит гражданский контроль за соблюдением свободы совести в армии невозможен?

В. Ойвин. Нет, он возможен. Просто надо создавать такой институт. На сегодняшний день необходимо то, чем мы пытаемся заняться в рамках Всероссийского гражданского конгресса. Мы хотим создать в рамках комитета действия Всероссийского гражданского конгресса группу по контролю за соблюдением свободы совести и в ее рамках попытаться осуществлять изучение и контроль этого вопроса. Пока единственное, что мы реально можем предложить. Этим может в определенной степени заниматься Международная организация религиозной свободы, если бы она этого захотела. Но на самом деле, как в любой общественной организации, это не может быть спущено сверху, только инициатива снизу — нужны желание и попытки к делу.

С. Бурьянов. Был поставлен вопрос по поводу форм окормления военнослужащих. Принципы таковы, на мой взгляд: добровольно, за свой счет, в свободное время. Роль государства заключается в том, чтобы не мешать. Реальный путь к решению этой проблемы — курс на профессиональную армию. Это было бы большим плюсом в деле духовного окормления.

А. Солдатов. Хотел в заключение прочесть еще один отрывок из той самой статьи, что я прочитал вначале, в котором есть ответ на вопрос протоиерея Николая Головачева, чье мнение мы услышали в начале нашего круглого стола о судьбе этого несчаст-

ного солдата. Все-таки, все эти усилия, механизмы, институты и схемы, которые мы тут проговаривали, в первую очередь направлены на то, чтобы избежать страданий людей в армии. Будь то физические страдания, или, что еще хуже, духовные, связанные с тем, что им не дают верить, следовать своим ценностям так, как они хотят.

«Как же одолеть дедовщину?» — спрашивает в конце автор этой статьи. — Тут я скажу то, что каждому хорошо известно. Надо, чтобы в армии служили по контракту, и чтобы этим контрактом были предусмотрены огромные штрафы и компенсация за неуставные отношения. Еще, конечно, надо ликвидировать чудовищную коррупцию в армии, где все разворовывается, а солдаты используются как бесплатная рабочая сила, как рабы. Но это проблемы уже не только армии, а всего государства, где коррупция проникла на самый верх, где разъела уже не только силовые структуры, но и суд. Еще важно, чтобы военнослужащие свободно выбирали веру, и капелланов им должно назначать не государство, а они сами, организуя общины, которые должны этих капелланов приглашать или нанимать. Любое принуждение в вопросах веры вызывает только отторжение — так учит наша Церковь.

К своим братьям, я хочу обратиться с призывом. Давайте обращать внимание не только на генералов, которые, конечно, по-своему нуждаются в пастырской заботе, а в первую очередь на жертв дедовщины — ведь это трагедия очень многих семей. Об этих жертвах не думает ни начальство, ни гражданская власть. О них можем позаботиться только мы».

Еще раз благодарю всех участников, особенно благодарю за ценные научные сведения, которые мы услышали от большинства присутствующих. Это уникальная конечно информация и уникальные идеи, которые с трудом можно найти в источниках, в прессе, которые фигурируют только в узком экспертном междусобойчике. Давайте постараемся наши идеи, наш интеллектуальный опыт и опыт армейской службы, который у многих из присутствующих здесь есть, претворить в такую форму, которая будет понятна не только нашим читателям, но которая, наконец, дернет власть и заставит пойти на перемены к лучшему. Давайте разорвем этот замкнутый круг экспертного сообщества и заставим идеи наши, наработки приносить реальную пользу людям и спасать таких вот рядовых Сычевых, которые сотнями в армии гибнут каждый год.

3. КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ИСЛАМОФОБИЯ КАК ВЫЗОВ ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ»

Место и дата проведения

Москва, Музей и общественный центр им. А. Д. Сахарова. 1 февраля 2007 года.

Организаторы

Институт свободы совести, независимое информационно-аналитическое Интернет-издание о религии «Портал-Credo.Ru», Музей и общественный центр им. А. Д. Сахарова, фонд «Гласность», рабочая группа по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса.

Участники

Алексеева Людмила Михайловна, председатель Московской Хельсинкской группы, сопредседатель Всероссийского гражданского конгресса;

Аширов Нафигулла-хазрат, муфтий, председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России, сопредседатель Совета муфтиев России;

Бурьянов Сергей Анатольевич, сопредседатель Института свободы совести, член рабочей группы по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса;

Емельянов Валерий Михайлович, гендиректор ассоциации международного сотрудничества «Время и мир», обозреватель «Портала-Credo.Ru», канд. юр. наук;

Кисриев Энвер Фридович, Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;

Курбанов Руслан, член Исследовательского комитета по проблемам прав человека Российской ассоциации политической науки, преподаватель университета «Абу-Нур», Дамаск, кандидат политических наук (*лично не присутствовал*);

Кутаев Руслан Махамдиевич, начальник аналитического отдела Международного комитета по борьбе с организованной преступностью, терроризмом и коррупцией, член рабочей группы по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса, кандидат философских наук;

Мозговой Сергей Александрович, сопредседатель Института свободы совести, член рабочей группы комитета действия по свободе совести Всероссийского гражданского конгресса, директор Центра военно-религиозных исследований, канд. ист. наук;

Ойвин Владимир Наумович, ответственный редактор «Портала-Credo.Ru», зам. председателя правления общественного фонда «Гласность», член рабочей группы по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса;

Поляк Римма Юзефовна, главный редактор журнала «Вестник МОСТОК»;

Рощин Михаил Юрьевич, Институт востоковедения РАН, канд. ист. наук;

Рябинина Елена Зусьевна, комитет «Гражданское содействие», руководитель программы помощи политбеженцам из Центральной Азии, правозащитный центр «Мемориал»;

Саидов Абдурашид Курамагомедович, член ассоциации писателей «Русский ПЕН-центр», собственный корреспондент Дагестанского информационного портала «Дагестанская правда» (Dagpravda.ru);

Ситников Михаил Николаевич, независимый журналист, член рабочей группы по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса;

Солдатов Александр Валерьевич, главный редактор «Портала-Credo.Ru», корреспондент журнала «Огонек».

Информационная поддержка

«Портал-Credo.Ru», научный гуманитарный журнал «Политика и общество».

Цель круглого стола

Экспертное обсуждение проблемы исламофобии и выработка подходов к ее решению.

СТЕНОГРАММА

Александр Солдатов. Уважаемые дамы и господа, позвольте начать наш круглый стол «Исламофобия как вызов гражданскому обществу». Я приветствую здесь муфтия Нафигуллу-хазрата Аширова и предоставляю ему слово.

Нафигулла Аширов. Музей и Центр Сахарова известен многим не только в Москве, но и за ее пределами. Вопрос прав человека, защиты государственных законов от нарушений теми или иными чиновниками, как бы это странно ни звучало, важнейший, наверное, сегодня вопрос. И поэтому я, как религиозный деятель, считаю, что этим должны заниматься не только светские люди, которые видят свое предназначение в реализации человеком своих прав, данных Господом Богом, но и религиозные деятели в силу специфики их работы. Поэтому я очень рад, что принимаю участие в этом круглом столе. Я готов поделиться своими соображениями, которые, надеюсь, будут полезны для нашей совместной деятельности, в которой сегодня нуждается российское государство, российская общественность. Приветствую всех вас от имени моих последователей, от имени наших религиозных деятелей, от имени нашей организации и всех мусульман.

Александр Солдатов. Спасибо большое, Нафигулла-хазрат. Мы в вашем лице приветствуем Духовное управление мусульман Азиатской части России и Совет муфтиев России, которые на фоне всех так называемых «традиционных конфессий» России отличаются наиболее активной гражданской позицией. Мы часто слышим ваши публичные выступления, в которых вы достаточно четко и прямо, без излишнего дипломатизма, высказываете позицию мусульман, касающуюся нарушения их прав или диспропорции государственно-конфессионального баланса в России. Тут ваше слово очень важно и авторитетно. Вы один из немногих духовных лидеров, кто так четко и прямо формулирует свою позицию.

Теперь я попрошу Людмилу Михайловну высказать свою позицию по проблеме исламофобии, сказать о том, насколько велика опасность исламофобии с точки зрения правозащитного сообщества.

Людмила Алексеева. Честно признаюсь, я не считаю себя специалистом в заявленной теме. Мне интересен этот круглый стол. Я хочу здесь не столько выступить, сколько

поучиться. Мне очень приятно, что в работе круглого стола принимают участие уважаемые муфтии. Наш нынешний религиозный закон 1997 года очевидно антиконституционен, поскольку по российской Конституции все религии имеют одинаковые права, а в законе появились понятия «традиционные религии» и «нетрадиционные». Я пыталась участвовать в протестах против утверждения этого закона и позже требовала внесения в него изменений. Меня поражало и огорчало то, что в России верующие любой религии, не в состоянии вместе протестовать против тех нарушений прав на свободу вероисповедания, которые касаются людей разных вероисповеданий и даже атеистов.

Время от времени с большим трудом, но собирались какие-то конференции, круглые столы, где эти проблемы обсуждались. Мы старались привлечь к обсуждению проблемы представителей разных вероисповеданий. Так вот, к нам на заседания круглых столов никогда не приходили исламские священнослужители. И, когда меня приглашали на такие конференции, я спрашивала: «А муфтии будут? Если нет, я тоже не пойду». Меня очень тревожит до сих пор то, что исламский мир закрыт от правозащитников, мы не знаем, что в нем делается, хотя и готовы помогать, потому что понимаем: права верующих мусульман нарушаются даже чаще, чем права приверженцев многих других вероисповеданий.

Россия — многонациональная и многоконфессиональная страна. И если мы не сможем создать сообщества с нашими гражданами мусульманского вероисповедания (и не только мусульманского), наше представление о России и наша работа в этой стране будут неполными. Поэтому я от души приветствую круг собравшихся здесь и надеюсь, что мы сумеем приблизиться к реальному включению большей части нашего населения — мусульман — в реальное российское гражданское общество.

Александр Солдатов. Благодарим вас, Людмила Михайловна. Я, в свою очередь, хочу поблагодарить Московскую Хельсинкскую группу в целом за то, что вы не забываете о религиозных меньшинствах, многие из которых боятся сами о себе напомнить лишний раз, сами боятся защищать свои права. Часто Московская Хельсинкская группа выступает инициатором защиты очередного гонимого верующего или очередной гонимой общины, которые иначе вообще никогда бы и не осмелились голос подать в российских условиях.

Людмила Алексеева. Мы делаем это по искреннему убеждению. Свобода вероисповедания — это такая же фундаментальная свобода, как свобода убеждений. Я сама не являюсь практикующей верующей, хотя принадлежу к православию, и дома у меня висят иконы, а маму мою отпевали в православной церкви. Но это и все. Но я прекрасно понимаю, что для верующего человека право на свободу вероисповедания — фундаментальное право, такое же, как для меня право на свободу моих убеждений. Без этого не может быть ни свободной страны, ни гражданского общества. Мы должны с уважением относиться к нашим верующим любой религии. И добиваться того, чтобы они могли свободно верить в то, во что они верят.

Александр Солдатов. Одним из идеологов этого круглого стола является сопредседатель Института свободы совести Сергей Мозговой. Ему слово.

Сергей Мозговой. Уважаемые коллеги, разрешите еще раз от имени организационного комитета вас всех поприветствовать. Тема нашего круглого стола весьма актуальна, потому что речь идет об одной из острейших сегодня проблем, не только в России, но и в мире в целом. Одна из основных целей нашего круглого стола — чтобы эта тема не оставалась вечной. Чтобы мы, в конце концов, нашли пути для ее разрешения.

Весь истекший год сопровождался карикатурными скандалами по всему миру, связанными с исламом и, в частности, с пророком Мухаммедом. Проблема, которая стоит у нас на повестке дня, — интернациональная и глобальная. На сегодняшний день она не решена, кажется, нигде в мире. Ученые и политические деятели разных стран придерживаются разных, порой даже противоположных точек зрения на эту проблему, причем даются не только различные культурно-исторические и социально-политологические объяснения или оправдания исламофобии, но и различные правовые рекомендации для должностных лиц и для средств массовой информации. К примеру, недавно (24 января с. г.) Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) поддержала инициаторов «карикатурного скандала», приняв поправку о праве прессы на критику религиозных догм к резолюции об «Угрозе жизни и свободе выражения мнения журналистов». Но только ведь критика и тиражирование оскорблений — вещи не тождественные. И вот, найти эту грань между правом на свободу слова и правом на свободу совести — тоже в какой-то степени нам еще предстоит. Хотя роль СМИ в воспроизводстве и эскалации ксенофобии — это отдельная большая тема.

Александр Солдатов. Спасибо. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь из ученых, представляющих исламскую традицию, имеющих взгляд «изнутри» этой традиции на обсуждаемую проблему, предложил бы нам какое-нибудь — относительно академическое — определение термина «исламофобия». Что такое исламофобия, какие она имеет корни и т. д.?

Руслан Кутаев. Причина появления исламофобии в России, я в этом убежден, политическая. Исламофобия спланирована и последовательно раскручивается властью. Антикавказская кампания плавно переросла в антиисламскую. Появились такие непонятные термины, как «светский ислам», «исламский терроризм», «традиционный ислам», «евроислам», «ваххабизм». Что это такое?

Я бы хотел привести вот такой аналог: как в христианстве наряду с каноническими Евангелиями — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна — существуют апокрифические, которые не включили в Новый Завет, так же и в исламе есть незыблемая, фундаментальная почва, которая принимается за базу, за основу в религии ислам. Это Коран и Сунна пророка Мухаммеда (СалАллаху алейхи ва Салам). Все остальное от лукавого. Политическое руководство России и ФСБ (бывший КГБ), исламские деятели разного уровня, начиная от всевозможных муфтиев и заканчивая имамами и муллами, пытаются внушить, что существует какая-то светская форма, традиционная форма ислама. То есть те, кто обслуживает сегодня власть, — это традиционный ислам. Но, извините, очень много чеченцев, татар, дагестанцев, карачаевцев, кабардинцев, которые позиционируют себя мусульманами, таковыми не являясь. То же самое с русскими. Иметь иконы — еще не значит быть христианином. Быть христианином — значит хорошо знать и соблюдать какие-то вещи. Поэтому если человек является этническим татаринном, это совершенно не означает, что он является мусульманином. А тот ярлык, который сегодня очень прочно укрепился в сознании людей, причем на международном уровне, суть которого в том, что ислам — это такая агрессивная форма вероисповедания, которая сопряжена (для российского обывателя) с терроризмом. Согласитесь, это не что иное как штамп, который создает власть.

Первый, второй, третий, пятый, пятидесятый каналы телевидения, всевозможные газеты и журналы нам пытаются сегодня этот штамп навязать. Но на самом деле это лишь маленькая часть той работы, которую власть проводит против ислама, против

мусульман. Вот вам примеры. В Нальчике сносится мечеть. Мусульман выдворяют оттуда, а из нее делают дом культуры. Извините, но то же самое делали большевики в 1918 году. Они заключали соглашение с мусульманами-горцами и обещали им, что те будут жить по традиционным исламским порядкам, а уже в 30-е годы мечети были превращены в клубы. В моем родном Ачхой-Мартане наш клуб был построен из разобранной мечети и надгробных камней с кладбищ. То же самое сегодня повторяется на Кавказе. Летом 2006 года в Майкопе, в Адыгее, закрывается медресе, вызывается ОМОН и избиваются мальчики, которые там учились. В Кабардино-Балкарии, в Чеченской Республике, в Дагестане, в Ингушетии мечети закрываются на замки. Сегодня разрешено в пятницу мечеть открыть, провести молитву, а все остальное время мечети стоят закрытыми. Я убежден в том, что это есть не что иное как государственная политика. Осознанная, целенаправленная политика. В Калмыкии трактором снесли мечеть, а в молельный дом бросили голову свиньи. Работники МВД признаются, что установка на выдавливание мусульман спускается из Москвы. В Московской области идет откровенная борьба правительства области по запрету строительства исламских храмов. Здесь присутствует муфтий, который, как сегодня говорилось, является одним из тех редких людей, которые противодействуют произволу власти. Я рад был услышать, что есть муфтий, который не подлаживается под власть, а что-то делает против произвола власти. Мне это очень отрадно, и если это на самом деле так, то я рад.

Александр Солдатов. Как нам отличить исламофобию от присущей обывателю в некоторых регионах ненависти к кавказцам, к так называемым «черным»? Имеет ли понятие «исламофобия» свой особый объем или это просто разновидность кавказофобии?

Энвер Кисриев. Научное мнение отличается от религиозного тем, что оно не претендует на то, чтобы стать истиной в последней инстанции. Я буду говорить от своего имени. На мой взгляд, исламофобия — это поверхностное понятие, которое отражает более глубокие и фундаментальные причины того, что выражается в этом популярном понятии. Глубинной причиной ее является, на мой взгляд, то, что современное общество приблизительно с середины XIX века, когда светские, социальные идеологии захватили различные общества, утратило качества, которыми оно обладало ранее. Религия отступила в быт, в жизнь и стала обслуживать психологические, экзистенциальные проблемы каждого отдельного человека. А та функция религии, о которой говорил Тургенев (ведь что такое религия? — это то, что связывает людей между собой, то, что создает общество, то, что мобилизует),— все это перешло в светские идеологии.

Их можно называть по-разному, собственно, термина пока еще нет. Скажем, марксизм, социализм, либерализм, демократия. Все эти понятия достаточно мощно захватывали людей в свое время и исполняли те самые функции, которые в древних обществах были присущи религии. Сейчас мы наблюдаем глубочайший кризис социальных идеологий. Не только марксизм и коммунизм рухнули. Точно также рухнул и либерализм. Сейчас он не может стать той идеологией, которая сплачивает массы и может их мобилизовать.

Именно это привело к тому, что социальная связь опять отступает в религию. Теперь опять именно религия превращается в социальную идеологию, становится средством мобилизации, связи между людьми. И это самое ужасное, на мой взгляд, самое чудовищное, что сейчас происходит, потому что последствия этого могут быть

действительно страшными. Но это процесс объективный, и, с одной стороны, можно говорить, что власть пользуется этим. А как же не пользоваться, если это идеология? Как может власть игнорировать проблемы социальной связи и мобилизации людей? Конечно, не может. Она вынуждена опрокидываться в религиозную проблематику, потому что ей нужны ресурсы для управления обществом. Если мы нападаем на Чечню, какие у нас в идеологическом отношении факторы или мотивы, которые могли бы обосновать это? Ведь Дудаев ничего не говорил о религии. Он говорил, в основном, о демократии, о национально-освободительном движении. Он хотел свободы своему народу. То есть использовал светский идеологический арсенал.

Спрашивается, как можно объяснить русским солдатам, почему они воюют и убивают недавних своих соотечественников, с помощью какой светской идеологии можно это сделать? Нет такой идеологии. А ведь нужно мобилизовывать! Солдаты должны сами себе и своим друзьям объяснить, что они здесь делают. Каждый человек нуждается в словаре мотивов, которые будут обосновывать его поведение. И здесь возникает антикавказская идеология, антиисламская идеология, которая и сплачивает, и делает армию боеспособной. Иначе как можно воевать?

Естественно, власть начинает этим пользоваться: сначала ефрейторы, а потом и генералы. Потом это все попадает в средства массовой информации, и чуть ли не первые люди в стране начинают с этим заигрывать. Я не оправдываю их, но это объективный процесс. Политик не может игнорировать объективные вещи, он будет этим пользоваться. То же самое происходит на Западе. И на Западе рухнули все идеологические системы, и теперь они сползают к религиозной фразеологии и религиозному словарю для обоснования своих политических действий. И это самое ужасное. Потому что, когда существует светская идеология, человек может ее как-то изменить, как, скажем, Александр Яковлев: сегодня он марксист, а завтра он либерал. Это вроде бы не грешно. А тут, когда светская идеология и глубинная религиозная система соединяются в единое целое, мы получаем могущественную силу. Религия опирается на столь глубокий фундамент человеческого бытия, человеческой ментальности, что так просто поменять идеологию, как светскую, человек уже не может. Более того, интеграция этого антиисламского фактора порождает еще больше глубоко верующих мусульман. Если мусульманин считал себя исторически и биологически мусульманином потому, что он происходит из мусульманского народа, то теперь, когда на него опрокидывается идеология антиисламизма, антимусульманства, он сам уходит уже в религиозную проблематику не просто потому, что он традиционный мусульманин. Он становится настоящим мусульманином. Возникает то самое ужасное, о чем я сказал, когда социальная идеология, т. е. то, что интегрирует социальные связи, и глубинная идеология (религия), то, что отвечает на экзистенциальные вопросы человеческого бытия, соединяются вместе, и мы получаем чудовищную взрывную силу, чудовищную силу мотивации, социальной связи между людьми. И поскольку именно это может сейчас мобилизовывать людей, политики вносят свою лепту в этот процесс. Мы попадаем в замкнутый круг, который мы не можем разорвать. Мы — интеллектуалы.

Александр Солдатов. Означает ли это, что вы считаете исламофобию побочным продуктом клерикализации нынешней российской власти? Может ли российская власть, опираясь на православную традицию в ее официальной, выхолащенной форме, форме этнической религиозности («русский — значит православный»), найти адекватный ответ на вызов живого, динамического ислама, который перешагивает через

этнические рамки, который предстает как молодая, пассионарная религия, осуществляющая определенную агрессию на Запад, в западную культуру?

Энвер Кисриев. Это интересный вопрос. Православная религия действительно превращается практически в государственную. И не потому, что это злой умысел отдельных людей — клерикалов или политиканов. Это объективный процесс, потому что у российского руководства нет светской идеологии — русской или российской идеи, которая могла бы людей объединить. С другой стороны, ислам в силу отсутствия централизованной церковной организации действительно способствует тому, чтобы стать идеологией протеста. Потому что в исламе легко осуществлять интерпретацию религиозного текста. В исламе не существует формального авторитета, нет иерархии. В исламе присутствует крайняя форма единобожия, где Бог напроць лишен антропоморфных черт, где Бог — это некая философская идея, которая решает все. Возможно-сти интерпретации коранических текстов безграничны, и нет ни одного формального авторитета, который бы заставил меня принять ту или другую позицию.

Таким образом, ислам может оказаться могущественной силой. И вызвано это совсем не тем, что в Коране написано: «Убивайте неверных». В Библии таких вещей намного больше. Если вы возьмете Библию и прочитаете, к чему там Господь иногда призывает, за что наказывает... Кто захочет, может мотивировать кровожадность как ислама, так и христианства. Это идеология, это политическая интерпретация. Кому выгодно, тот уже, наверное, этим давно занимается. Не забывайте, что антисемитизм в основном построен на критике некоторых религиозных положений иудаизма.

Александр Солдатов. Давайте вернемся к определению критериев и признаков собственно исламофобии. Думаю, развить определение этого понятия сможет Валерий Емельянов, который тоже является исламоведом.

Валерий Емельянов. Во имя Бога милостивого, милосердного в День суда. Я попробую тезисно обозначить некоторые моменты, во многом в развитие предыдущего выступления.

Итак, что такое исламофобия? Это есть активное неприятие, на мой взгляд, индивидуальным и общественным сознанием ислама и как религии, и как социальной системы (я просто сделал несколько расширенный перевод этого греческого слова). Исламофобия, как мне кажется, не есть явление только нашего времени. Она существовала всегда. Так же как существовала юдофобия, так же как, наверное, существует католикофобия, так же как, например, в католической Польше существует фобия по отношению к русским православным. Поскольку в этом мире существует альтернатива «свой — чужой», постольку здесь всегда были в той или иной мере наряду с позитивным восприятием окружающего какие-то предрассудки и, может быть даже, нечто на грани фобии. Другое дело, что до сей поры существовавшая в латентном виде, эта исламофобия в виде пожаров в небоскребах Всемирного торгового центра обрела для себя самый настоящий катализатор. В таком же качестве выступают и многие события нашей новейшей истории, многие факты современной истории — это и Чечня, и Косово, и Афганистан и т. д. Плюс к этому такое явление, как обращение стран посткоммунистического мира к своим национально-духовным корням. Очень часто обращение к своим корням — прямое и резкое — сопровождается неприятием иной культуры.

Да, действительно власть в какой-то мере, и в очень большой мере наша церковь, точнее, национально-клерикальный аппарат, именуемый РПЦ МП, используют эти тенденции для своих конкретных политических или каких-то иных целей.

Я, как человек, выросший в одной монотеистической культуре и в зрелом возрасте принявший другую в формате ислама (и считаю это продолжением, наследованием прежнего духовного опыта), хочу попробовать взглянуть на исламофобию с точки зрения некой эмпатии. В какой-то мере исламофобия — это дело рук самих мусульман. Дело в следующем. Действительно, в исламе нет жесткой системы иерархии и сакральных авторитетов. Это религия личного общения человека с Богом. В силу этого обстоятельства — объективно — слова и дела каждого отдельного мусульманина, а также любой группы мусульман будут неизбежно ассоциироваться с исламом в целом. То есть, терроризм или технотронная Малайзия — все это две ипостаси одной и той же медали, имя которой «ислам».

С другой стороны, в силу этого обстоятельства на каждом мусульманине лежит очень большая ответственность, и очень важно, как человек своим поведением, своей жизнью представляет свою религию в этом мире. К сожалению, не всегда мусульмане, широкие мусульманские массы это понимают. Мне кажется, ислам как система в последнее время очень сильно ушел в ту его ипостась, которую принято называть социально-политической. Да, действительно, ислам — это единая система, это образ жизни. Но образ жизни и политика — это сферы не полностью совпадающие друг с другом. Но не надо представлять это упрощенно-схематически. Ислам должен досконально сейчас, в наших условиях России XXI века, все конкретно определять, в том числе и политику. Не уходим ли мы таким образом далеко от духовных истоков своей веры? А в результате не показываем обществу, что они же общие, авраамические, и ничего общего не имеют с тем негативным образом ислама, который в результате представляется обществу. Поэтому, как мне кажется, сейчас большая политика ислама, как и любой другой религии в наш такой нерелигиозный, такой технотронный век, состоит в том, чтобы начать пусть маленькие, но конкретные и от этого становящиеся большими и значительными дела. Обратившись к себе, к духовным истокам своей религии, показать прежде всего обществу их. Не мечтать о халифате. Халифат, в конце концов, в руках Всевышнего Аллаха, и не нам с вами пытаться своими деньгами и ресурсами его достичь. И, может быть, мы таким образом внесем вклад в преодоление исламофобии.

Александр Солдатов. То есть мусульманам надо снизить градус социальной активности, уйти из политики, заняться внутренним «духовным деланием» — и это выльет почву из-под ног исламофобов?

Руслан Кутаев: Я не согласен. Мусульмане не на экзамене. Они не должны вечно доказывать всем окружающим, что они хорошие. Во-вторых, Всемогущий Аллах в священном Коране предупреждает: даже уважаемому муфтию он не поручал сохранять ислам. Всемогущий Аллах сказал: «Я сохраню ислам!». Это приоритетное право Всемогущего Аллаха, он сказал, что Он сохранит ислам. Никому другому он этого не поручал — ни академии наук, ни муфтияту, ни кандидату философских наук, ни имаму и ни мулле.

Я — мусульманин, и при взаимодействии с представителями других конфессий и неверующими, для меня важно, что меня воспринимают как человека порядочного, сдерживающего данные мною слова, различающего добро и зло. Я веду себя нормально и делаю все, чтобы меня как мусульманина воспринимали хорошо. Но при этом я не пытаюсь доказать, что я хороший мусульманин. Кстати, я все пять столпов ислама пытаюсь выполнять. Я пытаюсь быть хорошим мусульманином.

Александр Солдатов. Я предоставляю слово Михаилу Юрьевичу Рощину из Института востоковедения Российской академии наук.

Михаил Рощин. Мне кажется, что можно определить исламофобию как неприятие мусульман по религиозному признаку. Это достаточно простое определение. Безусловно, исламофобия — явление всемирное. В конце 90-х годов был подготовлен доклад об исламофобии в британских школах. Он вызвал очень большой резонанс. Выяснилось, что такая проблема существует. В Британии в целом религии, которые являются традиционными для этой страны — англиканство, католицизм и разновидности протестантизма — они как-то ослабли. В этом смысле ислам остается сегодня там одной из наиболее живых религий. После второй мировой войны в Британию переехали многие люди из ее бывших колоний и живут там целыми кварталами. В некоторых школах эти люди составляют значительный процент учащихся, а поскольку преподаватели, как правило, коренные англичане, то на этом фоне возникает много проблем. Если провести у нас аналогичное исследование, то, вероятно, тоже выяснятся разные любопытные вещи. Конечно, здесь надо учитывать, что в национальных республиках такого явления не может быть. Скажем, в Дагестане, где основное население — мусульмане, вряд ли можно говорить об исламофобии. В Чечне то же самое. Но проблема исламофобии возникает в крупных городах, таких как Москва, куда много приезжает иногородних, в том числе и мусульман — сейчас, слава богу, ослабла эта система прописки. Важно тему исламофобии поднимать и говорить о ней. Я чувствую, что мы еще не дозрели до той стадии, когда начнут работать специальные комиссии, как в Англии, и проводить соответствующие исследования, анализировать глубоко эту проблему. Тем не менее очевидно, что то, что существует в России, — это часть проблемы, которая есть и в странах Европы, и в США. Исламофобия — это действительно серьезная проблема, поэтому ученые, мусульманские деятели, представители демократической общественности должны думать, как преодолевать эту проблему, какие практические меры мы должны предпринять, чтобы преодолеть предубеждение, что мусульманин — это потенциальный террорист, что это человек, который вместо того, чтобы пять раз в день совершать намаз, только и думает, как бы напасть на неверных. Очень правильно, что сегодня проводится такой круглый стол.

Александр Солдатов. Среди наших коллег распространено мнение, что российская исламофобия является импортной идеологией. Карикатурные скандалы, 11 сентября, палестино-израильский конфликт, который российские обыватели постоянно наблюдают на экранах своих телевизоров, подогревают стремление поискать вокруг себя эту главную злую силу современного мира, которая держит весь цивилизованный мир в напряжении. Для того чтобы вернуть нашу дискуссию в российское пространство, я хотел бы обратить ваше внимание на несколько источников исламофобских настроений в России, которые играют определяющую роль. Помимо фактора импорта идеологии, который, на мой взгляд, не является определяющим, в России есть несколько своих автохтонных сил, которые этот жупел исламофобии все время раскручивают и на своих знаменах и лозунгах все время начертывают. В первую очередь, это некоторые «церковно-общественные» организации, которые активно выступают от имени Московского патриархата, но официально им не авторизованы: например, «Союз православных граждан». В его публикациях постоянно сквозит мысль о том, что не только кавказцы, азиаты нас захватывают, но власть и среди русских пытается создать какую-то пятую колонну, которая будет разлагать изнутри русскую культуру, русское

этническое самосознание и внедрять туда ислам, превращая Россию не в марионетку Запада, как этого боялись при Ельцине, а в марионетку исламского мира, набирающего силу («православные граждане» облекли эти страхи в жупел полумифического проекта «Русский ислам», который якобы разрабатывался в правительственных структурах). Под все большее влияние этой самозванной «православной общественности» подпадает и официальная церковная иерархия. На пленарном заседании Рождественских чтений, проходящих в эти дни в Москве, прозвучал, например, призыв создавать православные группы по образу движения «Наши», которые будут оказывать отпор «лоббистам мусульманских кругов», тому же муфтию Равилю Гайнутдину, чтобы те не препятствовали внедрению «Основ православной культуры» во всех регионах России, в том числе и особенно, в Татарстане. «Православная общественность» чувствует ключевую роль Татарстана в дальнейшем перекраивании геополитического постросийского пространства.

Вторая сила, которую я бы выделил, — это часть интеллигенции, в том числе, и либеральной, которая ошибочно воспринимает свою европейскую идентичность как антиисламскую и пытается выражать ее на языке пресловутого «конфликта цивилизаций», поддерживая выступления Папы Римского в Регенсбурге, например. Юлия Латынина на днях сделала достаточно резкое антиисламское заявление, которое, по ее мнению, было призвано подчеркнуть наше европейское культурное самосознание.

Разумеется, важнейшим источником исламофобии являются политики, политический истеблишмент и подконтрольные им СМИ, превращающиеся в средства официальной пропаганды. Если вспомнить официальную «Доктрину информационной безопасности России», то там говорится о «вызовах радикального ислама», о том, что в России есть регионы, хорошо приспособленные для инвазии радикального ислама. Эта пропаганда затуманивает сознание обывателя всякими клише, которыми тот начинает мыслить. Обывательское сознание в России очень клишировано. Классический пример таких клише — «ваххабиты».

Большую роль играют правоохранительные органы, которые в России, несмотря на свое название, отличаются самым низким уровнем правосознания по сравнению с другими профессиональными и социальными группами. Там очень распространены вульгарные «патриотические» представления: например, в скандале вокруг «письма 500» прокуратура не нашла нарушений закона в самых вульгарных антисемитских формулировках. Именно эти правоохранительные органы и спецслужбы устраивают антиисламские кампании в Татарстане, Башкортостане, на Урале, в Сибири в поисках тени этой ужасной всемирной партии «Хизб ут-Тахрир», которая, видимо, приходит на смену Аль-Каиде. Аль-Каида уже приелась, а «Хизб ут-Тахрир» — более свежий бренд.

Ну, и, наконец, мы должны признать, что существуют определенные деятели и в исламской среде, которые подливают масла в огонь поиска «ваххабитов» и экстремистов, сами указывают пальцем на своих внутриконфессиональных оппонентов. Я называю единственное имя — это господин Таджуддин, который стал верховным муфтием еще с благословения советской власти, и сейчас едва ли не главным инструментом его конфессионально-политической борьбы стал поиск ваххабитов и объединение оппонентов ваххабизму. Сейчас я хотел бы вновь попросить Нафигуллу Аширова рассказать нам о разных типах исламофобии на конкретных примерах, с которыми вы, может быть, сталкивались в вашем муфтияте, обозначить основные источники

разжигания исламофобских настроений. Согласны ли вы с этим списком, который я предложил?

Нафигулла Аширов. Проблема исламофобии, конечно, более широка, чем просто исламофобия. Иногда бывает трудно провести грань: фобия это по отношению к исламу или по отношению вообще к иноверцу, или же по отношению к человеку другой национальности. На сегодняшний день в российском обществе искусственно вскармливается идея русского шовинизма. Кем она вскармливается? В первую очередь, она вскармливается не без подачи и не без попустительства властей. Я приведу пример. Во времена Советского Союза власть пресекала любые формы протеста, и никаких протестов не было. Что происходит сегодня? Возьмем конкретный случай — взрыв мечети в Яхrome. Хулиганство ли это? Как может быть спланированный, целенаправленный взрыв мечети являться хулиганством?

Или, допустим, за месяц Рамазан было четыре нападения на Владимирскую мечеть. При этом ведь не просто кто-то камнями бросался. Бросали бутылки с зажигательной смесью: целенаправленно велась атака на мечеть с целью фактически ликвидации этой мечети или убийства тех людей, которые молились внутри. На окнах, к счастью, были решетки и бутылки просто не пролезли через нее, поэтому они не взорвались внутри, где было много людей. Я представляю, что было бы, если бы пять-шесть бутылок с авиационным бензином взорвались среди молящихся. Я думаю, что там жертв было бы очень много, учитывая, что окна были зарешечены.

Что при этом делает милиция? Ведь милиция — это государство в какой-то степени. Она нападавших отлавливает, на второй же день их отпускает, говорит — это молодые люди, они пошалили, «похулиганили». И таких примеров очень много. Чтобы понять, чтобы такое исламофобия, нужно неделю пожить в качестве мусульманина. Это не преувеличение.

У меня азиатский тип лица (я татарин, а русские считают татар «своими людьми», потому как они свинину едят, водку пьют, по степени деградации мы приблизились и стали своими), мне не посчастливилось родиться со славянским типом лица, как многим казанским татарам, потому что я сибирский татарин, и я в день как минимум два-три раза слышу «понаехали тут». И мне приходится либо промолчать, что, естественно, отражается на моем здоровье, я уж и в больнице лежал с гипертонией. Или вступать в спор. Вот человек говорит: «Я коренной москвич». Я спрашиваю: «А что, у нас в Конституции Российской Федерации написано, что коренные москвичи пользуются какими-то привилегиями по отношению к татарину, приехавшему из Сибири?»

Я глубоко убежден в том, что специфика России намного уродливее, намного страшнее и намного опаснее, чем на Западе. Почему? Я приведу только один пример. В Канаде совсем недавно задержали мусульманского деятеля, обвинили в терроризме, экстремизме, еще в чем-то там. Он подал в суд. Ему за моральный ущерб два с половиной миллиона канадских долларов государство сейчас выплачивает. А у нас капитан Ульман расстрелял шестерых граждан Российской Федерации (я не буду говорить «чеченцев»). А во всех публикациях пишут — чеченцев. Не людей и не граждан России, а как будто расстрелял шесть баранов, шесть тараканов. Он расстрелял шестерых мирных российских граждан, сжег их — пытался скрыть следы преступления. Он действовал по приказу. Я, не являясь юристом, знаю, что преступные приказы выполнять преступно. Неужели вся российская система угрозыска не может найти, кто этому солдату приказал? Или полковник Буданов. Он вообще стал национальным героем

России сегодня. Были даже такие беспрецедентные случаи, когда его приезжали защищать действующие генералы, герои Российской Федерации. Фактически преступника, убийцу, насильника. И сегодня они все работают на своих должностях.

Так что проблема эта в России намного страшнее, потому что насчет исламофобов, юдофобов и всех прочих «фобов» закон абсолютно бездействует. Или они отщелкиваются легким испугом. Вот что страшно — закон здесь абсолютно не работает.

Ну и конечно — чиновничий беспредел. Сегодня зарегистрировать любую организацию — «Любителей пива», «Клуб собаководов», любую — все можно. Но если встает вопрос о регистрации мечети, обычной регистрации, на бумаге. Даже землю никто не просит, просто община из 10 человек заявляет: «Хотим зарегистрироваться по закону и начать читать книги, собираться на квартире». Это бесполезно. Годами может человек ходить. В Тюмени уже второй год готовится снос уже почти построенной мечети только на основе того, что она построена на частном участке. Говорят: «У вас регистрации нет», а регистрировать уже не дают. В той же Тюмени снесли на улице Ленина старинную мечеть, хотя есть постановление правительства РФ, указ президента Ельцина, еще не отмененный, о возврате всех культурных сооружений верующим. Ни то, ни другое не было соблюдено. И таких примеров много. Тысячи.

В Свердловской области возбудили уголовное дело в отношении имамов за «религиозную литературу». Потом за отсутствием состава преступления дело закрыли. Чуть позже в Омске возбуждают такое же точно уголовное дело. Как будто наша страна не единое государство! Вся проблема сводится только к одному: законы не наказывают тех людей, которые их нарушают в отношении мусульман.

СМИ тоже подливают масла в огонь. Я регулярно просматриваю газеты. Почитаю, попереживаю. . . Если все это отслеживать, на все реагировать и отвечать — надо для этого завести десяток секретарей. У меня на это нет ни средств, ни времени. Хотя я согласен с критикой, что мусульманские деятели мало занимаются этими проблемами в отношении единоверцев, которые должны нас волновать. Вот газета «Московский комсомолец» пишет: *«Каждый десятый в стране скоро будет мусульманин»*. А зачем такие подсчеты вести? Для чего? Или говорят: «В детских садах уже не осталось русских детей». Но это проблема русских мужиков: не надо ночами спать! При чем тут мы-то?

Вот мы смеемся, да? А для простых ограбленных, обобранных, обокранных, униженных вот этих бабушек, дедушек я с моим лицом являюсь самым настоящим врагом. Я забрал у них пенсию, я у них забрал работу, я у них забрал квартиру, я приехал в их Москву и я вот здесь, как клоп, сижу и высасываю всю кровь! Мне их жалко. Я пытаюсь убеждать людей, что наоборот — мусульмане пытаются старым помогать, в метро место уступать и пр. Их нельзя винить даже за это. Бытовая исламофобия — это абсолютно не страшно. Та исламофобия, которая негласно поддерживается некоторыми политическими кругами, замалчивается прокурорскими, правоохранительными органами и возбуждается исподтишка некоторыми службами — вот эта исламофобия действительно опасна. И она сегодня действует.

Вот приходит моя жена приносит фотографию на паспорт в хиджабе. Если в законе было бы сказано, что это нельзя, клянусь Аллахом, она бы принесла фотографию без хиджаба. Но в законе этого нет. Говорят: «Не примем?» — «Почему?» — «А вот не примем. У нас нет такого указания». — «Но ведь было решение Верховного суда?» — «А зачем вам? Сами знаете, сейчас борьба с терроризмом идет, лучше вам

не высовываться». И пришлось нам чуть ли не целый месяц ходить, доказывать, идти к начальнику и проч., пока у меня это приняли. То есть элементарное нарушение российских законов — и абсолютно никакой ответственности человек не несет. Вот это самое главное.

Руслан Кутаев. Но вы согласитесь, что это спланированная, четко регламентированная работа власти во главе с Путиным Владимиром Владимировичем?

Александр Солдатов. Я хочу привести в пандан к сказанному свежий пример с Рождественских чтений. На эти чтения приходит не только иерархия и преподаватели «Основ православной культуры». Это мероприятие считают своим долгом почтить генпрокуроры, министры, мэры, в общем, политический истеблишмент. И в их выступлениях звучат порой очень интересные, симптоматичные мысли. Так, заместитель Генерального прокурора РФ Звягинцев заявил, что в России законопослушание всегда было «очень редкой добродетелью». Что русская культура понятие «закон» не восприняла в такой степени, как юридическая католическая Европа. В России вместо понятия «закон» существует понятие некой коллективной повинности, круговой поруки. На следующий день эту мысль продолжил популярный телеведущий Михаил Леонтьев, который сказал, что раз в России нет и не может быть закона, и правоохранители — первые нарушители этого закона, то вместо закона в России должна быть церковь, которая устанавливает определенный моральный стандарт. Тогда уже стыдно будет совершать какие-то поступки, потому что придется в них на исповеди каяться.

Действительно, сами прокурорские работники признают, что Россия — это не территория закона и что они сами же в отчаянных попытках создать какую-то видимость законности признают свое поражение, свое бессилие. Нечто подобное существует, например, в Египте, хотя это исламская страна, где существует определенный корпус законов. Но на местах чиновники даже в столице об этих законах ничего не знают, действуют по определенным традициям, ориентируясь на личные связи, которые у них есть. Сила традиции у них больше, чем сила закона. А закон существует как некий буфер для поддержания контактов с так называемым цивилизованным миром. Подобный выбор делает и российский истеблишмент. Раз закон в России невозможен, значит должна быть в России традиция. Моральная традиция или традиция «телефонного права». И действительно, правоохранительные органы здесь в первых рядах ниспровергателей закона, в первых рядах закононепослушания. Поэтому к ним апеллировать, наверное, бесполезно. Апеллировать можно только к единственному источнику какого-то порядка и законности, который остался для России, а именно к международному праву. Раз в России не остается внутренних опор, какой остается закон для России? Внешний. Что касается правозащитной пассивности самих мусульман, то из ваших слов могу сделать вывод о том, что мусульмане привыкли к некоему второстепенному социальному положению в России, смирились с этой своей участью и просят, чтобы их хотя бы в этом «второстепенном» состоянии не трогали. А уж на равенство они и сами не претендуют. Так ведь? Ведь вы поэтому не пишете по каждому факту исламофобской публикации жалобы, не нанимаете секретарей, не ищите волонтеров, которые просто ради веры готовы были бы помочь вам в составлении таких исков. Видимо, вас устраивает это второстепенное положение? Вам хочется хотя бы тот минимум человеческих свобод сохранить, который у вас есть.

Елена Рябинина. Реплика по поводу двух замечаний. Во-первых, о правовом сознании прокурорских работников. Не далее как два месяца назад меня в качестве сви-

детеля допрашивали в прокуратуре Северо-Восточного округа г. Москвы по поводу незаконного выдворения Рустама Муминова. Я думаю, об этой истории слышали многие: вопреки решению Европейского суда по правам человека, не говоря уж обо всем российском законодательстве вместе взятом, человек был просто передан узбекским властям. Моя беседа с прокурором началась с того, что он по этому поводу сказал: «По большому счету я думаю, что правильно сделали». Вот таково правовое сознание прокурорских работников. Их представления о том, что законно, а что незаконно, что допустимо, а что недопустимо, к собственно юридическим, правовым нормам имеют очень косвенное отношение. И это же подтверждается ответами на огромное количество запросов, которые мы пишем от комитета «Гражданское содействие» по поводу всевозможных нарушений законодательства в отношении конкретных людей.

К нам часто обращаются за помощью, и тут я перехожу уже ко второму вопросу, а именно к правозащитной пассивности мусульман. Вот с этим я согласилась бы лишь отчасти. Два с небольшим года мы ведем мониторинг фабрикаций уголовных дел по «исламскому экстремизму». В течение всего этого времени, стоит только мне или моим коллегам появиться в каком-то регионе, где интенсивно развивается эта кампания, как тут же наши номера телефонов просто обрывают — без конца звонят люди из Сибири, Поволжья, Татарстана, Башкирии и сообщают о новых арестах. И я с удивлением обнаружила, что за эти два года в нескольких регионах уже образовались мусульманские правозащитные организации: в Казани есть такая организация, в Челябинске, в других местах.

При этом, процесс репрессий, которые за это время набрали большую силу, сопровождается разделением мусульманского сообщества, потому что одна его часть натравливается на другую, и те, кто не очень близок к репрессуемому, стараются всеми силами доказать свою верноподданность.

Эта кампания прежде всего касается уголовных дел, связанных с обвинениями в причастности к «Хизб ут-Тахрир» — организации, которая причислена к террористическим, хотя не имеет никакого отношения к терроризму. Она причислена к террористическим организациям решением Верховного суда РФ, принятым с грубейшими процессуальными нарушениями. Ведущие юристы в своих анализах процессуальных тонкостей уже рожки да ножки оставили от правомерности принятия этого решения. Тем не менее, по нашей статистике, число осужденных за причастность к «Хизб ут-Тахрир» уже составляет 49 человек, из них 33 приговорены к реальным срокам, максимальный — до восьми с половиной лет. Это одна категория.

Вторая категория — лица, обвинявшиеся в приверженности к упомянутому выше ваххабизму. Причем, веселее всего, когда обвинения в причастности к «Хизб ут-Тахрир» и к ваххабизму идут через запятую. Во всех своих поездках по судебным слушаниям я видела только одного-единственного судью, который понимал, что это вещи несовместимые.

Известнейшее дело по обвинению в так называемом ваххабизме — это дело Мансура Шангареева, брата муфтия Оренбургской области Исмагила Шангареева. Там имели место подбросы наркотиков, гранат, видеокассет и листовок с призывами ко всем смертным грехам. И если первое уголовное дело было по подброшенным наркотикам и гранате плюс мошенничество (по мошенничеству его оправдали в суде), то непосредственно перед приговором ему было предъявлено второе обвинение. Даже при моей привычке к абсурду в следственных документах, я просто получила удоволь-

стве, читая его: «Приглашал в мечеть выходцев из Индии (почему-то!) и с Северного Кавказа, которые носят нестриженные длинные бороды, заправляют носки в штаны, чем вовлекают молодежь в идеи радикального ислама». (Смех) Это дословно!

Причина, по которой вынужден был эмигрировать брат Мансура, Исмагил Шангареев, ни для кого не секрет: против него тоже начали фабриковать дело по обвинению в ваххабизме. Потом в его медреесе подбросили хизб ут-тахрировские листовки, и вот уже скоро в Бугуруслане должен быть вынесен приговор двоим обвиняемым. Один из них говорил мне лично: «Я этих хизби... Увидел бы кого-нибудь — сам бы сдал». (Смех)

Александр Солдатов. Вы согласны с тем, что внутренние ресурсы для осуществления правосудия в России уже исчерпаны? По крайней мере по таким политическим делам. Единственный шанс для нас хоть как-то этой исламофобии противостоять — это увеличить поток жалоб в международный суд?

Елена Рябинина. Я бы сказала, что эти шансы исчерпаны не на 100%, а на 99.

Александр Солдатов. И что это за один процент?

Елена Рябинина. Этот один процент сейчас тоже обнуляется, но я думаю, что еще не обнулился до конца. Например, 29 июля 2006 года по недосмотру наших законодателей, которые, как известно, в школах на тройки учились, было внесено изменение в формулировку статьи 205¹ УК РФ, наказывающей за «вовлечение». Статья 205¹ — это одна из наиболее распространенных среди тех, которые предъявляются по сфабрикованным уголовным делам, в частности, по делам о «Хизб ут-Тахрир». В новой формулировке было убрано, явно по недосмотру, словосочетание «за вовлечение в террористическую деятельность» и добавлено две других статьи. В результате, четвертым осужденным статья 205¹ уже исключена из приговоров. В тех уголовных делах, которые сейчас доходят до суда — в Набережных Челнах и Тобольске — то же самое. Из одного из этих дел на основании изменения этой формулировки исключено еще и «создание преступного сообщества», потому что если нет вовлечения, то нет и сообщества. Вот это и есть тот самый один процент.

Но одновременно в новом уголовном деле в Казани, чтобы «одарить» обвиняемых статьей 205¹, им предъявлено обвинение — ни много, ни мало — в попытке захвата власти (ст. 278 присутствует среди перечисленных в новой формулировке ст. 205¹). Это демонстрирует очень потенциально опасную тенденцию, но я надеюсь, что прокуратура не справится, что в суде они не смогут привести даже за уши притянутые аргументы.

В чем опасность? Дело это — о причастности к «Хизб ут-Тахрир». Если будет вынесен обвинительный приговор по ст. 278 — за попытку захвата власти, — и если он вступит силу, то дальше станет уже неважно, «а был ли мальчик» — а была ли попытка насильственного захвата власти. Будет зафиксировано судом, что есть осужденные за нее, и это будет возражением на все наши аргументы о том, что «Хизб ут-Тахрир» никогда и нигде не был уличен в насильственных действиях.

Александр Солдатов. У вас не создалось такого ощущения, что Кремль специально поставил задачу перед структурами в поволжских регионах — привести «Хизб ут-Тахрир» на смену Аль-Каиде?

Елена Рябинина. Репрессии за принадлежность к «Хизб ут-Тахрир» — программа глобальная, но не исчерпывающая. Я бы не связывала это с Аль-Каидой. Логика здесь простая: для того, чтобы чем-то оправдывать наступления на права человека, нуж-

на борьба с международным терроризмом. Что это такое, не знает до сих пор никто. Международный терроризм может быть каким? Понятное дело, исламским. «Хизб ут-Тахрир» — исламская партия, да еще и международная. Действительно международная — она существует с 50-х годов прошлого века в очень многих странах. Для Владимира Владимировича это было подарком судьбы, идеальным вариантом. Есть одно предположение, относительно которого у меня бывают разногласия с коллегами, и тем не менее расскажу. Оно касается примера Узбекистана, где в конце 90-х годов начались жесточайшие репрессии против тех, кого обвиняют в причастности к этой организации. Там что только с людьми не делают: варят в кипятке, колючую проволоку вставляют в задний проход, насилюют жен в присутствии мужей — все страсти-мордасти, которые только можно придумать, да еще и с азиатским оттенком — прямо из сказок «Тысячи и одной ночи». На все это «Хизб ут-Тахрир» в листовках отвечает — чем? «Каримов — еврей!» (*Смех*). И члены этой организации не переходят к ответным насильственным действиям. Удобно-то как — террористы-пацифисты!

По совокупности этих параметров «Хизб ут-Тахрир» стал просто пятым тузом из колоды Владимира Владимировича, который он с удовольствием и вытащил из рукава — он ли сам или его коллеги по первой профессии.

Хорошо известно, что скоро можно будет отмечать годовщину того, как уважаемый Нафигулла-хазрат вместе с «Мемориалом» получил предостережение о недопустимости поддержки террористических организаций. Сейчас, кстати, в обжаловании этого предостережения уже отказано судом кассационной инстанции, так что, теперь последует обращение в Европейский суд по правам человека. Это предостережение означает, что не только против друзей и знакомых осужденных и их единомышленников фабрикуются уголовные дела, но и нам уже «постучали в окошко».

Что касается обвинений в ваххабизме (честно признаюсь — даже не знаю толком, что это такое) — этого ярлыка, самого по себе, уже достаточно, чтобы он дальше обростал самыми страшными обвинениями. Мансуру Шангарееву, когда его только начинали преследовать, пришлось даже взять в мечети справку о том, что он исповедует «традиционный ислам». (*Смех*). Абсурд полный. «Ваххабизм» — ярлык, который достаточно повесить и назвать вслух, чтобы от человека стали шарахаться, как от зачумленного. И уже неважно, имеет ли этот ярлык отношение к содержанию, или не имеет.

Александр Солдатов. Чтобы продолжить правозащитную тему, я попрошу поделиться своими мыслями Владимира Наумовича Ойвина.

Владимир Ойвин. Я хотел бы сосредоточиться немного на другом. Во-первых, я не согласен с тем, что в России исламофобия носит чисто религиозный характер, что это ответ, допустим, православных на вызовы ислама. Я сплошь и рядом сталкиваюсь с омерзительными проявлениями исламофобии со стороны людей, не имеющих никакого отношения ни к какой религии, неверующих. Это бытовая исламофобия. Она страшна тем, что демонстрирует совершенно непонятную ярость и неприятие ислама как такового. Одно слово «ислам» в этом случае на некоторых действует, как красная тряпка на быка.

Кто же все-таки является инициатором этого процесса, по крайней мере в России? Я не соглашусь с господином Кисриевым в том, что это вынужденная мера, что это ответ властей на запрос снизу. Реакция низов вызвана целенаправленной пропагандой антиисламских настроений через все средства массовой информации, которые полностью узурпированы властью. И это делается вполне сознательно. Вспомним, как при-

шел к власти нынешний президент Владимир Владимирович Путин, подполковник КГБ, который не сумел даже в собственном ведомстве выше подполковника подняться. Вспомним, что предшествовало его приходу к власти. Взрывы домов, которые были повешены на чеченских террористов. Тех, кто это сделал, потом поймали за руку в Рязани, когда они пытались сымитировать другой взрыв. Их просто поймали за руку, ввиду потери квалификации. Если бы этого не случилось, был бы еще один взрыв. Вспомните, какой был всплеск кавказофобии и соответственно исламофобии. Власть вполне сознательно, упорно, целенаправленно раздувает эти настроения в обществе. Для чего это власти нужно? Власть, которая сегодня существует, может существовать только в условиях нестабильности, хотя она кичится тем, что она создала стабильность. Это псевдостабильность, которая держится только на силе, на страхе. И этот страх ей нужен для того, чтобы сохранить свою власть и успешно передать ее преемникам.

Исламофобия — это один из ведущих инструментов создания нестабильности в стране. Вот, например, недавняя попытка объявить террористическую опасность. Совершенно очевидно, что это была дутая фальшивка, которая зондировала почву, реакцию населения. Или еще хуже — репетиция ситуации, когда эти взрывы все-таки действительно произойдут. Сразу объявляется чрезвычайное положение, в условиях которого проведение выборов президента невозможно. Это есть в Законе о выборах, это есть в Конституции. Вот вам и фактический «третий срок».

Энвер Кисриев. Я не очень понял, почему вы считаете свою позицию опровержением моих мыслей. Я, например, не думаю, что Путин имеет какое-то внутреннее убеждение против ислама или подозревает российских мусульман в неблагодетельности. Но он не может пренебречь основным религиозным ресурсом страны — верой подавляющего большинства россиян, верой, к которой принадлежит и сам. Можно было бы оставить религию в области сугубо семейных, личных отправлений, не выставлять ее на показ. Но что тогда послужит идеологией единения людей, какие светские ценности или рациональные обоснования годятся сейчас на то, чтобы обосновать необходимость сплочения российского общества? При том ограблении населения, при такой вопиющей имущественной дифференциации, количестве беспризорных, нищенском существовании пенсионеров и проч.!? Каким идеологическим ресурсом воспользоваться? Куда без религии?! Во-первых, в религии отыщется и обоснование бедствий одних и процветания других — вспомним веберовское понятие *теодицеи страдания и счастья*. А во-вторых, только религия (православие) служит сейчас идеологическим стержнем целостности России. Поэтому я называю этот процесс объективным. Людям, даже очень могущественным по должности, никуда от этого не деться.

Владимир Ойвин. Но вы считаете, что этот запрос идет снизу, а я считаю, что исламофобия насаждается сверху.

Энвер Кисриев. Я считаю исламофобию частным проявлением глобального и объективного процесса *клерикализации* или *сакрализации* политических идеологий нынешнего времени. Эти процессы разрастаются встречными течениями: это и спрос снизу — предложение сверху, и спрос сверху — предложение снизу.

Александр Солдатов. Вы говорите, что исламофобия нацелена на мобилизацию общества вокруг Кремля, вокруг путинского режима. Владимир Наумович считает, что она направлена на перманентную дестабилизацию, перманентное социальное беспокойство, и только в условиях такого беспокойства и демобилизованности — идеологической, социальной — власть может сохраняться в такой мутной водичке.

Энвер Кисриев. С одной стороны, действительно, исламофобия может послужить фактором внутренней интеграции религиозного большинства. Но с другой — исламофобия опасна, поскольку отталкивает российских мусульман, представляет их чуждым элементом в государстве российском. Это не может быть полезно или выгодно власти. Поэтому власть, опираясь на православие, одновременно стремится противостоять и проявлениям исламофобии. Но исламофобия все равно оказывается *неизбежным* проявлением в обществе, в котором господствующей религии вынуждены придавать столь важный политический смысл.

Валерий Емельянов. Простите, господа. Одно только слово греческое, из пяти букв — **фобия**. Мы сейчас говорим, Владимир Наумович, об исламофобии, а то, о чем вы говорите, это тоже фобия, но это не имеет отношения к исламу. Это более широко — этнофобия, если хотите.

Владимир Ойвин. Исламофобия с этнофобией в обсуждаемой ситуации случае связаны неразрывно, поскольку у нас все русские — православные, все татары, кавказцы — мусульмане. У нас де-факто автоматически постулируется этническое вероисповедание, а не вероисповедание как таковое. К сожалению, чисто теоретически в некотором смысле у ислама есть одна очень уязвимая особенность — то, о чем говорил Валерий Емельянов. Это очень тесная завязка вопросов веры и вопросов социального устройства исламского общества. Это восходит еще к очень древним временам, практически это смешение произошло при самом основании ислама.

Сергей Мозговой. У меня пол-слова в качестве реплики. Вы говорили, Владимир Наумович, о технологиях политического процесса, в которые вовлечена ксенофобия, а другие — о том, что в данном случае очень выгодно, чтобы в виде этой ксенофобии выступала именно исламофобия здесь и сейчас, в данный исторический момент.

Александр Солдатов. Теперь с удовольствием предоставляю слово главному редактору информационно-публицистического вестника «МОСТОК» Римме Поляк.

Римма Поляк. Я бы хотела вернуться к причинам исламофобии, потому что мы уже перешли к тому, как политтехнологи ее используют. Я считаю, что исламофобия имеет те же корни, что и любая другая социальная фобия — неприятие другого человека по социальному или любому другому признаку. Основной питательной средой, особенно в России, все-таки является бытовая исламофобия. Причем это касается, в том числе, и людей образованных. Мне кажется, что нужно думать не только о том, как противостоять политическим инсинуациям, но и как бороться с бытовой исламофобией, потому что она очень сильна в России, как и антисемитизм, и другие проявления ксенофобии. Почему у нас это происходит? У нас в обществе очень низкий уровень толерантности и нравственности вообще. У нас уже несколько поколений не воспитываются в том, что существует приоритет личной порядочности, что личная порядочность стоит выше, чем национальные традиции, религиозные приоритеты и догмы. Личная порядочность — это условие воспитания, причем нескольких поколений. Мне кажется, что именно это является истоком бытовой ксенофобии и, в частности, бытовой исламофобии.

Александр Солдатов. Спасибо. Теперь слово представляется сопредседателю Института свободы совести Сергею Бурьянову.

Сергей Бурьянов. Я попытаюсь систематизировать различные подходы, высказанные сегодня, а также невысказанные, через призму правового подхода вообще и через призму проблемы реализации свободы совести. Дело в том, что исламофобия явля-

ется прежде всего проявлением религиозной ксенофобии вообще. Соответственно, причины исламофобии имеют общие особенности, которые присущи ксенофобии в целом, а также некоторые особенности, которые присущи именно исламофобии. Среди причин уже были названы бытовые причины, государственная политика, позиция СМИ и многие другие. Главная причина — это религиозная политика власти вообще, а также ее информационная составляющая в частности. Именно религиозная политика воспроизводит и бытовую ксенофобию. Эта же политика подогревает ксенофобию в межконфессиональных отношениях. То есть принцип кнута и пряника, когда для государственной власти не существует светского государства, а существует некая «ферма конфессий» — по Оруэллу, тогда власть фактически своей политикой разжигает и межконфессиональные конфликты, и внутриконфессиональные.

Александр Солдатов. Цель этой политики вы могли бы назвать?

Сергей Бурьянов. Эта политика осуществляется с целью удержания власти и реализуется путем манипулирования религиозными лидерами и организациями. Наши исследования показали, что государственно-конфессиональные отношения являются важнейшим инструментом религиозной политики. Это структурированная политика, она проявляется на всех уровнях — в науке, образовании, законотворчестве и правоприменении, а также в СМИ. Нельзя сказать, что существует некий человек, который один дергает за все ниточки — это система. Она в России существует и воспроизводит испокон веков. Она и на мировом уровне существует.

Я хочу дать оценку этой политике в РФ. Прежде всего она антиконституционна. Она противоречит конституционному принципу свободы совести (статья 28 Конституции РФ), принципам светскости государства и равенства религиозных объединений (статья 14 Конституции РФ), принципам идеологического многообразия (статья 13 Конституции РФ).

Однако соответствующей оценки со стороны Конституционного суда РФ пока не было. Поэтому Институт свободы совести провел разработку такого понятия, как системная коррупция в государственно-конфессиональных отношениях. И по нашей оценке, то, что происходит сейчас в области нашего исследования, самым непосредственным образом связано с коррупцией.

Под системной коррупцией в области отношений государства с религиозными объединениями я понимаю злоупотребление властными полномочиями в своих личных (и/или корпоративных) корыстных интересах, связанное с использованием административных ресурсов, в рамках «специальных» отношений государства с религиозными объединениями. Так как системообразующим фактором является коррупция верхушечная (государственно-политическая), то главной стороной становится должностное лицо, государственный служащий.

Я бы хотел остановиться на самых опасных формах исламофобии. Самая опасная исламофобия — это исламофобия (и шире — ксенофобия) в высших эшелонах власти и в силовых структурах государства. Она приводит к прямым и массовым преследованиям мусульман и вообще верующих.

Особо хочу выделить малоисследованную область исламофобии. Это исламофобия в научной среде. Она воспроизводится в силовых вузах, а также в Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте РФ.

Мы с С. А. Мозговым были в конце 2006 года на защите диссертации Владимира Кулакова на соискание ученой степени кандидата философских наук «Религиозный

фактор и национальная безопасность России (на материалах Южного Федерального округа)». Она прошла 26 декабря 2006 года на заседании диссертационного совета Д.502.006.11 при РАГС при президенте РФ. Работа была выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре государственно-конфессиональных отношений (бывшая кафедра религиоведения) РАГС, возглавляемой Ольгой Васильевой. Специальность 09.00.13 — религиоведение, философская антропология, философия культуры. Научный руководитель — чиновник министерства регионального развития Александр Журавский. Ведущая организация — Пограничная академия ФСБ России.

Особое беспокойство вызвало наличие попыток научного обоснования диссертантом неправомерного вмешательства силовых структур государства в деятельность религиозных объединений, государственной ксенофобии и дискриминации по мировоззренческим основаниям. Тем более что в автореферате прямо говорится: «Материалы диссертации могут быть использованы для составления методических и учебных пособий, преподавания общих лекционных курсов по проблемам религиозно-политического экстремизма работникам силовых структур, специалистам органов власти и управления, социологам, политологам и религиоведам».

В этой диссертации был в значительной степени представлен исламофобский контекст. Тем не менее эта диссертация была проташена самым вопиющим образом. Сама процедура защиты прошла с грубыми нарушениями процесса обсуждения и научной этики со стороны председателя диссертационного совета О. Васильевой и сотрудников кафедры государственно-конфессиональных отношений. В частности, были предприняты попытки оказать психологическое давление, наши выступления постоянно прерывались и цензурировались. В конце концов, О. Васильева и вовсе дала команду изъять все критические выступления из стенограммы защиты.

Все происходило под прикрытием самого ректора Академии. Когда мы поставили вопрос о кворуме (при обсуждении присутствовало лишь шесть членов диссертационного совета из шестнадцати заявленных), они начали вызывать членов совета, пришел ректор. Я ему говорю: «Извините, у вас здесь нарушения». Он отвечает: «Я здесь присутствовал, никаких нарушений не было». Я был просто в шоке.

Вопросы формирования основополагающих принципов и понятийного аппарата являются системообразующими относительно законотворчества и правоприменения. Это очень важные моменты, потому что, если не будет в науке таких некорректных понятий как «религиозный экстремизм», «ваххабизм», «духовная безопасность», если не будет псевдонаучного обоснования этих терминов, то не будет принято соответствующего закона, противоречащего Конституции России. И, значит, вероятность нарушений будет ниже. Если же это все будет узаконено, то эти проблемы выйдут на новый уровень, более широкий, более масштабный и массовый.

Александр Солдатов. Каков ваш прогноз? Велика ли вероятность того, что это будет узаконено?

Сергей Бурьянов. Такая вероятность существует. Те усилия, которые мы прилагаем, явно недостаточны.

Что делать? Во-первых, должен быть системный подход. Эффективность методов пожарной команды, как вы, наверное, убедились, приближается к нулю. Нужно охватывать все уровни — науку, образование, законотворчество, правоприменение и т. д.

Но кто будет работать? Религиозные организации? Я сомневаюсь, что наши религиозные организации захотят ссориться с властью, со старшим братом — РПЦ МП.

Они даже данных не дают о нарушениях. В большинстве случаев религиозные организации говорят, что все хорошо, хотя есть масса фактов, что это не так. Единственная надежда на правозащитное движение, больше никаких вариантов нет. Но в то же время эта работа — в области свободы совести — со стороны правозащитного движения имеет некоторые пробелы. Наметились некоторые здоровые тенденции в сотрудничестве с Московской Хельсинкской группой: был выпущен доклад по свободе совести за 2005 год, большой специализированный информационно-аналитический доклад «Свобода убеждений, совести и религии в современной России», пару-тройку семинаров провели. Но этого слишком мало. Нужно развивать сотрудничество. Я еще раз подчеркиваю, что только правозащитное движение сможет эту проблему сдвинуть с мертвой точки, других вариантов нет.

Александр Солдатов. Видите ли вы какие-то способы усиления воздействия международных организаций на российские власти в связи с соблюдением свободы совести? Ведь за границей очень много правозащитных организаций, специализирующихся на этих проблемах.

Сергей Бурьянов. Вопрос очень интересный. К сожалению, наш опыт показал, что организации, которые работают в области свободы совести, — конфессионально ориентированы. Подавляющее большинство. Например, Международная ассоциация религиозной свободы (МАРС). Казалось бы, солидная организация, действует более 100 лет, имеет отделения во многих странах мира, в т. ч. и в России. Но на выходе Евразийского отделения МАРС — только верноподданнические обращения к власти, одобрение религиозной политики Путина. Не то чтобы активной работы, даже принципиальной оценки ситуации в сфере свободы совести нет — все прекрасно и все хорошо со свободой совести в современной России.

То же самое происходит и с другими религиозными организациями. Некоторые из них содержат центры, которые позиционируют себя как научные, правозащитные, а на самом деле они ориентированы на защиту даже не религиозной свободы, а только корпоративных интересов. А ведь корпоративные интересы и свобода совести — это не всегда одно и то же, мягко говоря.

Александр Солдатов. Но ведь эти организации могут быть временными попутчиками тех же мусульман?

Сергей Бурьянов. Безусловно. Но только в рамках системной работы по отстаиванию свободы совести и светскости государства. В том числе нужно собирать коалицию организаций и конфессионально ориентированных, и атеистических, и гуманистических — самых разных, и тогда мы сможем изменить ситуацию к лучшему.

Александр Солдатов. Я думаю, в России есть два разряда религиозных организаций по отношению к гражданскому обществу. Первый разряд — те, которые хотят быть государственными. Им только мешает гражданское общество, потому что им мила вертикаль, в которой они себя более уютно чувствуют, они еще Сталиным были созданы в рамках этой вертикали. Гражданское общество для них иноприродно. А второй тип религиозных организаций — те, которые в принципе душой ЗА гражданское общество, но они очень сильно запуганы. Их существование допускается только на условиях максимальной лояльности, молчания, непротивления, да и в религиозных доктринах многих из них заложена максимальная степень непротивления. Третьего типа религиозных организаций у нас и нет практически. Поэтому непонятно, как наладить этот контакт.

Людмила Алексеева. Проблема состоит еще в том, что каждая из религиозных организаций хочет выжить и считает, что лучший путь выживания — не ссориться с властью. Это ошибочная надежда, потому что поодиночке-то и передавят всех. Я и другие правозащитники потратили много сил в противостоянии закону 1997 года. Вот вы говорите: одна надежда на правозащитников. Да, правозащитники могут помогать тем, кто сам хочет себя защитить. Мы не можем вместо них их защищать, пока они сидят сложа руки. Это не потому, что мы ленимся, а потому, что это невозможно по определению: можно помогать, а не действовать вместо человека.

Предлагаю: собирайтесь вместе, прокричите обо всех верующих, прокричите и внутри страны, и на Западе. Обращаюсь с этим к баптистам. Они соглашаются и говорят: «Хорошо, мы соберем всех». И обращаются к пятидесятникам и близким к ним: «Мы хотим собрать все «нетрадиционные» религии». И слышат в ответ: «А почему это вы собираете? Давайте лучше мы будем собирать». В результате никто не собирает.

Мусульмане здесь не присутствуют. Во-первых, их объявили «традиционными». Во-вторых, у нас до сих пор нет выхода на исламские организации.

И знаете, чем все в конце концов кончилось? Я им сказала: «Московская Хельсинкская группа не принадлежит ни к какой церкви». И предложила: «Давайте я соберу все нетрадиционные церкви у себя, и мы поговорим». И, вы знаете, получилось! При чем мы думали, что нам хватит места в зале, у нас в здании в Большом Головине переулке. Не тут-то было! Мы собирали стулья из всех комнат, и все равно люди стояли в коридоре, сидели на подоконниках, потому что пришли все.

Правозащитники готовы. Но мы занимаемся всем спектром проблем прав человека. Мы не можем сосредоточить все свои силы на этом направлении, хотя и осознаем его важность. Поэтому все-таки надо работать с религиозными организациями, чтобы росло их правосознание, а мы готовы играть консолидирующую роль.

Я бы хотела поделиться еще одним наблюдением, не имеющим прямого касательства к исламофобии, но являющимся чрезвычайно важным: что происходит в нашей стране по отношению к исламу? Обратите внимание, как начиналось народное противостояние просоветскому режиму в Польше. Начинала его католическая церковь. Это то, о чем вы говорите. Религия как объединение народа. Польша в отличие от России мононациональная страна. Там это гораздо легче. Они там все поляки. Особенно после католическая церковь была лидером в этой борьбе. Неслучайно, что Валенса, который потом создал «Солидарность», — верующий католик. Именно объединение на религиозной почве стало началом всенародного объединения для противостояния власти. Отсюда и пошла «Солидарность». Она была очень прокатолическая. И вот наконец произошло — Варшавский договор рухнул, Польша стала свободным государством. А сегодня поезжайте в Польшу и сходите в костел. Там сейчас очень мало народу, гораздо меньше, чем во времена советской власти. То же самое я наблюдала в Литве. Тридцать лет назад я ездила в Литву как представитель Московской Хельсинкской группы, потому что там семерых ребят выгнали из школы за то, что они посетили костел. А когда я приехала, мне говорят: «У нас тут двух епископов сослали на Северо-Запад». И мы через всю Литву поехали к ним. Это было в воскресенье, и, проезжая через маленькие города и деревни, мы заходили в костелы. А костелы там большие, давно построенные. И был не праздник, а обычное воскресенье. Мы видели людей, которые стояли на коленях, слушали мессу... Меня просто поразила такая преданность религии. Недавно, в январе, я была на тридцатилетии Литовской Хельсинкской груп-

пы. Прошло ровно 30 лет. Я спрашиваю Виктораса Пяткуса, организатора Литовской Хельсинкской группы, очень активного католика: «У вас до сих пор костелы полны верующими?» Он ответил: «Ну что вы, нет!» С тех пор как Литва обрела независимость, религиозность пошла на убыль, потому что критический момент миновал.

Я думаю, что у нас с исламом на Кавказе, в Узбекистане и Таджикистане происходит то же самое. Люди недовольны своей жизнью, у них протестное настроение. Вот посмотрите в Кабардино-Балкарии, кто там самые главные верующие? Не старики, а молодежь. Молодежь сейчас пошла в ислам и на Кавказе, и во всех республиках. Почему? Потому что идет чеченская война, потому что мы плохо относимся к кавказцам, потому что процветает кавказофобия или исламофобия, назовите как хотите. Это порождается безработицей, абсолютно наплевательским отношением властей к тому, как живут люди, — их только давят, им совершенно никто не помогает, даже когда они уезжают. Они что, могут найти пристанище где бы то ни было? Они всюду рискуют в нашей стране, и не только чеченцы. Любые граждане с неславянской внешностью знают: не по паспорту бьют, а по физиономии. Именно протестные настроения вызвали интерес к исламу. Я вас уверяю, что 20 лет назад этого было меньше, во всяком случае среди молодежи. Ислам — более живучая религия, чем православие. Люди сохранили большую приверженность не только самому исламу, но и традициям, связанным с религией, национальным традициям. Всплеск такой приверженности исламу и у нас, и в европейских странах — это, несомненно, ответ на наши опасения, на нашу фобию и на те сложности жизни, которые возникают у приверженцев мусульманской религии. Если бы мы могли, не столько просветительски, объяснять, что ваххабизм — это плохо... Ребята, которые погибли в Нальчике, не были никакими ваххабитами! Они протестовали против того, что в Кабардино-Балкарии закрыли мечети и только на два часа по пятницам открывали их. Они чувствовали себя оскорбленными. Мне кажется, что такой протестный импульс ослабевает только тогда, когда в нашем государстве будут нормальные межнациональные отношения и уважительное отношение ко всем религиям — большим и маленьким.

Если мы научимся уважать ислам и его приверженцев, то, может быть, у нас начнется всплеск какой-то другой религии, в случае если мы будем ее подавлять. Действие равно противодействию. Надо просто по-людски относиться друг к другу, независимо от того, к какой религии и к какой национальности мы принадлежим. Мне это легко делать, потому что меня этому не то чтобы научили, а, как говорят, с молоком матери впиталось. Мои родители были коммунистами первой послереволюционной формации, когда коммунизм означал интернационализм. У нас никогда не обсуждалось, кто к какой национальности относится, и, тем более, кто какую религию исповедует. И это, по-моему, настолько естественно для нормальных людей — по-людски относиться друг к другу. У нас бы и ваххабизма не было, если бы мы относились к людям с неславянской внешностью по-людски.

Александр Солдатов. Спасибо вам за участие, вы внесли такой теплый и важный момент. Вторую часть проведет Сергей Мозговой, и мы попытаемся выработать какие-то практические рекомендации, способы преодоления ваххабизма.

Сергей Мозговой. Уважаемые коллеги, так получилось, что Энвер Кисриев поднял проблему мобилизации — как ислам работает на мобилизацию, как его используют в социально-политических целях. Людмила Михайловна закончила эту мысль, рассказав о том, как религия используется для мобилизации протестных действий.

Я бы хотел вернуться к вопросу, который был изначально задан: что такое исламофобия и чем она отличается от любой ксенофобии. Я хотел бы обратить ваше внимание на эту особенность. Мы с вами прекрасно знаем, что исламофобия как часть ксенофобии — это, попросту говоря, неприязнь к чужакам, в данном случае — к мусульманам и исламским народам. Римма Поляк говорила здесь о бытовой исламофобии, которая выражается прежде всего в непонимании соседа. В общем-то, в основе любой ксенофобии лежит именно это непонимание.

Второе, о чем говорят ученые, это социально-экономический кризис и вытекающее из него тяжелое экономическое положение людей и понижение их социального статуса. Все это, конечно, способствует росту «комплекса неполноценности» и побуждает искать конкретных виновников в своих бедах. Виноватыми за все проблемы в обществе — в данном случае в России — становятся мусульмане. В этом смысле, возможно, это и есть сознательная политика властей, которые манипулируют общественным сознанием.

Однако, на мой взгляд, ключевым в проблеме исламофобии является именно непонимание. А политический и социально-экономический кризис выполняет здесь роль питательной среды, или кислорода для керосина. Как известно, мы наблюдаем исламофобию и в развитых странах — в США и в странах Евросоюза, где люди живут относительно благополучно. То есть социально-политический фактор не является основной причиной, хотя он и существует. Видимо ответ кроется в непонимании и нежелании понимать другого. А этого, другого, в нежелании прислушиваться, присматриваться и уважать местные правила поведения, пусть даже неписанные традиции. В данном случае можно это сказать и в адрес мусульман, со стороны которых также можно наблюдать неприязнь к иным религиозным традициям и культуре. Все это так, но и этот ответ, на мой взгляд, не является исчерпывающим для того, чтобы понять этот феномен до конца. Мы должны понять, в чем причины его живучести, воспроизводимости. Только ли в ментальности и невежественности? Списывать все на менталитет и культуру (или низкую культуру) того или иного народа не вполне оправданно и не вполне корректно, хотя и частично обоснованно, так как многим культурам и религиям до сих пор присуще деление: «свой — чужой».

Однако почему не вполне обосновано искать причины ксенофобии или исламофобии в культуре или менталитете? Потому что мы знаем из истории, как люди разных народов, культур и верований мирно уживались на соседних территориях или даже в одном населенном пункте. Мы прекрасно знаем, что даже России в разные времена были населенные пункты, где мусульмане с представителями других религий достаточно мирно жили, соприкасались и не было никакой исламофобии. Такие примеры есть и в нашей отечественной истории, и в мире. Иная ментальность, иная культура — это еще не причины для исламофобии. Люди могут сосуществовать, даже имея разную культуру и разную религию. Мой отец не мусульманин, но он вырос на Кавказе, и у него среди мусульман было много друзей. Он до сих встречается в Москве с княгинями черкесскими, которые здесь живут, это его школьные подруги и никаких проблем у него не существовало ни тогда, когда он жил на Северном Кавказе, ни сейчас. Поэтому я не хотел бы списывать исламофобию на иной менталитет, на иную культуру. Мне кажется, что в одном и том же населенном пункте представители разных религий с исламом живут мирно до тех пор, пока не вмешиваются провокаторы-политики. Я считаю, что основной и главной причиной религиозной ксенофобии и в частности

исламофобии является религиозный или религиозно-политический фундаментализм. Именно «Фунда» — так я сокращенно называю это явление, провоцирует столкновения людей на религиозной и национальной почве.

Глубокие корни пустил религиозно-политический фундаментализм и в станах, которые иногда называют «цитаделью демократии». Особенно враждебно относятся протестантские фундаменталисты к секуляризму и исламу. Возьмем, к примеру, совсем недавнюю историю провинциального американского городка Палос Хайта (Palos Heights), штат Иллинойс, что находится недалеко от Чикаго, жители которого по инициативе протестантских церквей проявили активность в своем стремлении не пускать мусульман на свою «христианскую» территорию. Причем делали это вопреки тем правам и свободам, которые дает Конституция США, ее первая поправка, и вопреки законам рыночной экономики, у истоков которой как любят говорить сами протестанты стоят именно они, ссылаясь при этом на протестантскую этику капитализма Макса Вебера. Дело было так. В 12-тысячном городке с абсолютным преобладанием христиан, в основном протестантских деноминаций, проживало несколько сотен мусульман, которые решили приобрести выставленное на открытые торги с аукциона никем не используемое здание бывшей реформатской церкви (одной из 11 христианских церквей, расположенных в городе), которая переехала в более просторный храм и выставила бывшее здание храма на продажу. Здание долго не находило покупателя, но в конце концов его решила купить для своих потребностей мусульманская община. И тут началось: все христианские религиозные общины города заявили свой протест и объединились, чтобы воспрепятствовать купле мусульманами здания. Нападки и оскорбления мусульман вылились на страницы газет, которые обвиняли тех в неуважении американских традиций, также были инспирированы митинги, где звучали лозунги «Мусульмане, вон из нашего города!». В результате городской совет отменил сделку купли-продажи. Мэр городка Дин Колденхофен наложил вето на неправовое решение совета, но он проиграл следующие выборы. Причем эта история случилась в 2000 году, то есть еще до того, как в США была поднята антиисламская истерия, в связи с авиационной атакой 11 сентября 2001 года на Всемирный торговый центр.

В качестве примера я привел местечковую исламофобию протестантских фундаменталистов. Однако сегодня мы наблюдаем как ксенофобия протестантского фундаментализма, исповедуемая президентом США Дж. Бушем-младшим, превратилась в политическую исламофобию в ранге государственной политики. Даже неискушенные в большой политике начинают понимать, что объявленный им «крестовый поход» против «международного терроризма» и «исламского экстремизма» ставит своей целью передел мира. Исламофобия стала инструментом внешней политики администрации республиканцев. В самих Соединенных Штатах она поддерживается рядом известных протестантских телерадиопроповедников. Однако все же, если в США исламофобия является инструментом внешней политики, то в России религиозная ксенофобия является основой внутренней политики. Отсюда наряду с такими не правовыми и оскорбительными оценочными терминами как «секта» и «религиозный экстремизм», в ходу у официальной пропаганды термины «исламский экстремизм» и «ваххабизм». В органах внутренних дел ряда субъектов федерации, особенно на Кавказе, даже спецотделы создали по борьбе с религиозным экстремизмом, т. е. с неправильными, в глазах спецслужб и приближенных к ним муфтиятов, мусульманами.

Теперь хочу предоставить слово коллегам.

Абдурашид Саидов. Я собственный корреспондент «Дагестанской правды» в Москве. Я продолжу. Что тут первично? Царство, которое провоцирует, или люди, которые дают повод? Я скажу важную вещь, наверняка многие об этом не знают, до 1994 года, пока не начались военные действия в Чечне, один из непримиримых исламских радикалов в Дагестане был категорическим противником Дудаева. Он смеялся над ним. Когда Дудаев заявил о предстоящем джихаде против России, руководитель исламских радикалов Багаутдин Магомедов хлопал в ладоши и удивлялся: «Какой джихад? Кто он такой? Что он несет?» Не было никакой смычки между религиозными радикалами и так называемыми сепаратистами в Чечне. Напротив, официальное духовенство Дагестана начиная с сентября-октября 1991 года, как только Дудаев появился на политической арене, как только Чечня провозгласила суверенитет, официальное духовенство не вылезало из Грозного. Высасывало и нефть, и другой капитал, который можно было высосать. Как только прогремели российские танки, российские пушки, официальное духовенство повернулось спиной к Дудаеву. А тот, который смеялся над Дудаевым, со своими бойцами отправился в Чечню: братьям надо помочь. Вот как перевернулось все.

Другой пример. В 1991 году, когда избирали первого президента российского, видя энергию мусульман, Дагестана в частности, видя потенциальную энергию, я решил использовать эту энергию в пользу демократов, в пользу Ельцина. Каким образом? В исламе свободный выезд из страны необходим, частная собственность на землю необходима. Свобода экономической деятельности человека декларируется шариатом. Колхозов не должно быть в исламе. Используя все эти параметры, нам удалось ориентировать дагестанских избирателей на демократов. В Дагестане в 1991 году был самый высокий процент голосов за Ельцина. С нами вместе работал известный в Дагестане поэт Адалло. Сотрудничал с Демократической Россией. Искренне жаждал видеть лицо и жизнь демократической России. В 1994 году, когда конфликт с Чечней перешел в горячую стадию, он мне сказал то же самое, что сказал и Карякину в свое время: «Слушай, Россия с ума сошла! Я беру своих сыновей, еду в Грозный». В 1999 году этого поэта объявили террористом и ваххабитом. Пять лет он вынужден был скрываться в Турции, три года мне потребовалось работать, чтобы создать условия для его возвращения. И, слава богу, мы поехали. Группа РЕН-ТВ хорошо нам помогла в этом вопросе. Привезли его. Сейчас он в семье, и все нормально. Его судили, он получил условный срок.

Вот откуда все идет. И еще. Откуда возникают протесты? Любая национальность — маленькая ли она, большая ли она — имеет своих националистов. Имеет ли народ право на этих националистов? Любое политическое движение или религиозное имеет радикалов, умеренных, партийных — всяких. В северо-кавказских республиках сегодня нет националистов. Мы сегодня видим в эфире радио и телевидения русских националистов. Проханов, Затулин, Rogozin, которые между строк оплевывают в том числе и нас, топчут всех нерусских. А наши националисты слово скажут — они сразу «ваххабиты». Где-то что-то попытаются сделать — они «террористы». Поэтому северо-кавказские националисты сейчас в лесах. В окопах. Легализовать исламских радикалов, дать им право в конце-то концов принимать участие в общественной жизни, высказывать свои мысли, участвовать в политической жизни — я думаю, что это единственный путь к избавлению от терроризма. Но власть этого не хочет. Мало того. Вот закон, принятый о ваххабизме. Казалось бы, Дагестан должен быть единственной точкой на Северном Кавказе, свободной от терроризма, потому что мы с помощью закона начали воевать с этим злом. Наоборот.

Что это дало? Это равносильно тому, как если бы в Дагестане издали такой указ: убийство мусульманина уголовно ненаказуемо. После убийства объявляют: да он был ваххабитом. И никакого следствия. Любое возражение официального духовенства, даже имама сельской мечети, заканчивается мордобоем, заканчивается преследованием того, кто задал нехороший вопрос. 8 декабря 25-летний парень в Махачкале — в столице, казалось бы, — пришел на утреннюю молитву. Имам мечети начал ему говорить: «Ты не так молишься, неправильно молишься». Возникла дискуссия между прихожанином и имамом. Имам вызвал милицию и отправил молодого человека в отделение. На второй день в камере этого человека обнаруживают мертвым. Милиционеры говорят, что он проглотил целлофановый пакет. Я, как врач, могу сказать, что очень нужно постараться, чтобы целлофановым пакетом подавиться. Потому что возникает рефлекс — кашлевой, рвотный. Удержать пакет внутри практически невозможно. Парня избили, родственникам передали труп со следами мучений. Следствие стоит. Никто никого не наказывает. 29 декабря во время такой же утренней молитвы в ответ был убит заместитель имама мечети, той самой мечети, где был сдан органам парень. Родственники, видимо, постарались. Вот такая ситуация в республике.

Я не знаю, уважаемый брат Нафигулла входит в список ваххабитов по Дагестанскому духовному управлению? Они составляют списки ваххабитов-переводчиков Корана. У нас существует запрет на всемирно признанный перевод Корана Пороховой.

И это все делает официальный ислам, поддержанный властью.

Сергей Мозговой. У меня вопрос в связи с этим. Вы сказали о конфликте между мусульманами внутри исламской уммы. Так это и есть исламофобия? Или это другое явление и оно по-другому называется?

Абдурашид Саидов. Я как раз в конце хотел подчеркнуть, что это исламофобия у мусульман. Мне позвонили из Дагестана и говорят: произнесения шахады, там несколько слов («Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед его пророк»), — это признание ислама, Единобожия. Самого произнесения этой формулы люди уже начинают бояться.

Сергей Мозговой. Спасибо большое.

Римма Поляк. Еще такой момент, как межрелигиозная борьба за влияние. Когда православие провоцирует исламофобию, когда ислам провоцирует христианофобию, юдофобию.

Александр Солдатов. Что касается внутриисламской исламофобии, то я уже вкратце намекнул на существование этой проблемы на примере господина Таджутдина, который в качестве дубины использует этот спущенный из Кремля неграмотный термин и крушит налево и направо своих конкурентов. Правда, ему уже никто особо не верит, и власть уже с иронией относится к этой деятельности, потому что она приобрела гротескные черты. Но я представляю, как ведут себя имамы в Дагестане.

Абдурашид Саидов: В Дагестане это совсем не так. В Дагестане — полное слияние с властью. Я все-таки хотел бы продолжить начатую мною мысль о том, что в современной России на самом деле в исламе огромная часть официально назначенных мусульманских руководителей обслуживает эту власть. И та часть мусульман, которая — исходя из Корана и Сунны пророка — считает Единобожие и послушание Богу (а не муфтию, мулле или имаму)...

Когда человек, профессор, доктор наук или врач, который имеет мозги и имеет образование, и когда сельский неуч, единственной добродетелью которого является то, что он, извините меня, задницу власти лижет, и когда этому маразматiku ты

говоришь: «Извини, дружок, ты с точки зрения морали исламской и с точки зрения общечеловеческих ценностей являешься придурком, и я не хочу с тобой вообще иметь дело», — тебя сразу же записывают в ваххабиты.

Я могу тысячу примеров привести, вот сегодня в московских мечетях мы можем спокойно купить переведенную литературу, будь то Хадисы Пророка или же аяты Корана, а когда в Чеченской Республике находили вот эту официальную литературу — этих людей расстреливали на месте как людей, которые занимаются распространением, агитацией и пропагандой ваххабизма. И поэтому я хочу, чтобы мы четко здесь для себя уяснили, что этот искусственно созданный образ ваххабиста делается для того, чтобы укрепить мусульманскую часть руководства, которое обслуживает сегодняшнюю власть. И те, кто идет против этой власти, моментально получают ярлык ваххабиста. Я думаю, что политически неугодных людей будут таким образом нейтрализовывать и дальше.

Александр Солдатов. После этой реплики напрашивается вопрос. Не означает ли это, что под термином «традиционный ислам» подразумевается на самом деле не религия Пророка, не Единобожие, а некий набор национальных обычаев, в том числе народов Дагестана и Чечни, но максимально десакрализованных, бытовых. Плюс учение о безусловной лояльности власти преобладающим. И любой интерес собственно к религии выхолащивается. Можем ли мы после всего этого считать традиционный ислам религией? Или это некая культурно-политическая автономия?

Руслан Кутаев. Я дам очень короткий ответ. Что такое светский ислам? Светский ислам — это мусульмане, которые делают то, что запрещено в исламе. Что такое традиционный ислам? Это люди, позиционирующие себя мусульманами, но которые не соблюдают столпы ислама. И что такое ислам? Это люди, которые выполняют хотя бы пять столпов ислама, которые предписаны мусульманину, и при соблюдении этих пяти столпов он является на самом деле мусульманином. Иваны, Петровы, славянско-го, русского происхождения, выполняя эти условия, являются мусульманами. Внутри мусульман идет серьезный конфликт. Я хочу заострить на этом внимание. Сегодня сотни, тысячи чеченцев, не моргнув глазом, называют себя мусульманами. Я говорю ему: «Друг, ты чеченец. Но ты не мусульманин». Не надо путать. Эти вещи существуют, и они искусственно навязаны, пропагандируются и поддерживаются властью, которая контролирует СМИ — газеты, телевидение.

Сергей Мозговой. То есть лицо «кавказской национальности» предлагают считать как лицо «исламской национальности».

Руслан Кутаев. Элементарно. Я пример приведу. Если во многих мечетях Дагестана, а я там постоянно бываю, провести выборы и дать мусульманам выбрать себе имама, то 90 процентов имамов вылетело бы. Если бы рядовым мусульманам только позволили бы это сделать.

Энвер Кисриев. Говорить о внутриисламской исламофобии неправильно. Другое дело, что действительно внутриисламская борьба группировок способствует исламофобии в целом в обществе. Потому что есть два направления в исламе — одно направление старается стать квазигосударственной структурой, примкнуть к власти и построить всех мусульман того или другого общества, скажем, Республики Дагестан.

Сергей Мозговой. Это одно направление или это несколько муфтиятов, которые придерживаются этого направления?

Энвер Кисриев. В Дагестане есть Духовное управление мусульман Дагестана. Это мощная централизованная организация, которая стремится стать монопольной, квазицерковной организацией и организовать всех мусульман Дагестана.

Нафигулла Аширов. Извините, оно создано только при непосредственном участии государства, власти. Иначе бы его не было.

Энвер Кисриев. Но, уважаемый Нафигулла, дело в том, что 90% имамов мечетей не подчиняются Духовному управлению мусульман. Они живут в своих джамаатах, их выбирают свои джамааты, они выполняют свои обыкновенные религиозные функции и знать не хотят ДУМы. Просто вы про них ничего не знаете. Потому что они нигде не светятся. Они нигде не делают никаких заявлений — политических, гражданских, не вмешиваются в общереспубликанские и прочие дела. Они занимаются своим делом, своим джамаатом. Но есть такая организация, как Духовное управление мусульман, которая постоянно говорит от имени всех мусульман Дагестана, делает всякого рода заявления. Если кто-то политически с ними сталкивается, то они объявляют его ваххабитом, и этот человек исчезает с помощью государственных структур. Так поступали католики, которые ошельмуют, а потом отдают князю на растерзание. Я уверяю вас, что если посмотреть реально, 90 процентов дагестанских мусульман просто ничего знать не хотят, и ведать не ведают относительно всех этих приказов, которые объявляет муфтий Дагестана в их адрес. Конечно, производится впечатление, что это не 90%, может быть, меньше. Но это почему? Потому, что в Махачкале они в основном контролируют мечети, а туда мусульманин хочет — не хочет все равно пойдет и исполнит свои обязанности. Но опять же, ему абсолютно наплевать, что этот человек, скажем, функционер. Потому что в исламе нет духовного лица, который обладает какой-то харизмой от формальной организации. Поэтому я хочу сказать, что чиновники от ислама — это такие же люди, как и все чиновники на белом свете. Чиновник — это социальный тип. Он везде — и в Штатах, и в Африке, и в Дагестане, и в России — один и тот же. Это люди, которые смотрят на власть, подстраиваются, господствуют над нижестоящими, лебезят перед вышестоящими. Они заинтересованы в каких-то материальных вещах. Поскольку чиновник — это профессия, они должны получить от своего сана какие-то материальные выгоды. И часто все свои поступки мотивируют тем, где им выгодно устроиться.

Поэтому, я бы сказал, что в Дагестане есть три категории ислама. Первая категория — это чиновничий ислам. Вторая категория — это протестный ислам — ребята, которые плевать хотели и на Духовное управление мусульман, и на традиционный джамаатский ислам, который индифферентно относится ко всякой политической деятельности. Они все-таки мобилизуют политический потенциал. Они хотят сделать ислам формой протеста против нынешнего существующего строя. Это, как правило, те, которые потом создают протестные джамааты, воюют с автоматами, убивают милиционеров. Это не ваххабиты, это просто люди, которые активно выражают свою ненависть к статус-кво, к нынешнему режиму — по тем или иным причинам. В конце концов, есть и психологические причины! Они воюют против нынешнего режима России, но мотивация у них — мусульманская, исламская. Это вторая категория.

И, наконец, третья категория. Этот тот ислам, о котором сейчас говорили, ислам гражданского общества, гражданский ислам. Но гражданский в рамках джамаата, своего селения. Они там исполняют функции гражданского общества, они управляют духовно, просто соберутся и прикажут главе администрации вести себя так или иначе.

Не потому, что владеют властью, а потому, что владеют силой гражданского убеждения, то есть они управляют, духовно управляют своим джамаатом. Это гражданский ислам.

Но тут есть одна проблема, которая входит в противоречие с гражданским обществом России. Потому что они используют в решении гражданских дел шариат. Скажем, распределение наследства, право на землю. Они используют шариат. Скажем, российский закон позволяет отцу все свое наследство передать любимому сыну. Он это делает, и все российское государство встанет на сторону этого человека, который получит все. Но шариат этого не позволяет. Шариат требует, чтобы наследство человека было передано по определенному порядку всем. Тут гражданский ислам вступает в противоречие с гражданским обществом России.

Руслан Кутаев. Говорили о традиционном исламе, что он не похож на ислам. Это ислам. Это суфийский ислам. Но его трудно назвать традиционным, потому что до XIX века в Дагестане был суфизм как интеллектуальное учение. Мусульмане предпочитали читать Газали. У нас найдено и собрано в библиотеках порядка 1000 рукописей Газали, который является одним из любимейших мыслителей для дагестанских ученых. Но он, собственно, был суфием. У него суфийская философия. Но у нас не было братств. Тарикатских братств до XIX века в Дагестане не было. Джамаат не позволял никаких тарикатств. Джамаат это была республика. Он появился в XIX веке и потом стал знаменем национально-освободительного движения. Поэтому его трудно называть традиционным, но это настоящий ислам. Все-таки Духовное управление мусульман — это тоже ислам. Настоящий ислам. Но просто одна ветка — суфийская. Я не беру на себя право говорить, какой ислам правильный, а какой неправильный. И еще. В Дагестане считается плохим тоном спрашивать: ты хороший мусульманин? а ты это делаешь? а это ты почему не делаешь? У нас на это табу. Причем лучше всего это табу соблюдают глубоко верующие мусульмане. Чем он более глубоко верующий, тем он меньше задает этих вопросов. «А ты держишь уразу?» — скажем. Настоящий мусульманин никогда другому таких вопросов не задаст.

Елена Рябинина. Здесь коллега говорил про роль государства. Мало того, что эта роль в известной степени заключается в том, что оно создает почву для исламофобии, но идет лавинообразный процесс. Потому что возникновение разных течений, разных умонастроений в исламском сообществе дает реакцию тех же правоохранительных органов и государства — реакцию репрессивную. Репрессивная реакция создает вокруг тех, против кого эти репрессии направлены, некий романтический ореол в глазах молодежи. Я абсолютно уверена в том, что это так и есть. Что те, кто, может быть, не обратил бы внимания и не стал бы присоединяться к тем или иным движениям в том же самом исламе, увидев, что впереди красивая перспектива пострадать за веру и так далее, в конце концов, получают то, что им готова выдать наша драгоценная власть. И дальше процесс идет вразнос. Освещение всех этих репрессий в прессе под тем углом, который продиктован государством, вызывает исламофобию. Мусульманская молодежь загнана в угол восприятием окружающих и, опять же, пытается так или иначе сопротивляться, защищаться и выталкивается в какие-то более радикальные течения.

Сергей Мозговой. В том, что вы сказали, вина лежит не на правозащитниках и не на журналистах, а только на ученых. Потому что последние 15 лет мы слышим, что Русская православная церковь является государствообразующей. Она была государствообразующей и в Российской империи. После того как мы объявили, что мы феде-

рация равноправных народов, история страны должна рассматриваться через историю этих народов. И к вопросу о Куликовской битве это имеет прямое отношение. Когда она объявляется государственным праздником, одна часть федерации, по сути, воюет против другой. Праздники — это тоже государственная политика.

Елена Рябинина. Ученые выстраиваются в очередь лизнуть все то же самое. Как только Владимир Владимирович объявил о своем православном вероисповедании, все остальное дальше было запрограммировано просто автоматом.

Сергей Мозговой. Насколько я понял, исламу предлагается реформироваться и перестать быть воинственным?

Энвер Кисриев. Ну, он такой, какой он есть. Чтобы все мусульмане коренным образом пересмотрели свои взгляды — это болтовня. Каждое качество ислама востребовано в определенных условиях.

В некоторой степени воинственность ислама сегодня спровоцирована отношением к нему. Это защитная реакция — как в человеческом организме. В мирных условиях ислам миролюбив и очень человечен. Наши люди в Египет ездят, в Дубай, общаются там с людьми и видят, какие там социальные гарантии по отношению к людям, к тем же иностранцам, которые там работают. Вы там не увидите, чтобы пакистанцы или филиппинцы-иноверцы (я был в Катаре) жили в одном вагончике по 50—60 человек, чтобы там же ели и там же спали, и там же у них плитка газовая стояла. Это тоже ислам. Поэтому это, конечно, концепция светского, в основном, человека, который предлагает свои какие-то выводы. Лишние вещи в исламе? Зачем вообще молиться, это же нематериально, это только время терять, лучше лишний кирпич положить, правильно? Так можно и до абсурда дойти.

Руслан Кутаев. Это такой сирийский, коммунистический подход. За 1500 лет появлялось очень много лжепророков и людей, которые подвергали ислам ревизии. Ислам есть фундаментальная религия, Божественное писание, которое не подлежит ревизии. Даже кандидат политических наук Курбанов не может подвергнуть его ревизии.

Елена Рябинина. По-моему, это чистейшая нормальная российская кухонная рефлексия. Интеллигент, который сидит и думает, в чем я виноват. И все. Это нормальное качество русского интеллигента. Мусульманин он при этом или нет, роли не играет.

Руслан Кутаев. Дело в том, что религия — это такая вещь: человек может придерживаться ее или нет. Курбанова никто насильно в религию не заталкивает. Если он не хочет находиться в системе исламских ценностей, он имеет право выйти.

Михаил Ситников. Позвольте два слова. Здесь прозвучали несколько очень интересных мыслей, которые несколько теряются. В частности, только что прозвучало: ислам в нормальных условиях является религией мирной, конструктивной, ровной. Условие для этого — благополучная жизнь. Собственно, все религии таковы в своем нормальном, чистом виде, когда они не используются в качестве рычагов, не используются в качестве оружия. А когда мы говорим об исламофобии (наиболее актуальной фобии, потому что исламофобия сегодня в России затмила даже антисемитизм), то, естественно, возникает вопрос: а что делать? Да, явление многоликое, многостороннее, многопроявляющееся, многоуровневое — вот это то самое колесо, которое само себя уже запускает. Масса факторов: государство подталкивает исламофобию, исламофобия предлагает себя государству, одни используют ее так, другие — эдак, и так далее, а исламофобия набирает обороты. Что делать? И вот как раз насчет того, что делать,—

это вторая мысль, тоже очень интересная, которая тоже не была актуализирована. Если мы живем в неправом государстве, более того, в неправом обществе, если мы живем в ситуации, когда никто не знает, что такое право, потому что к нему веками не обращались. Если Россия живет постоянно по каким-то разным моделям представлений о справедливости и если в России существует власть, которая структурно и по сути своей, по целям своим не изменилась с раннего средневековья, то, естественно, правит в России не закон, не право, а произвол. Произвол хорошего правителя будет более-менее приемлем, плохого правителя будет совсем плох, среднего — будет ни то ни се. Мы это наблюдаем при одном строе, при другом строе, при третьем строе. Скоро будет при четвертом, видимо, то же самое. Что делать в такой ситуации?

Вот тут как раз та самая мысль, на которую не обратили внимания. Россия не изолирована. Как мы ни пытаемся закрыться, мы уже этого не сможем сделать. Глобализация — это очень универсальный процесс, он объективен. Все равно, что дырку проколоть в шарике — все, воздух, выходящий из него, уже не остановишь. Существует международное право. Это очень сложное понятие, сложный организм. Но больше в России апеллировать не к чему и не к кому. В то же время, более высокоцивилизованное общество — это может быть европейская модель или любая другая, и исламский мир относится к нам настороженно, потому что мы очень многого хотим, и мы привыкли выезжать на чужом горбу. И все наши обращения, все наши апелляции к международному праву за помощью, за советом, за участием они воспринимают так: ну вот, мы вам снова, как в черную дыру, будем бросать, давать и так далее, а вы ничего не будете делать. И они не верят, что у нас все настолько серьезно, как на самом деле. То есть, кроме апелляции к международному праву, к международным правовым инстанциям, организациям, живым людям, наконец, мы обязаны в какой-то мере просвещать их в обратную сторону, доводя до сведения, объясняя и доказывая — что у нас вот так, а не этак. Это мысль, которую Александр Солдатов первым высказал и несколько раз пытался предложить, но на нее не обратили внимания. Мне кажется, что она заслуживает особого внимания, и в этом направлении надо думать и каждому в отдельности, и всем вместе.

Сергей Мозговой. Уважаемые коллеги, в журнал «Здравый смысл», членом редколлегии которого я являюсь, пришло письмо от человека, который по рождению был правоверным мусульманином в Пакистане. Юнаш-шейх. Письмо настолько антиисламское и исполненное ненависти... Самые мягкие слова этого письма (скорее даже статьи) — это «исламские разбойники», «исламские убийцы» и т. д. Он был в камере смертников там, в Пакистане. Для того чтобы его вытащить из камеры смертников поднялся весь мир, все правозащитные организации. Сейчас он живет в Европе. И у него вот такое отношение к исламу. По сути дела человек, по отношению к которому была проявлена несправедливость, свою реакцию на несправедливость с ходу переносит сразу на всю религию. Это, конечно, неправильно. Но тем не менее это тоже одна из причин, вызывающих исламофобию.

Руслан Кутаев. Пакистанский режим вообще-то трудно назвать исламским, честно говоря.

Сергей Мозговой. Ну, это вы не называете. Они сами себя называют «исламская республика».

Руслан Кутаев. Таджуддин тоже себя мусульманином называет. Я не вправе сказать, что они не мусульмане. Вы можете это сказать, а я — нет.

Энвер Кисриев. Всегда были всякие «лжедмитрии» и прочие «лже». Здесь то же самое. По поведению того же президента Пакистана Мушаррафа прекрасно можно понять, на чью мельницу он сегодня льет воду. Он сам признавался в том, что он ходил к американскому послу и советовался, что же ему делать с его атомным оружием, если вдруг будет угроза свободных выборов и его не переизберут. Что он не может гарантировать, что это не попадет к исламистам в руки, и пр. и пр. То есть, президент боится своего народа. Естественно, в его тюрьмах будут делать то же, что и делали.

Сергей Мозговой. Это ценное замечание, оно объясняет многое в нашей геополитике. Мы уже начали говорить о предложениях... Поэтому пусть тот, кто желает, выскажет свои пожелания, предложения, как бороться с исламофобией.

Александр Солдатов. Я хочу продолжить мысль, высказанную Михаилом. Действительно, не могу не согласиться с тем, что определяющим культурно-политическим процессом в современном мире является глобализация. Обычно говорят, что она проходит по западным, по американским лекалам. Но на самом деле глобализация — это процесс, который вбирает в себя разные компоненты, который не может не вобрать определенного культурного наследия исламского мира. Для России, на мой взгляд, участие в этом объективном и неизбежном процессе глобализации сопряжено с дезинтеграцией Российской Федерации, с окончательным демонтажем империи. То есть Россия может органично вступить в глобализационные процессы через разрушение имперской культуры, ради сохранения которой и строятся все эти вертикали, устраиваются взрывы домов, кровавая бойня в Чечне и преследование каких-то мифических «ваххабитов» и «хизб-ут-тахрировцев». В этом смысле исламофобия, ее рост, ее наиболее грубые формы, которые возбуждают или как бы мобилизуют исламское сообщество, — они ускоряют процесс дезинтеграции Российской Федерации. Но это не совсем продуктивный и не совсем благодарный путь ускорения этого объективного исторического процесса, полезного и спасительного. Конечно, мы не должны считать это зло единственным средством приближения благой цели. Но еще раз хочу повторить, что органичное включение России, построссийского пространства в процесс глобализации, в мировую экономическую, политическую систему будет, на мой взгляд, сопряжено с демонтажем империи. Для кавказских и поволжских мусульманских народов это будет хороший исторический шанс укрепить свою государственность и, наконец, надежда на то, что защита их прав станет делом их самих, а не каких-то коррумпированных чиновников-чекистов в федеральном центре. Но сейчас все это выглядит как некие стратегические мечты. Пока процесс распада Российской Федерации не начался, мы должны прилагать максимум усилий для того, чтобы вводить в России прямую юрисдикцию международного права.

Это, в общем-то, легко доказуемое требование. Если у нас есть такая огромная статистика, подтверждающая, что российские законы не работают, что суд коррумпирован, сам постоянно упоминаемый здесь президент Владимир Владимирович Путин говорит чуть ли не каждый день, что суд коррумпирован. Какой гражданин делает вывод? Обращаться в суд бессмысленно, раз он все равно коррумпирован. Правоохранительная система, как мы здесь на множестве примеров убедились, обладает самым низким правосознанием среди всех институтов российской власти. Значит, из этого следует абсолютно объективный вывод: на той территории, на которой не действует собственная правовая система, может действовать только прямая юрисдикция международного права. Конечно, Кремль не пойдет на официальное провозглашение такой

прямой юрисдикции. Но если все религиозные меньшинства, все институты гражданского общества будут постоянно повторять эту формулировку и постоянно апеллировать напрямую к международным судам, правозащитным организациям, к ООН, к различным комиссиям по правам человека, то эта идея будет витать в воздухе, и вода будет точить камень. И все большее число наших российских сограждан мы будем убеждать в том, что это закон математики: на той территории, где не действует национальное право, должно действовать международное право. В этом, на самом деле, убедить несложно. Надо только чаще это повторять, и каждый конкретный пример нарушения прав и свобод, когда человек не может с помощью национальной правовой системы свои права защитить, каждый такой случай доводить по максимуму до Страсбурга, или хотя бы до сведения всего круга этих международных институтов. Вкратце я бы сформулировал мой лозунг так: «прямая юрисдикция международного права». Вот четыре слова, которые должны быть начертаны на нашем знамени.

Далее, второе предложение. Сопредседатели Института свободы совести справедливо говорили о том, что наука лежит в основе и законотворческого процесса, и пропаганды. Даже самая примитивная пропаганда оперирует определенными терминами, ярлыками, категориями, которые она черпает из тех окол Кремлевских политкругов, которые якобы формируют идеологию. Поэтому если мы сами будем наше экспертное сообщество активнее продвигать как лабораторию идей, если мы будем внедрять наши термины, наши экспертные оценки (хотя бы через наш портал) в интернет-пространство, то они тоже постепенно начнут циркулировать и приживаться. Поэтому нам надо чаще по каждому поводу, опять же по поводу каждого ксенофобского выступления господина Путина или каждого случая всплеска исламофобии в каком-то конкретном месте, давать четкую экспертную оценку и везде ее продвигать. Потому что никто этой оценки не дает, это остается монополией путинских идеологических институтов и каких-то политтехнологов.

Третий способ. Давайте не держать под сукном, в каких-то сейфах правозащитных организаций материалы, которые поступают из регионов, из того же Татарстана, о преследованиях мусульман. До нас сами мусульмане ничего не доносят. Мусульмане считают, что раз наш Портал существует пять лет, его не закрыли, а главного редактора не расстреляли, значит, это что-то кремлевское, и лучше с ними на контакт не идти. Давайте действовать, чтобы ни один случай исламофобии — даже самый мелкий — не оставался не отраженным на нашем портале.

Дальше. Мы, наше экспертное сообщество, должны поддержать доклад экспертов Европейского сообщества, опубликованный две недели назад в Страсбурге, где говорится о том, что по правовым последствиям исламофобию пора приравнять к расизму. Нам надо перенести эту схему на российскую почву. Действительно, исламофобия, которая у нас неотделима от этнофобии против кавказцев, татар, азиатов, должна преподноситься как разновидность расизма. Давайте переведем этот доклад, насытим его российской фактурой и будем распространять. Будем внедрять таким образом отношение к исламофобии как к преступлению против человечности наравне с расизмом.

Что еще я хотел бы предложить. Я уже говорил в ходе дискуссии о том, что надо по каждому случаю преследования мусульман рассылать иски во все российские судебные органы, в международные организации...

Руслан Кутаев. Я не знаю, законно это или незаконно, мне в судах иногда говорят: у вас неправильно составлен иск. Вот здесь должны присутствовать статьи Уголовно-

го кодекса, обратитесь к юристу. Я просто пишу заявление: так и так, по моему мнению, это не соответствует и т. д.

Александр Солдатов. А вы пишете не в суд, а в прокуратуру, которая должна подобрать статьи к вашим жалобам. Я считаю также, что помимо всех этих исков и заявлений нужно даже не брезговать таким пропагандистски эффективным способом, как просьбой о политическом убежище. Когда кому-то из гонимых мусульман становится совсем невмоготу, особенно на Северном Кавказе много таких случаев, надо, чтобы они публично, с помощью наших московских правозащитных организаций, обращались в западные страны за политическим убежищем.

Елена Рябинина. Получить политическое убежище сегодня почти нереально.

Владимир Ойвин. Это сейчас. Но если эти просьбы примут массовый характер, по-другому будут подходить.

Александр Солдатов. Резюмируем. Первое — прямая юрисдикция международного права. Второе — постоянная общественная экспертиза всех высказываний. Третье — публикация на «Портале-Credo.Ru» и в других СМИ всех ставших известными фактов исламофобии. Четвертое — приравнение исламофобии к расизму. И пятое — иски и политическое убежище.

Сергей Мозговой. Просьба ко всем присутствующим далее в предложениях не вторгаться. Хотелось бы услышать также, как противодействовать исламофобии на уровне механизмов среди так называемого истеблишмента. Литератор Юлия Латынина одно пишет, Роман Силантьев — другое, Елена Чудинова — третье — по поводу этой литературы, которая культивирует исламофобию среди культурного сообщества.

Валерий Емельянов. Практически невозможно дать какие-то обобщающие рекомендации и не впасть при этом в утопию. Я хотел бы обратить внимание на один совершенно конкретный аспект. Есть опасение, что мусульмане сами могут создать себе серьезную фобию духовно-культурного, духовно-национального характера, негативный стереотип, который может серьезно испортить всю ситуацию, стать слабым звеном для положения уммы как в мире, так и в России. Речь идет об антисиионистской позиции лидеров, мусульманского актива, которая тем не менее сейчас стала более заметной как на уровне истеблишмента, так и — что еще более опасно — на уровне массового сознания. У нас все это перерастает в элементарную юдофобию, читайте антисемитизм. Это идет вразрез с одним из основополагающих принципов ислама, где иегудим находятся среди людей Писания, верующих в того же Бога. Но, к сожалению, хотим мы или не хотим, такое явление существует. И оно может оказаться при определенном совершенно реальном раскладе информационных, политических, экономических векторов в стране и мире, «ахиллесовой пятой» для самой мусульманской уммы. Это отдельный вопрос, может быть даже, тема отдельного круглого стола — о нормальной понятной позиции антисиионизма, которая тем не менее перерастает в юдофобию-антисемитизм.

Римма Поляк. У меня такой момент, который может показаться, наверное, утопическим... Я считаю, что институты гражданского общества через доступные средства массовой информации должны пропагандировать общечеловеческие ценности. Потому что разные религии договориться между собой на религиозном уровне не могут. Но они могут договориться только на общечеловеческом уровне, на уровне общечеловеческих нравственных принципов. И вот, я думаю, что этим нужно заниматься активно.

Руслан Кутаев. Я думаю, самые действенные меры, это — действительно — отслеживать. Писать, не молчать, не замалчивать даже самые маленькие факты.

Энвер Кисриев. Сейчас прозвучало предложение о прямой юрисдикции международного права. Смотрите. Во-первых, первый нарушитель международного права — это гегемон мира — Соединенные Штаты Америки. Недавно говорили об антиисламских высказываниях Буша. В Гуантанамо они держат без суда и следствия, пытаются людей по первому подозрению. И чего стоит международное право, если его не придерживается мировой гегемон?

Елена Рябинина. Есть Европейский суд по правам человека. Европейский суд также является политическим орудием. Тут есть другой вопрос. Если мы в нашей стране каждый факт исламофобии будет отсылать в международные органы правосудия, мы будем способствовать исламофобии в России. Потому что, обнаруживая всякие формы защиты ислама за границей, мы тем самым делаем каждого мусульманина — жителя России — врагом России.

Руслан Кутаев. Я считаю, что всякие разговоры об исламофобии, которые будут искать объяснение ей внутри ислама, — это то, что должно быть запрещено. Не надо лезть в религию с немытыми руками. Можно «социологически» посмотреть на ислам как на конкретный институт. Вот есть ДУМ. Можно посмотреть на него извне и сказать, какую роль — социальную, политическую или какую другую — играет тот или иной институт. Но ни в коем случае не надо залезать в ислам. Я считаю, что нужно искать пути борьбы с исламофобией внутри России. Я считаю, что могут быть приняты законы, запрещающие государственным чиновникам использовать исламскую терминологию для, скажем, правообвинения. Вчера я, например, смотрел фильм об исламском терроризме в России и постоянно слышу «исламский джамаат», «исламский джамаат». Имеются в виду какие-то бандитские формирования. Что, в русском языке нет слов? «Бандиты», «бандформирование». Почему надо брать слово «ислам» и почему надо брать прекрасное для дагестанца слово «джамаат»? Это родина любого дагестанца, это то селение, птичье гнездо. Это джамаат. Это то, что на греческом языке означает «демос», то, откуда «демократия», власть общества. Вот это и есть джамаат для дагестанца. И он должен слышать по телевизору: «исламский джамаат», «они там взорвали», «мы их арестовали потому, что они представляют собой исламский джамаат». Что за юридическая категория? С этим можно бороться. Для этого есть правовые средства внутри России. Уже есть законы, которые позволяют заводить судебное расследование. Вот если бы гражданские структуры хоть одно такое дело начали: поймали бы за язык какого-нибудь крупного чиновника — и довели бы дело до конца, то есть посадили бы его...

Еще очень велики невежество и профессиональное неумение. Вот якобы в какой-то квартире засели террористы. Тогда взрывают комнату, убивают, например, шестерых человек, но никто не знает, кто эти люди. Просто подошли к дому, выстрелили из гранатомета, убили всех людей в комнате. Что, нельзя было на улице поймать этого человека и привлечь к суду? Нет, милиционеры их уничтожают прямо в многоквартирном жилом доме, разрушая по пути массу квартир. Потом вот такой в крови этот милиционер выходит и говорит: «Вот, смотрите, ваххабитская литература!» — и показывает страницы Корана, разорванного взрывом. Он видит арабский текст и говорит — вот она, ваххабитская литература. Этого достаточно для этого милиционера!..

Сергей Бурьянов. Я хочу пару слов сказать об исламофобии в контексте глобализации. На мой взгляд, есть нечто общее, объединяющее проблемы современного мира и проблемы современного ислама. Это союз религии и политики. Это с одной стороны.

С другой стороны, следует заметить, что во многом проблема ислама подменяется именно политикой современного глобализующегося мира. Во многом те процессы, которые происходят внутри ислама, и их проявления во внешнем мире являются реакцией на тот сценарий глобализации, который сегодня доминирует. Это сценарий «золотого миллиарда». Если вы представите карту мира, то вы увидите, что большинство мусульман не попадают в этот «золотой миллиард», и с использованием современных коммуникационных средств они видят, что при доминирующем сценарии ни им, ни их детям, ни их внукам не светит ничего хорошего. И тогда начинают работать схемы: «Или мы их, или никогда».

Далее. Что делать в этой ситуации? Я считаю, что надо прилагать усилия для для разграничения религии и политики. Многие думают, наверное, что это невозможно. У нас в Институте свободы совести были исследования по этому поводу, у нас сложилось мнение, что путь к этому разграничению существует. Это реализация свободы совести как на международном уровне, так и на национальных уровнях. Что для этого необходимо? Прежде всего необходима работа на уровне науки и образования. Мы предлагаем в качестве решения — в самом общем виде — новую парадигму свободы совести, без разделения на верующих и неверующих. То есть, это разделение не имеет правовых критериев, и его просто нужно выбросить из системы права. Иными словами необходимо совершенствование правового института свободы совести.

Далее. На уровне правоприменения необходимо формирование системы правовых гарантий, как на международном, так и на внутрисоссийском уровне. Идея о международной юрисдикции Александра Солдатова прекрасная, но, хочу заметить: на мировом уровне не существует правовых гарантий свободы совести. Их нужно разрабатывать. Да, международная юрисдикция. Но необходимо перед этим разработать теоретическую базу и систему правовых гарантий.

Александр Солдатов. Сергей, не говорите так тотально, что вообще не существует. Не существует в достаточной степени. Элементарные какие-то отчасти есть гарантии. Всеобщая декларация прав человека. Нельзя говорить так тоталитарно, что этого не существует.

Сергей Бурьянов. Дело в том, что декларация — это декларация, а гарантии — это гарантии. В частности, скажу, что я сам до недавнего времени думал, что светскость государства обозначена системой правовых гарантий на международном уровне. Ничего подобного. Это вопрос политический, и светского государства нет во многих демократических странах. Светскость не обозначена в качестве правовой гарантии свободы совести. Поэтому нужно прежде всего привести политику на международном уровне в соответствие с теми декларациями прав и свобод, которые существуют. Должны быть свобода совести и светское государство.

В то же время политику на мировом уровне никто менять не собирается, смею вас заверить. Более того, этот сценарий глобализации, разделения и несправедливости, который некоторые называют сценарием глобального апартеида — построен как раз на союзе религии и политики.

Необходима системная работа на уровне науки, образования, законотворчества и средств массовой информации. СМИ — это очень важный блок. Именно представители журналистского сообщества и гражданских организаций должны сформировать некую структуру, чтобы давать экспертную оценку хотя бы государственной информационной политике, которая нередко является ксенофобской.

Я считаю, что необходимо политикам запретить не только исламофобскую терминологию использовать, но вообще ксенофобскую. Например, сейчас широко используется неправоное понятие «секта», «тоталитарная секта». Включите телевизор. Каждый день по несколько раз. Это разжигание розни и нетерпимости. А кто об этом говорит? Ну, «Портал-Credo.Ru» иногда, иногда мы об этом говорим с помощью «Портала-Credo.Ru» — и все! Практически никто об этом не говорит. Эту тему прежде всего нужно сделать прозрачной. Нужно поставить конфессионально-государственные отношения под контроль общества.

И по поводу того, что маленькая группа людей не может влиять на ситуацию. Маленькая группа людей не может влиять на ситуацию на уровне правоприменения. Чтобы на уровне правоприменения изменить ситуацию, нужны тысячи адвокатов, и то не будет эффекта. Если вы имеете в виду уровень законодательства, законодательства, там ситуация как бы повеселее, но для этого надо иметь доступ во фракции Думы, что тоже сегодня нереально. А есть уровень науки и образования. Вот на этом уровне формирование экспертного сообщества, небольшая группа людей может влиять на ситуацию, если к этому подключатся СМИ. Позитивное экспертное сообщество на уровне СМИ тоже может влиять на эту ситуацию.

Руслан Кутаев: Трудно добавить что-нибудь к тому, что сказал Александр. Хотя я не согласен с Энвером, который подозрительно относится к международному суду: этот под Америкой, а этот под кем-то еще. В таком случае Божий суд будет только справедливым, больше никакой. Это было бы величайшим достижением, если приложили бы руку международные силы к правоохранительным органам, к судопроизводству в России. Это было бы великолепно. Что касается юдофобии — интересный момент — она тоже специально разжигается. Если вы помните ферганские события. Пошла речь о переселении турков-месхетинцев в Центральную Россию. Патриоты прохановско-васильевского разлива созвали митинг под лозунгом «Нет мусульманизации России! Долой мусульман из России!». Через некоторое время Саддам Хусейн ударил ракетами по Израилю. Те же патриоты вышли на митинги «Да здравствуют мусульмане!», «Это наши братья! Бейте по Израилю!», «Мы любим мусульман, уважаем мусульман!». То есть нынешняя дружба с ХАМАС русских патриотов и вот такое сочувствие мусульманам есть натравливание — чем больше погибнет детей, тем будет лучше для нас — происходит стравливание. Вот оттуда и идет все...

Сергей Мозговой. Спасибо, это очень ценное добавление.

Не оперируя религиозно-философскими категориями, я бы хотел, чтобы в результате сегодняшнего круглого стола мы, во-первых, констатировали, что ислам — это некий инструмент в руках современной власти, который им применяется для разжигания антиисламских настроений с целью решения основных проблем самой власти. Второе, я бы хотел, чтобы мы на основании этого круглого стола констатировали, что фактически современная российская власть контролирует формирование руководства и назначения религиозных лидеров, исповедующих ислам, в республиках и регионах. Третье. Для поддержания модной сегодня доктрины международного терроризма — здесь эта идея уже прозвучала — совершенно осознанно российскими спецслужбами, политической властью применяются вот эти термины — «Хизб ут-Тахрир» для азиатской части России и «ваххабизм» — для Северного Кавказа. Американцы борются с «Аль-Каедой», а российские спецслужбы тоже борются с международным терроризмом в лице «Хизб ут-Тахрир» и «ваххабитов». Необходимо констатировать, что мы

понимаем, для чего российские спецслужбы, господин Путин и его приспешники используют эти термины. Для легализации этих терминов они последовательно сажают и убивают многих молодых людей.

Далее. Констатирую, что усилие по защите мусульман внутри самой России силами мусульман и правозащитников — это мизер по сравнению с тем накатом, который исходит от власти. В связи с этим и вышеизложенным я хочу сделать следующее предложение. Но до того, как сделать это предложение, хочу сказать, что наряду с другими направлениями коррупции в российском государстве, существует исламская коррупция, то есть коррупция в управлении исламскими организациями. И последнее. В связи со всем вышеизложенным я предлагаю, чтобы наш круглый стол считал нужным и возможным провести международную конференцию по исламофобии.

Никто не говорит, что Буш лучше Путина. Но те, кто бывал в США, в Европе, в Канаде знают, что жизнь мусульман в этих странах в миллион раз лучше, чем жизнь мусульман в России.

В этой связи, поддерживая Александра, я хочу сказать следующее. Необходимо отметить, что во всем мире сегодня идет тенденция к исламофобии. В этой связи необходимо провести международную конференцию и обсудить это.

Елена Рябинина. В процессе своих занятий этой тематикой я замечала, что есть некоторый процесс, может быть, не очень острый и не очень явный, самоизоляции мусульман, который проявляется в отгораживании себя как преследуемой группы, но тем не менее дополнительном отгораживании от всего остального общества — детей отправляют в мусульманские детские садики, в мусульманские школы и так далее. К чему это приведет, неизвестно. Потому что дети, которые попадают в детские сады и школы определенной конфессии, не научатся примерять какие-то свои взгляды к другим, отличным от них. Точно так же, как те, кто учится в христианских, иудейских или каких угодно других школах, не научатся притираться друг к другу. С моей точки зрения, это проявление самоизоляции ведет к росту и дальнейшему разгону ксенофобии. Мне кажется, стоило бы констатировать, что самоизоляция, в данном случае мусульман, может оказываться одним из факторов, которые будут провоцировать исламофобию.

И по поводу предложения Александра. Что касается прямой юрисдикции международного права и политического убежища. Господа, я считаю, что декларировать вещи, механизма реализации которых не существует и которые сами по себе абсолютно абстрактны, — это несколько девальвировать саму идею. Невозможна прямая юрисдикция международного права. Почему? Потому что международное право само декларативно, а механизмы его обеспечения должны быть заложены в национальном праве.

Александр Солдатов. Я могу сказать две вещи. Во-первых, те прецеденты принятия решений Европейским судом по поводу преследования по признаку вероисповедания в России — это уже прецеденты действия в России этой прямой юрисдикции.

Елена Рябинина. Нет.

Александр Солдатов И российские власти иногда удовлетворяли — как в случае с Армией Спасения и «Свидетелями Иеговы» даже и финансовую сторону исков...

Елена Рябинина. В Европейский суд, как вы знаете, можно обращаться, исчерпав национальные средства или признав их неэффективными. Европейский суд, принимая решение по жалобам, которые туда поступают, условно говоря «Тюткин против

России», принимает решение о том, что нарушены были такие-то и такие-то статьи Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении господина Тютюкина, за что Российская Федерация должна выплатить господину Тютюкину столько-то тугриков. Все. Российская Федерация выплачивает тугрики, нет проблем, но больше она не делает ни хрена. Дальше она обязана привести свое законодательство в нормальное состояние, а этого не происходит. Поэтому требовать прямой юрисдикции международного права — все равно что требовать, чтобы всегда было лето и чтобы всегда было тепло. Уголовный кодекс и так содержит все, что надо.

Михаил Ситников. Что касается реализации права. К сожалению, здесь мало юристов. Совершенно верно, если у нас, допустим, игнорируется исполнение уголовного законодательства или гражданского, это говорит о том, что реализация права находится на низком уровне. Еще более низкий уровень реализации нереализованных самих по себе механизмов международного права. Но если мы не будем стремиться создавать максимальное количество прецедентов обращения к международному праву, оно никогда не будет реализовано.

Сергей Мозговой. Картина, которую нарисовал нам в своем заключительном слове Александр Солдатов, что Россия может прийти к трагической черте, когда в результате сепаратизма (в плохом смысле) или в результате национально-освободительного движения (в хорошем) какие-то республики обретут независимость, и там, к примеру, ислам почувствует свободу, конечно, такая картина может быть. Но мне хотелось бы, скажу честно, чтобы наш круглый стол заложил некую тенденцию для того, чтобы не допустить такого трагического развязывания ситуации, потому что произойти такой разрыв может только с кровью. Конечно, политиков мы не переделаем, и они ведут к крови, они ведут к этому сепаратизму и междоусобице. Но мы можем все-таки какую-то позитивную тенденцию для сохранения государственности заложить. Не полицейского государства, а перехода к демократическому государству. И я думаю, что наш круглый стол — это один из кирпичиков «мозговой атаки» для того, чтобы высветить позитивную тенденцию сохранения государства на базе демократических ценностей. Мы уже обсуждали это с «Порталом-Credo.Ru», и было предложено создать некое экспертное сообщество — ассоциацию «Свобода совести в СМИ», поэтому неслучайно, что вам предложили давать информацию, эта информация будет обобщаться и оперативно в СМИ от «Портала-Credo.Ru» до «Civitas», мы будем эту информацию давать. У нас здесь и представитель «Мосток» есть и т. д.

И второе. В плане нашей совместной деятельности — «Портала-Credo.Ru» и Института свободы совести, рабочей группы комитета действия по свободе совести Всероссийского гражданского конгресса, Фонда «Гласность» и других организаций научных, академических, правозащитных — тоже предлагаю провести круглый стол «Обсуждение ксенофобии в СМИ». То, что мы здесь не успели обсудить, например карикатурный скандал в СМИ, это тоже будет обсуждаться на будущем круглом столе по ксенофобии в СМИ. Мы вас приглашаем принять участие.

Стенограмма этого круглого стола будет опубликована на «Портале-Credo.Ru», а мы беремся организовать, чтобы она была также опубликована в научных академических журналах — полностью, документально — каждое слово. И это потянет, между прочим, на хорошую ценную книгу с приложением.

Владимир Ойвин. Я вот еще что хотел бы сказать. Наверное, многим известна книга Орианы Фалаччи «Ярость и гордость». Это очень злобный, талантливо напи-

санный антимусульманский памфлет, даже не памфлет, это книга. Это итальянская журналистка, которая очень активно работала в исламских странах.

В 2005 году книга вышла в издательстве «Вагриус». С критикой позиции Фалаччи и с поддержкой позиции другого автора, норвежца Петера Воге, выступил в научном журнале известный культуролог и философ Григорий Соломонович Померанц. На нашем портале в рубрике «Библиотека» есть его статья, очень интересная статья, рекомендую — «Размышления о европейском исламе: два взгляда на одну проблему».

4. ПУБЛИЧНАЯ ДИСКУССИЯ «СВОБОДА СОВЕСТИ, ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ» И ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Место и дата проведения

Москва, Независимый пресс-центр, 29 марта 2007 года.

Организаторы

Институт свободы совести, Московская Хельсинкская группа, рабочая группа по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса.

Информационная поддержка

«Портал-Credo.Ru», научный гуманитарный журнал «Политика и общество».

Цель

Общественное обсуждение теоретических и практических вопросов свободы совести, светскости государства, влияния отношений государства с религиозными объединениями на состояние демократии, политику и выборы в современной России.

Участники и гости

Алексеева Л. М., председатель Московской Хельсинкской группы, сопредседатель Всероссийского гражданского конгресса;

Алексеева Н. А., Саентологическая церковь Москвы;

Арутюнов М. Г., Международная правозащитная ассамблея;

Бабушкин А. В., комитет «За гражданские права»;

Бер Фридерик, «Международная амнистия»;

Булгакова Е. Ю., «Золотой век»;

Бурьянов С. А., Институт свободы совести, рабочая группа по свободе совести КД ВГК;

Георгис Д. Ж., языческая группа «Содружество природной веры «Славия»;

Емельянов В. И., «Время и мир»;

Зобнина С. В., языческая группа «Содружество природной веры «Славия»;

Зуев С. В., Общество сознания Кришны;

Иваненко С. И., «Золотой век»;

Кожухов А. В., газета «Честные выборы — достойная жизнь»;

Корнилова В. А., РАГС при Президенте РФ;

Лещинский А. Н., РГСУ;

Лука-Родригес К. А., РИА «Новости»;

Мозговой С. А., Институт свободы совести, рабочая группа по свободе совести КД ВГК;

Никольский В. Д., журналист;

Ойвин В. Н., фонд «Гласность», рабочая группа по свободе совести КД ВГК;
Поляк Р. Ю., вестник «Мосток», рабочая группа по свободе совести КД ВГК;
Пригарин А. А., РКП, рабочая группа по свободе совести КД ВГК;
Пустовит В. А., юрфак МГПУ;
Рышкіна Ю. И., «Панорама современной политики»;
Рябинина Е. З., комитет «Гражданское содействие»;
Савва С. С., юрфак МГПУ;
Савельева И., «Наши факты»;
Ситников Михаил, журналист, рабочая группа по свободе совести КД ВГК;
Студеникина В. В., (Международный профсоюз профессиональных граждан;
Михальченко Лидия, Агентство социальной информации;
Цицкиева М. М., юрист.

СТЕНОГРАММА

Сергей Мозговой. Разрешите поприветствовать всех участников нашей общественной дискуссии, посвященной проблеме свободы совести как одной из важнейших, основополагающих проблем прав человека. Под свободой совести мы понимаем не только религиозную свободу, но и свободу мысли, совести, религии и убеждений, как они закреплены Всеобщей декларацией прав человека 1948 года. Без свободы мысли и убеждений нет и не будет прогресса, не будет свободы слова, свободы политического выбора. События последних лет и последних недель, когда состоялись региональные выборы, и вообще вся история человечества, наглядно показывают, что в целях завоевания или удержания власти политический истеблишмент, стоящий у власти, пытается лишить народ вышеперечисленных прав и свобод. При этом не только ограничивается деятельность средств массовой информации, но и происходит манипулирование с помощью СМИ общественным и индивидуальным созданием. Нередко в этих манипуляциях используется и религиозная составляющая. Власть стремится опереться на так называемые «традиционные религии», памятуя о том, что их имидж наиболее раскручен, они наиболее глубоко укоренены в памяти народной. Одновременно сочиняются и запускаются некие страшилки в центральных СМИ, в том числе на федеральных каналах, по поводу так называемых сект.

В этих же целях повсеместно нарушается светский характер государства. А ведь светское (мировоззренчески нейтральное) государство является, на наш взгляд, наиболее развитой формой правового государства. Как примеры — и введение религиозной обязательности в общеобразовательной школе в виде предмета «Основы православной культуры», и противоречащая Конституции России деятельность Русской православной церкви в силовых структурах государства.

Проблему реализации свободы совести можно рассматривать на разных уровнях. Самый низкий уровень (в смысле влияния на исправление ситуации) — это уровень правоприменения; он очень важен, но как рычаг для влияния он малозначителен. В этой связи мы стремились анализировать ситуацию на уровне науки, образования и законотворчества. Самый влиятельный уровень, конечно, это уровень политический, поэтому неслучайно публичная дискуссия называется «Свобода совести, правозащитное движение и политические партии».

Наш анализ последних лет показал, что наиболее независимо могут выступать в этой сфере именно правозащитные организации, так как они не подвержены политической конъюнктуре. Нельзя не принимать во внимание и политические партии, потому что свобода совести нарушается прежде всего в политической сфере, а во всех остальных — как следствие. Политические партии тоже могут сильно влиять, особенно те политические партии, которые независимы, не встроены во властную управленческую вертикаль. Речь идет именно о независимых политических партиях, потому что свобода совести не может гарантироваться, если она будет заложницей корпоративных интересов как влиятельных религиозных групп, так и зависимых от власти структур.

Несколько слов о презентуемом докладе «Свобода убеждений, совести и религии в современной России». Это специализированный информационно-аналитический доклад, изданный в России впервые. Доклад был подготовлен в 2006 году сотрудниками Института свободы совести совместно с научно-методическим центром «Гуманист», комитетом «За гражданские права» и Московской Хельсинкской группой.

Я хочу поблагодарить Московскую Хельсинкскую группу, которая уделяет серьезное внимание проблемам свободы совести, в ежегодных докладах МХГ, посвященных ситуации с соблюдением прав человека в России, есть специальный раздел по свободе совести.

Конечно, доклад не ставил своей целью охватить все события, и включить все религиозные гонения, потому что специального мониторинга, как вы понимаете, не проводилось. В дальнейшем мы планируем провести мониторинг по свободе совести. В основу исследования мы хотим положить новую парадигму свободы совести, методология которой частично изложена в докладе.

В заключение я хочу сказать, что проблем много. Многие правозащитники и специалисты в сфере свободы совести, юристы и религиоведы в числе этих проблем называют проблемы регистрации религиозных объединений, которые возникли после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года. Или, к примеру, часто у многих религиозных организаций возникают проблемы с недвижимостью, с приобретением и использованием зданий и помещений. Конечно, это очень важные проблемы, но это опять-таки — это следствия. Работать на уровне следствий — малоэффективно и неперспективно.

Если мы хотим построить гражданское общество, то мы должны на более высоком уровне строить нашу работу. На уровне правоприменения работают, как правило, адвокаты. Конечно адвокаты нужны, они делают свою важную работу, но сама работа адвокатов не влияет на политические законотворческие процессы. Поэтому мы предлагаем работать на уровне не следствий, а причин.

Я хочу предоставить слово председателю Московской Хельсинкской группы Людмиле Михайловне Алексеевой.

Людмила Алексеева. Я согласна с Сергеем Мозговым, что защита свободы совести — одна из важных обязанностей правозащитных организаций. Потому что права человека включают не только, скажем, право на жилье, на медицинское обеспечение, на образование, на труд, но и духовные ценности. Но к сожалению, все-таки очень малое число правозащитных организаций работает в этой области. У нас как-то так традиционно сложилось, что религиозные организации — отдельно, правозащитные организации — отдельно. Это неправильно, мы должны поддерживать тесные связи с

представителями всех религий. Знать об их проблемах, знать о нарушениях их прав и помогать им эти права отстаивать. Особое внимание мы, конечно, должны обращать на ситуацию тех церквей, тех конфессий, которые не включены в понятие «традиционных» (что противоречит нашей Конституции, которая заявляет, что все граждане равны, в независимости от многих факторов, в том числе от религиозной принадлежности). У нас власти делят религию на «традиционную», которая имеет больше прав, и «нетрадиционную», которая соответственно в правах ущемлена. Такие религиозные организации испытывают серьезные проблемы: и при строительстве своих церквей, и в отношении властей к гражданам, которые данную религию исповедуют, и в отношении общества к ним, и в том, как формируется общественное мнение относительно этих организаций в средствах нашей массовой информации. Все это не только проблемы религиозных организаций, но и проблемы правозащитников, причем если каждая религиозная организация защищает себя и своих единоверцев — правозащитники должны защищать всех.

Я сказала, что мы должны особое внимание уделять «нетрадиционной религии». Но на практике мы сталкиваемся с тем, что люди, которые исповедуют ислам (а это одна из определенных как «традиционная религия»), сейчас находятся в очень опасном положении. Мы знаем много фактов, когда наши спецслужбы наблюдают за мечетями, и люди, которые постоянно посещают мечети, оказываются под подозрением, потому что работники наших спецслужб не понимают, что приверженцы религии — совсем необязательно фанатики. Для них «верующий мусульманин» синоним «ваххабита». А кто такие «ваххабит» на самом деле, знают немногие. Я вам честно скажу, я не знаю. Надо быть специалистом или религиоведом, чтобы знать это наверняка. Так вот, если человек регулярно посещает мечеть, то в глазах наших силовиков он выглядит «ваххабитом» с опасными для него последствиями. Таких людей арестовывают, из них выбивают признания, что они «ваххабиты», что они участвуют в террористических акциях, им подбрасывают то патроны, то оружие, то еще что-нибудь и осуждают на длительные сроки за терроризм. Нам очень трудно узнать о таких делах, но мы знаем, что такие дела существуют. Исламский мир отдален от правозащитников. Мы не знаем, что там происходит, мы не можем сказать, сколько человек арестовано по таким делам, сколько человек несправедливо осуждены как террористы только за то, что они верующие мусульмане. Они не обращаются к нам, они просто не знают, куда обращаться — это очень серьезная проблема. И я виню в этом правозащитные организации. Мы должны находить пути к религиозным организациям и знать, как обстоят там дела и нарушаются ли права верующих той или иной конфессии, в чем нарушаются, как нарушаются, сколько людей пострадало и какую помощь мы можем оказать.

Хочется надеяться, что доклад «Свобода убеждений, совести и религии в современной России», который издала Московская Хельсинкская группа, будет полезен и правозащитникам и вообще нашим гражданам, которые хотят жить в свободной стране и понимают, что такое права человека и человеческое достоинство, поможет им разобраться в этих вопросах и расширит круг тех людей, которые способны противостоять клерикализации нашего государства, происходящей из сращивания российской православной церкви, вернее, даже не российской православной церкви, а Московского патриархата с властными структурами. Это очень опасная тенденция. Поэтому я надеюсь, что у этой книги найдется достаточно внимательных читателей и людей, которым она поможет быть гражданами. Спасибо.

Сергей Мозговой. Спасибо, Людмила Михайловна. Уважаемые коллеги, есть предложение по нашей работе. Так как это публичная дискуссия комитета действия Всероссийского гражданского конгресса, то вначале предложено выступить авторам книги и членам комитета действия, в дальнейшем к дискуссии будут подключаться и остальные участники. Я предлагаю сейчас выступить Сергею Анатольевичу Бурьянову, сопредседателю Института свободы совести, одному из авторов доклада.

Сергей Бурьянов. Я хотел бы начать свое выступление с благодарности Московской Хельсинкской группе, ее председателю Людмиле Михайловне Алексеевой, сотрудникам МХГ, которые непосредственно принимали участие в работе над докладом. Я также хочу поблагодарить авторский коллектив, подготовивший доклад.

Пару слов о комитете действия Всероссийского гражданского конгресса. Он создан по результатам работы Всероссийского гражданского конгресса для исполнения решений ВГК. В рамках комитета действия создана рабочая группа по свободе совести, и этот доклад является плодом работы членов рабочей группы. Рабочая группа наметила ряд мероприятий. Среди уже проведенных мероприятий — экспертный круглый стол «Исламофобия как вызов гражданскому обществу», который прошел в Сахаровском центре. Другая форма работы рабочей группы комитета действия ВГК — проведение публичных дискуссий по различным социально значимым проблемам. Также намечен ряд других мероприятий, в том числе издательская программа.

Сейчас я хотел бы сказать несколько слов о проблеме реализации свободы совести и о тех силах, которые могут, на мой взгляд, решить эту проблему. Как показано в докладе, свобода совести в России находится в крайне плачевном состоянии. Я называю это состояние системным кризисом, который охватывает все уровни: образование, законодательство, законотворчество, правоприменение, средства массовой информации. Одной из важнейших причин кризиса свободы совести является массовое системное нарушение принципа светскости государства. Я считаю, что здесь должно свое слово сказать правозащитное сообщество, потому что реально, как показывает наш опыт, светскость государства никто, кроме правозащитников, не может защитить. Дело в том, что конфессии ориентированы на защиту своих корпоративных интересов и не готовы защищать принцип светскости государства, а именно светское государство определяет состояние свободы совести, и, в конечном итоге, состояние демократии в современной России. Безальтернативная политическая система и сворачивание демократических институтов в России не могли состояться без установления контроля над мировоззренческой сферой, без подавления свободы совести и принципа светскости государства.

Я хочу подчеркнуть неверность утверждения, что свобода совести касается лишь узких групп и каких-то узких сфер общества. Свобода совести влияет на состояние демократии, прежде всего на состояние других прав и свобод человека. Я считаю, что свобода совести является системообразующим правом в системе прав человека. Вы, может быть, скажете, что не корректно выделять какое-то одно право из других прав. Действительно, трудно утверждать, что это право более важно, а то право менее важно, но если сравнить систему прав человека с канатом, то свобода совести — это красная нить, и если нет красной нити, то нет каната; нет свободы совести — нет системы прав человека, она начинает рассыпаться. Кроме того, нарушения в области свободы совести лежат в основе роста ксенофобии, нетерпимости, насилия на их почве, способствуют радикализации религиозных организаций.

Людмила Михайловна упомянула очень важную и сложную проблему ислама. На самом деле происходит подавление не всех исламских групп как таковых, а происходит выделение: власть приветствует и поощряет так называемый «традиционный ислам» и подавляет «нетрадиционный». Для этого были искусственно созданы неправовые понятия — «ваххабизм» и «религиозный экстремизм». Я уверен, что нет религиоведа, который бы сказал, что это такое. Эти понятия-ярлыки, «ваххабизм» и «религиозный экстремизм», используются властью как дубина для подавления неправильно (по мнению власти) верующих. Дело в том, что в праве этих понятий нет, но эти понятия существуют в деятельности государственных органов, существуют отделы по борьбе с «религиозным экстремизмом» в органах МВД. Если существуют отделы — значит, есть люди, которые получают зарплату, которые работают, которые должны отчитываться. Вот они и работают, как могут, определяя «религиозных экстремистов» и «ваххабитов» на глаз. Ну, например: длинная борода, или короткие штаны, или отсутствие нижнего белья — и по этим признакам преследуются люди. Дальше идет все по накатанной схеме, подбрасываются наркотики, оружие и т. д. На самом деле это очень сложная проблема, и ею нужно заниматься системно. Эпизодическая борьба против нарушений прав мусульман не приносит желаемых результатов, наоборот происходит увеличение нарушений: на одного защищенного двадцать незащищенных получается. Поэтому нужно системно работать. Дело в том, что преследования мусульман и радикализация ислама на Северном Кавказе и в других регионах, подчеркиваю, происходили на фоне массовых, системных нарушений принципов свободы совести и светскости государства. Эти нарушения продолжались не один год, а как минимум с 2000 года. И, к сожалению, здесь многое упущено, но все равно необходимо начинать работу, даже в той ситуации, которая есть сегодня.

Хочу пару слов сказать о деятельности правозащитников. На сегодняшний день получается, что, кроме Московской Хельсинкской группы, до свободы совести никому дела нет. Фактически свобода совести является тематическим пробелом правозащитного движения. Правда, есть ряд организаций, которые занимаются отдельными аспектами защиты прав верующих. Хочу подчеркнуть разницу между защитой свободы совести и защитой прав верующих отдельных групп. Например, «Мемориал» занимается конкретно ситуацией с исламом. Это тоже важно. Но эту работу необходимо систематизировать, она должна получить поддержку всего правозащитного движения. Ряд мероприятий проводила Международная правозащитная ассамблея, ей нужно отдать должное. Также нужно отметить и поблагодарить ее президента Арутюнова Михаила Георгиевича, который не побоялся включить эту сложную и дискуссионную проблему в повестку дня II Всероссийской научно-практической конференции «Национальная политика Российской Федерации: реалии, проблемы, прогноз» на Северном Кавказе, что дало серьезные плоды.

3 марта 2007 года в Домбае (Карачаево-Черкесская Республика) в рамках конференции состоялось заседание секции по проблеме «Свобода совести в Российской Федерации, в том числе наметившиеся тенденции преследования людей по конфессиональному признаку», соорганизаторами которой выступили Международная правозащитная ассамблея и Институт свободы совести.

В конференции приняли участие ученые, общественные деятели, религиозные лидеры, представители правозащитного движения, сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ, уполномоченные по правам человека субъектов федерации,

государственные служащие, курирующие сферы межнациональных и государственно-конфессиональных отношений, сотрудники правоохранительных органов.

И еще раз подчеркиваю: для решения проблем свободы совести и, в конечном итоге, защиты прав человека необходимо проводить системную работу, необходим системный мониторинг, если не во всех регионах, но хотя бы в большинстве регионов.

Реальную картину состояния свободы совести не знает сегодня никто, потому что в различных докладах и СМИ информация циркулирует одна и та же. К сожалению, туда попадает далеко не вся информация, потому что многие религиозные организации боятся заявлять о нарушениях своих прав. Я лично проводил опрос представителей религиозных организаций во время написания доклада, и единицы из них дали информацию по нарушениям. Что касается профессионально ориентированных структур, в этой книге есть критика Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы (ЕАО МАРС).

Есть такая международная организация, которой более ста лет и которая позиционирует себя защитником свободы совести. Так вот, российский филиал этой организации не занимается отслеживаем нарушений или не хочет их предавать огласке. Я обращался к руководству российского МАРСа и они не дали мне фактов нарушений. Нет нарушений, понимаете? Эта организация не занимается защитой свободы совести, хотя имеет громкое название.

Что касается финансирования проблем реализации свободы совести. Ситуация, которая сложилась, во многом зависит от фондов-доноров. Свободу совести почему-то не финансируют фонды, все то, что угодно, но не свободу совести. Такова реальность.

О политических партиях пару слов скажу. Что касается демократических партий, то они признают свободу совести на уровне декларации, но реально — я не слышал, чтобы что-то делалось реальное нашими демократическими партиями.

Что касается остальных партий. «Единая Россия» периодически устраивает «анти-сектантские» мероприятия. Например, в Мосгордуме 16 марта 2007 года были проведены слушания по борьбе с «сектантским движением». Это вопиющий факт. Что это значит на самом деле? Вы думаете, что это безобидные слушания? Ничего подобного: сначала провели слушания, потом выработают рекомендации, где предложено, в частности, составить реестр «неправильных» религиозных организаций, затем подготовить поправки в законодательство.

Я понимаю, что фракция демократических партий в Мосгордуме невелика, но почему-то я не слышал о заявлениях партий «Яблоко» или СПС по поводу этих слушаний, то есть эти слушания провели под аплодисменты. Вот так.

В Государственной думе то же самое: время от времени различные партии проводят, в своих политических интересах, различные мероприятия, направленные против конституционных принципов свободы совести и светскости государства. В частности, «антисектантские» мероприятия проводила партия Жириновского. Кроме того, в Госдуме постоянно присутствует пакет законодательных инициатив, направленных на законодательное закрепление привилегий для неких «традиционных религиозных организаций» и ограничений для «нетрадиционных».

Здесь нужно ставить вопрос, чтобы демократические партии тоже пытались оказать какое-то влияние на эти процессы, или по крайней мере четко обозначили свою позицию.

Вывод следующий: нужна системная работа правозащитников по проблеме свободы совести. Понятно, что от узкоспециализированных организаций, которые, например, занимаются защитой прав детей, несерьезно требовать работу в полной мере по свободе совести. Хотя права детей в школе касательно проблем свободы совести тоже могли бы рассматриваться. Есть у нас много организаций, которые занимаются проблемой общедемократического развития. И почему-то они не учитывают принципы свободы совести. Вот еще такой пример приведу, который меня немножко обескураживает. Летом проводилась конференция «Права человека в России в год ее председательства в «Большой Восьмерке» и Комитете министров Совета Европы», по результатам которой были подготовлены «Обращение к лидерам стран «большой восьмерки». Мы предложили в Обращении включить проблему свободы совести, чтобы она была поднята на заседании восьмерки. И что вы думаете — не включили ни слова о свободе совести. Почему, я не знаю, может, кто-то из вас знает? Я хотел бы услышать мнения по этому поводу.

Сергей Мозговой. Спасибо Сергей Анатольевич. Я предоставляю слово Михаилу Николаевичу Ситникову, одному из авторов книги.

Михаил Ситников. Я убежден, что здесь многое еще будет звучать: свидетельства о фактах нарушений, о несовершенствах соблюдения свободы совести в России — и в религиозном плане, и в гражданском. Но мне хотелось бы заострить внимание на такой вещи. В нашей книге есть очень хорошая цитата Кронида Любарского. «Такое странное свойство у прав человека, — говорит он, — нельзя гарантировать права узкой категории населения, так как это делает все общество несправным. Это создает некое общество, которое начинает угнетать само себя». Это потому, что само понятие свободы совести у нас воспринимается очень условно. Сергей Бурьянов задал вопрос присутствующим и задался им сам: почему на заседание восьмерки не был вынесен вопрос о свободе совести. Ответ очень простой: потому что никто не придает значения этим двум словам «свобода совести», потому что никто не знает, что это такое, никто не чувствует, что это такое, никто не понимает, что такое — право на свободу совести. И в самом деле, с одной стороны, это право является неотъемлемым для каждого человека, а с другой стороны, ведь это еще и состояние. Потому что человек, не находящийся в состоянии ощущения этой свободы совести, он не обладает собственным достоинством. Если дальше по цепочке, получается совсем интересная вещь: обладание собственным достоинством — это гарантия того, что этот человек будет правовым, и его общество будет правовым, и государство, которое наполнено этим обществом, будет тоже правовым. Это такое краткое объяснение утверждения моих коллег по Институту свободы совести о том, что свобода совести — это основополагающее право, то есть право состояния. Это уровень культуры, если проще говорить, это уровень грамотности, образованности (от слова «образ», от слова «человеческий образ»), а не начитанность, не какая-то книжность. До тех пор, пока мы не изменимся достаточно серьезно (а для этого, естественно, требуется время), мы будем продолжать говорить о свободе совести, продолжать бороться за пунктуальное исследование принципов свободы совести. В разделе, который я внес в эту книгу, об этом не говорится. Там говорится о роли средств массовой информации в нынешнем состоянии свободы совести в России. Ну, а какое оно может быть? Журналисты, мои коллеги, многие бывают умнее, глупее, честнее, не честнее, они такие же люди, как мы все, так что там просто виднее и ярче отображаются все те сложности, о которых я только что говорил. Спасибо.

Сергей Мозговой. Спасибо! Владимир Наумович Ойвин, член комитета действия Всероссийского гражданского конгресса.

Владимир Ойвин. Проблема свободы совести — одна из основополагающих в рамках правозащитного движения, она гораздо шире, чем свобода вероисповедания. Вероисповедание — часть, причем не самая главная и не самая большая, в этом комплексе проблем. Потому что сейчас у нас в основном не запрещают людям верить, у нас скорее, наоборот, есть такое общественное массовое неприятие того, что человек неверующий. Человеку как-то становится неловко, когда его спрашивают: «Вы верующий или нет?» Человек не решается сейчас сказать, что он неверующий. Я человек верующий, но я считаю, что это очень нехороший симптом: это значит, что нетерпимость захлестала к нам через другие ворота, и это вещь очень опасная.

Есть еще один аспект этой проблемы. Это проблема общей клерикализации общества, то есть общество заставляет решать свои проблемы через какие-то клерикальные рамки, хотя далеко не все проблемы могут решаться этим путем, и решаться они должны не через конфессиональные рамки, а через рамки морали, которую устанавливают в каждой конфессии для себя. Но есть понятие общечеловеческой морали, которая проходит практически через все конфессии, вне зависимости от их направленности. Тем не менее происходит, и это очевидно, процесс клерикализации, но в основном именно через сращивание одной, так называемой формообразующей конфессии — Русской православной церкви, а точнее, Московского патриархата с властью. Причем к этому движению все время пристраиваются и какие-то другие конфессии, которые пытаются заигрывать с властью и пытаются как-то получить от нее какие-то преференции. Это опасно для самих конфессий: чем теснее объятия конфессии с властью, тем сильнее власть душит конфессию. Это безусловный, исторически подтвержденный факт — любая государственная религия в конце концов превращается в свою противоположность. Это то, что называется «цель оправдывает средства». Так вот — негодные средства до неузнаваемости, вплоть до самоотрицания отвергают цель. Об этом надо помнить в первую очередь тем конфессиям и тем священнослужителям, которые рвутся в объятия власти, которая обнимет их так, что им будет трудно вздохнуть. И это надо помнить всем верующим, кто попытается представить свое вероисповедание как истину в последней инстанции.

Сегодня, с моей точки зрения, при всем многообразии проблем в этой области, существуют две проблемы, на которые следует обращать особое внимание: первая — это проблема исламофобии. В этом случае мы сталкиваемся с поразительными явлениями, в частности, пытаются запретить и даже осуждать людей, допустим, за книги Саида Нурси. Понять, почему это делается очень трудно, ведь книги Саида Нурси призывают к терпимости, ненасилию и толерантности. Именно это, я думаю, не устраивает власти, потому что не зря сказано: «Веруйте, и вера сделает вас свободными», так вот, власть в принципе по своей природе всегда против того, чтобы люди были свободными, потому что иначе власть действовать не сможет, власть действует только силой и только через силовые ведомства. Власть органически отвратительна внутренне свободные люди и именно поэтому власть всегда будет выступать против тех конфессий, которые не лезут в ее объятия, что она и делает постоянно.

И вторая проблема: это проблема, так называемой, борьбы с «сектами». Если быть объективными и воспользоваться теми критериями «сект», которые пытаются внедрить в общественное сознание, так называемые, «сектоведы», наподобие господина

Дворкина, так в первую очередь подпадает под эти определения та конфессия, которую они представляют, за которую они борются,— это Русская православная церковь. Если следовать определению Дворкина, более «тоталитарной секты», чем Московская патриархия, вообще отыскать трудно, ну, может быть, Аум Синрике, и то не уверен. Потому что Московская патриархия претендует на то, что она имеет право вмешиваться в любые сферы деятельности человеческого общества, в любые, какими бы они не были сложными или не имеющими отношения к вере. Хотя если говорить абсолютно абстрактно, к вере имеют отношение все аспекты, но с точки зрения общества. Поэтому сегодня эта массированная борьба с «сектами» очень опасна. Спасибо.

Сергей Мозговой. Спасибо Владимир Наумович. Слово предоставляется члену Комитета действия Всероссийского гражданского конгресса Алексею Алексеевичу Пригарину.

Алексей Пригарин. Мне кажется, что мы живем в период массированного, фатального наступления церкви на гражданское общество. Происходит прямое нарушение Конституции Российской Федерации. Этому можно приводить тысячу примеров, и многие их привели, очень много примеров приведено в блестящей книге «Свобода убеждений, совести и религии в современной России». Спасибо вам за издание этой книги, поскольку это огромный фактографический материал по интересующей нас проблеме.

Натиску клерикалов нужно сопротивляться. Я считаю, Гражданский конгресс делает явно недостаточно в этом направлении, потому, что и комитет действия можно использовать шире на этом этапе сопротивления наступлению, на мой взгляд, феодальной реакции на современное общество. Используя для этого все организации, партии, которые являются членами Гражданского конгресса и непосредственно комитет действия, потому что ресурсы ограничены. А если привлечь к этой пропаганде все составляющие Конгресса, то эффект будет значительно большим, но сегодня этого пока нет.

И второе направление, которое меня волнует, о котором, к сожалению, почти ничего не говорится в книге, и в наших официальных заявлениях. Это вообще проблема самого большого из меньшинств и его прав — это права неверующих, не забывайте об этом. Каждая статистика считает по-своему, потому что верующие это те, кто соглашается под некоторым общественным нажимом считать себя таковыми, и те, кто действительно воцерковленный, исполняет все православные или мусульманские, или прочие обряды. И тут разница колоссальная. Но вот в вашей монографии приводятся цифры о том, что и тех и других чуть больше 40 процентов: верующих, и неверующих. Так вот 43 процента неверующих живут в стране. Между тем, вы не увидите ни на телевидении, ни в средствах массовой информации, ни даже во вполне либеральной «Новой газете», которая, безусловно, выступает за свободу совести, хотя и наносит отдельные уколы в адрес РПЦ, даже и она не скажет, что существует значительная часть общества, которая вообще не верит. Нигде это не упоминается, вообще неверующих как бы не существует, если смотреть наше телевидение и читать наши газеты. На фоне массированного давления уже не на какие-то реальные факты жизни, а на общественное мнение, когда нам постоянно вдалбливают: прежде всего РПЦ, а потом уже и остальные конфессии. Я полностью разделяю борьбу, которую ведут товарищи, отстаивая свободу совести и вероисповедования. Мы не являемся 100-процентными антикредулами, не собираемся снова превращать церкви в склады или в кинотеатры.

тры, но тем не менее я настаиваю на праве неверующих отстаивать свои позиции. Спасибо за внимание.

Людмила Алексеева. Ко мне приходил редактор журнала «Безбожник» и очень жаловался на то, как тяжело его нынешнее положение, как на него смотрят, как на какого-то изверга из-за того, что он неверующий. Я должна сказать, что мы ведь выросли в обществе, где с детства догматы веры семьей не внушались. Все-таки приход к вере это какой-то творческий, я бы сказала, акт в жизни каждого человека. Неужели все, кто сейчас посещает разные церкви, действительно верующие, они считают себя верующими, не являясь таковыми. Это тоже их право — право на убеждение. Поэтому мы должны отстаивать и их права. В нашем сложном обществе можно быть верующим, верующим наполовину, четверть верующим, верующим в разные вещи, самое главное, чтобы это каждый человек решал за себя, а не кто-то за него.

Реплика из зала. Разрешите маленькое уточнение. Дело в том, что А. Пригарин несколько неточное слово употребил, сказав, что мы с вами не антиклерикалы. Дело в том, что я знаю, что неверующие наверняка антиклерикалы, но вот я верующий и тоже антиклерикал, но я не антирелигиозник, так же как и неверующие, вот тут есть маленькая такая тонкость, потому что клерикализм — это господство какой либо конфессии. Религия — это дело частное, религия, так же как и неверие, должна быть защищена законом, является мировоззрением, ей должна быть обеспечена свобода.

Сергей Мозговой. Слово предоставляется Римме Поляк.

Римма Поляк. Свобода совести не должна пониматься как защита только религиозных убеждений. Сейчас в нашей стране существует перекося, ситуация, когда церковь, которая подвергалась гонениям, стала агрессивна и ее агрессия касается практически каждого из нас, независимо от вероисповедания. Это начинается со школы, с навязанного детям предмета Основы православной культуры, это касается армии, где сейчас пытаются ввести институт православных священников, это касается культуры. Например, происходит уже второй конфликт в Сахаровском центре, когда воинствующие христиане, хотя, наверное, их трудно назвать христианами, они сами себя считают христианами, пытаются закрыть художественную выставку.

Затем это имущественные права, которые касаются практически всех нас. Приведу один яркий пример — это уникальный музей Рязанского кремля, который местная епархия хочет отобрать в свою собственность. Госкомимущество, чтобы разрешить этот вопрос, априори хочет решить его в пользу церкви, пытается отобрать здание у городской гимназии, чтобы переселить туда музей, а церкви отдать уникальный комплекс Рязанского кремля.

В Москве был совершенно уникальный музей кукол, он находился в здании бывшей церкви, от которой уже ничего не осталось. Так вот музей просто выкинули на улицу, им даже не предоставили помещение. Я, например, знаю такие ситуации, когда представители Православной церкви обзывают частные фирмы и настаивают на том, чтобы им перечисляли средства, то есть практически собирают десятину.

Мне кажется, что это тоже относится к проблеме свободы совести, потому что такое агрессивное поведение не имеет отношения к религии, а имеет отношение к имуществу, к власти и деньгам, но оно преподносится под маркой религии, маркой свободы совести, происходит чудовищное искажение понятий.

Понимаете, мне кажется, что все эти проблемы, о которых мы сейчас говорим нужно популяризировать. Я хотела бы обратиться к журналистам, нужно больше писать

об этих проблемах, писать популярным языком для широкого круга читателей, писать о проблемах связанных со свободой совести, о проблемах связанных с клерикализмом. Проблема большая, но ей мало уделяется внимания.

Людмила Алексеева. Разрешите мне еще одну реплику. Московская Хельсинкская группа защищает права всех людей, а не только права религиозных людей.

Сергей Мозговой. Спасибо большое. Уважаемые коллеги, все члены комитета действия ВГК выступили, выступили и авторы книги, поэтому мы переходим сейчас к более активной части, даже интерактивной. Если у кого-то из вас есть вопросы по выступлениям или вопросы к авторам книги, вы можете их задать. Также можно подать реплику. Пожалуйста, президент Международной правозащитной ассамблеи Михаил Георгиевич Арутюнов.

Михаил Арутюнов. Я должен сказать, что я неверующий человек, хотя на меня и смотрят в связи с этим с большим подозрением и недоумением. Я вспоминаю 90-е годы, их начало, когда пошла волна, так сказать, признания веры, православия, и мы, неверующие, тоже ходили, восстанавливали, точнее, пытались восстанавливать права верующих. Но, к сожалению, все это приняло совершенно уродливые формы, и сейчас уже речь идет не о том, чтобы защитить права верующих, а о том, чтобы защитить права всех, в том числе и нас, неверующих. Я занимаюсь всеми конфессиями, причем я не говорю о верующих, а именно о конфессиях, и мой личный опыт показывает, что все конфессии стремятся доминировать, буквально все конфессии, будь они общепризнанные или же те, которых называют «сектантами» и т. д. Все ставят именно такую задачу и, по моему мнению, единственная группа людей, которая готова в прямом смысле этого слова защищать права и защищать свободу совести — это неверующие, которые не имеют никаких интересов, которые были бы связаны с той или иной конфессией.

Людмила Михайловна Алексеева сказала, что правозащитное движение мало связано с мусульманством. Мы проводили конференцию на Кавказе, и оказалось, что не все кавказцы верующие и не все верующие кавказцы мусульмане, о чем они, правда, говорили шепотом, но многие из них вступили в наши правозащитные организации. Поэтому я думаю, что многое зависит от того, пользуются ли они нашими возможностями, возможностями правозащитной организации. На этой конференции присутствовали представители 19 регионов России, и очень многие кавказцы просили нас включить их в правозащитное движение.

Людмила Алексеева. К сожалению, многие про нас не знают. Я говорю о мусульманском мире, мы неоднократно на протяжении многих лет пытались провести конференции или круглые столы, чтобы присутствовали представители разных религий, чтобы объединить их усилия в противостоянии напору государства на свободу совести и на религиозные организации. И, в общем, был представлен довольно большой спектр, но это все христианские организации, а мусульман не было. Я иной раз даже говорила, когда меня приглашали на ту или иную конференцию, «приду при условии, что будут представители мусульман». Однажды меня пригласили даже в мечеть, но и там не оказалось ни одного представителя мусульманского мира. Мне кажется, что мы не вхожи в мусульманский мир. Это наша проблема, потому что это же большое число наших сограждан.

Реплика из зала. Но это всеобщая проблема любых нарушений прав человека. До тех пор пока ничего не случится, человек ведь не обращается за помощью, а лишь тогда, когда ему эта помощь нужна.

Сергей Мозговой. У меня есть вопрос к Елене Рябининой. У вас в «Мемориале» накоплена солидная статистика по защите людей, которым инкриминируют преступные действия, но которые на самом деле не являются таковыми. Имея такую статистику и анализ уголовных дел, вы можете сделать какой-нибудь вывод, почему это происходит и кто за этим стоит, для чего происходят гонения на мусульман в Поволжье и на Кавказе.

Елена Рябининая. Это происходит по указке сверху для того, чтобы иметь под рукой образ врага, имея его, можно свободно наступать на права человека в области свободы вероисповедания и остальных областях, связанных с правами человека. Выражается это в том, что фабрикуются уголовные дела, вносится раскол в мусульманское сообщество. Мы наблюдаем, что те, кого не затронули репрессии, готовы вывернуться наизнанку, доказывая свою верноподданность. Доходит до того, что имамы сами поджигают свои рамоны и дают сведения в ФСБ.

Тот мониторинг, который мы проводили, не затрагивает Северный Кавказ. Так, на сегодняшний день по сфабрикованным делам об исламском экстремизме осуждены 74 человека, из них 55 с реальным лишением свободы. Это обвинение в участии в запрещенных организациях, которые бесосновательно признаны террористическими, это обвинение в подготовке действий террористического характера, причем совершенно необоснованно. Что существенно: репрессии касаются тех, кто пытается выступать в мусульманском же сообществе в защиту репрессированных, против кого дела были сфабрикованы. И нам известны факты по возбуждению уголовных дел против людей, которые давали показания в суде о том, что на предварительном следствии из них выбивали показания. Это означает, что попытка граждан воспользоваться конституционным правом судебной защиты закончилась наездом государственных защитников на самого человека.

Сергей Мозговой. Кто стоит за этим, как вы считаете?

Елена Рябининая. Я считаю, что роль местных властей и ФСБ в этом очень велика. ФСБ берет на себя роль эксперта по вопросу, что такое «традиционный» ислам и «нетрадиционный» ислам.

Владимир Ойвин. По методам ведения следствия по делам мусульман мы возвращаемся, даже возвратились уже не просто в советское время, более-менее вегетарианского КГБ, а в сталинские времена 37-го года. Людей на несколько десятков часов помещают в так называемые стаканы размером метр на метр, в которых они не могут не то что прилечь, но и присесть. Там их приковывают за руки к полу в сидячем положении, их сутками оставляют без воды, выбивая из них нужные показания. Конечно, это не приняло еще количественных масштабов сталинских репрессий, но качественно эти репрессии абсолютно приближаются к тем параметрам, которые использовались МГБ бериевского периода. Это представляет колоссальную опасность, поскольку эти процессы имеют тенденцию к не контролируемому расширению на другие слои общества, лиха беда начало, начинают с так называемого общего врага и распространяют потом на всех неугодных режиму.

Елена Рябининая. Это не начало, на самом деле это уже продолжение, это последствие действий так называемых правоохранительных органов Чечни, которое уже перешло на другие регионы России.

Сергей Мозговой. Спасибо. Предоставляется слово Сергею Василевичу Зуеву, Общество сознания Кришны.

Сергей Зуев. Хочу поблагодарить рабочую группу ВГК и Московскую Хельсинкскую группу за хороший, добротный труд. Хотелось бы, чтобы такие издания появлялись чаще, я считаю, что общество сегодня нуждается в такого рода материале, потому что идет клерикализация, идет наступление церкви, которая разрастается и поглощает, по сути дела, собой государство. Вайшнавизм в России существует менее 40 лет, это небольшая, так сказать, по историческим меркам полоса времени, но мы начали с того, что в России появились вайшнавизм в то время, когда были годы застоя, потом мы прошли вместе с правозащитниками весь период, когда приходилось бороться за права. И там же, в этом же подполье были и православные, и мусульмане, и не было деления на тех, кто хуже, кто лучше, это появилось потом, когда стали распределять кормушки. Когда уже появились блатные или приблатненные какие-то религии, которые стремятся в объятия кесаря и, так сказать, ближе к кормушкам. При этом права других пренебрегаются полностью. Так, на слушаниях в Московской городской думе депутаты, на мой взгляд, достаточно легковесно оперировали терминами, категориями, которые и религиоведам, вообще-то, не понятны. Допустим, депутат Стебенкова сказала: «Что вы тут размышляете? Нам все ясно, где «секты», списки у нас уже готовы. Мы уже разослали списки по всем управам Москвы, чтобы не предоставлять «сектантам» помещения для аренды».

Сейчас Россия нуждается в светском экспертном сообществе, квалифицированном для того, чтобы реально оценивать ситуацию, потому что ситуация меняется. Здесь говорилось о том, что к правозащитникам обращаются только те, кто гоним. Нет, сейчас правозащитный центр появился даже в православной церкви. Я понимаю, что слово «правозащитный» можно взять в кавычки.

Скорее всего ставится цель взять правозащитную деятельность в другие руки, чтобы решать вопросы, находясь на позиции «правильной» религии, единственно верной и т. д. Оперировать неправовой терминологией, бессодержательной, по сути дела, и загоняют в нее все, что угодно. Сейчас в эту терминологию загоняются и православные (кроме патриархата Московского), и мусульмане в различных регионах, и буддисты.

В Москве у нас одна организация буддистов, их считают «сектантами», а бурятских буддистов считают «традиционной религией». У вайшнавов, слава богу, нет еще этих процессов, где — это «традиционная религия», а это «сектанты». В этом отношении индуизм имеет несколько иную точку зрения, которая, на мой взгляд, была бы полезной и ценной для российского межрелигиозного пространства.

В Индии много конфессий, религий, огромное религиозное многообразие, но более или менее удается это многообразие, так сказать, не взорвать. В Индии не доминируют какие-то отдельные религии, потому что основной принцип, который действует, это не то, что человек относится к какой-то организации, потому что вера, она Господь Бог, а он не утверждал организации, он утвердил принципы, учения, и совесть, и веру. Но сейчас декларируется принцип принадлежности к организации, являющейся гарантией некоего спасения, гарантией лояльности государству. Сейчас модно быть православным, даже выгодно и, как раньше модно было быть членом КПСС, теперь стало модно быть православным. Времена меняются, а материальные принципы остаются.

У нас есть проблема, которая давно стоит на повестке дня. Это проблема строительства храма в Москве. Принципиальная проблема, потому что власти действуют последовательно, чтобы не давать возможности даже тем организациям, которые име-

ли храм, построить что-то в Москве. Мы видим, что существует ограниченное число мусульманских храмов, несколько иудейских храмов и все практически.

И наш вопрос решается очень медленно, к сожалению, до сих пор он не решен окончательно, хотя есть надежда. Мы нуждаемся в том, чтобы в обществе появилась взвешенная позиция, правовая позиция, которая представлена в этой книге. Мы за то, чтобы мониторинг организаций был, а мы со своей стороны готовы участвовать в такого рода деятельности. Мы готовы в этом отношении оказать всяческую помощь и поддержку. Спасибо.

Сергей Мозговой. Спасибо. Предоставляется слово Светлане Зобниной, «Содружество природной веры «Славия».

Светлана Зобнина. Мы находимся в такой среде, где массовое народное сознание, воспитанное десятилетиями, столетиями, тысячелетиями не имело субкультуры правового сознания. Права человека основаны на правовом аспекте и на гуманизме. Однако ни того ни другого в народе в полной мере не было. Каждый раз, когда наступает небольшая «оттепель», народ достаточно легко и охотно затаптывает героев ногами — морально и физически. Когда же к власти приходит, так называемая, сильная рука, то это встречается с одобрением, и получается, что одного человека ругают, за него же и голосуют и его же одобряют, и именно это происходит с церковью, которая выдвигает свои идеи, ценности, и они очень быстро находят отклик в народе.

Причем что еще происходит: сейчас правозащитное движение во многом держится на поддержке с Запада, я имею в виду частые обращения с проблемами в Европейский суд. Произошел такой хороший перехват всех инициатив, инициатив по воспитанию, проникновению в казармы, в тюрьмы, в школы, в СМИ и т. д., вообще такое хорошее победное шествие РПЦ, которая сама себя объявила правозащитной. Теперь сама идеология правозащиты начинает принадлежать им. Наша власть считается с Западом, теперь Папа Римский, в общем-то, человек совсем другой формации, Ватикан, который принимал решения гуманистического характера, уступили место более жесткому и консервативному мышлению. Поэтому они находят кажущийся общий язык с РПЦ и нашим правительством, которое ее поддерживает.

Они тоже не против снова взяться за права человека, более мягко, более осторожно. То поле образовательное, которое было за последнее десятилетие свободы слова, оно ушло, или перехвачено во многом. И правозащитники, всегда говорившие, что надо ставить определенные позитивные ценности и определенные идеи, теперь говорят: «мы только изучаем ситуацию», а другие «мы только защитники, мы помогаем тем, кого уже угнетают».

Сергей Мозговой. Действительно каждый человек работает на своем уровне, все уровни нужны. Кто-то прекрасно работает, как правоприменитель, как адвокат, кто-то прекрасно работает на другом уровне.

Уровень науки представляется крайне важным. Пять, шесть лет тому назад правозащитники употребляли без кавычек выражение «религиозный экстремизм» и предлагали с ним бороться. Сейчас они считают признаком плохого тона употреблять этот термин.

Многие ученые в позитивном смысле употребляли термин религиозная политика. Сейчас уже некоторые ученые поняли, что религиозная, вероисповедная политика — это путь в тупик, эта политика не может быть нравственной, потому что она использует религию в политических целях.

На ситуацию можно влиять на уровне понятийного аппарата, поэтому Институт свободы совести работает с научными учреждениями и в образовательных центрах. Даже студенты второго, третьего курсов оказываются более адекватны, чем некоторые профессора и доктора наук, которые в этой сфере работали 25, 30, 40 лет. Поэтому будущее у нас есть.

Дионис Георгиев. Я начну с конструктивного предложения. Мы недавно приняли обращение, это заявление об уважении к религиозным народным святыням. Вообще говоря, языческие организации с 2002 года приняли десяток разных текстов, обращений, заявлений, в том числе к Президенту, в которых настаивали на общих правах верующих и неверующих. В наших заявлениях, заявлениях религиозных групп, действительно соединяются права верующих и неверующих, вот здесь были реплики о том, что, так сказать, забыли о правах неверующих, язычники помнят об этих правах, хотя бы потому, что среди них были и неверующие.

Язычество — это мировоззрение, которое не уместается в религиозные рамки и заявления об уважении к религиозным и народным святыням, строится на том принципе, что святыни есть не только в религии, не только у конфессий, есть святыни у общества, которое может быть и не религиозным. Красная площадь — святыня для нашего народа, Родина — общая святыня и есть еще множество святынь. Священными можно назвать множество цветов, парков, земель, вод, рек, которые для народа, например, местного населения являются святыней, и нужно уважать и защищать их ничуть не меньше, чем храм Христа Спасителя. Построение в таких местах храмов является, вообще говоря, покушением на чужую святыню.

Мы предлагаем присутствующим здесь религиозным организациям, правозащитным посмотреть наше заявление, и, может быть, подписать его вместе с нами или принять что-то аналогичное. Потому что у правозащитников тоже есть святыни — это права человека. Можно сказать, что все правозащитники верят в права человека, так сказать, в некое высшее начало, которому они поклоняются. Вот с этой точки зрения я, конечно, согласен с концептуальной идеей, заложенной в книге. И хочу обратить внимание присутствующих на несколько последних страниц доклада, в которых изложена новая парадигма правового регулирования сферы свободы совести.

Я благодарен авторам за то, что они смогли кратко и емко ее изложить, в частности они пишут о том, что устарело разделение на верующих и неверующих. И вот пример, как мы действуем, развиваем наше заявление, в котором защищаются как права религиозных людей, так и нерелигиозных людей, в том числе и атеистов. Это является примером действия, исходя из этого принципа.

Правда, это приводит к некоторым противоречиям. Например, если утрачивается разделение верующего и неверующего, значит теряется смысл вопроса об участии религии в политике. Если мы размыли грань между верующими и неверующими, значит мы не можем ограничивать верующих людей в участии в политике, это первый вопрос. Второй вопрос, не является ли утопичной, вообще говоря, попытка отказаться от какого-либо идеологического влияния государства? Пока есть государственный строй, безусловно будет индоктринация сознания тех или иных идей.

Даже самое либеральное государство занимается массовой промывкой мозгов своих граждан, в том числе, идеей прав человека или идеей свободы совести. Поэтому предложение создать систему, в которой будет некая изоляция религии от участия в политике, и вообще в какой-либо индоктринации, мне кажется, утопично. Ско-

рее надо выстроить, на мой взгляд, грамотные правила игры, точно так же, как играют политики на своем поле, они же не собираются хвататься за оружие, или бомбить для того, чтобы решить проблему захвата власти. Я понимаю, что у вас отношение к этому вопросу строится на том, что среди религиозных деятелей есть большой потенциал того, чтобы призвать своих верующих взяться за оружие и поставить свою религию во главе государства, может не совсем так, но основной вопрос о покупке прав верующих и не верующих и как с ними быть.

Сергей Мозговой. Мы не предлагаем ограничивать верующих (а равно и не считающих себя таковыми) людей участвовать в политической жизни. Но мы выступаем против сращивания государства и религиозных институтов, использования религии политиками.

Второе, что касается утопий. Вы знаете, моя бабушка была верующей старообрядкой. Она не верила, что Юрий Гагарин полетел в космос. И действительно, когда-то полеты в космос были действительно утопией. То, что декларирует светское государство, это не утопия, это цель, к которой нужно стремиться. Гражданское общество когда-то тоже было утопией, сейчас где-то его больше, где-то меньше, где-то его нет, но тем не менее это будущее для многих стран.

Мы должны эту идеальную модель выстраивать. И в соответствии с этой идеальной моделью, не должно быть разделения на верующих и неверующих в системе права. Это все личная идентификация семьи, общины, человека.

Сергей Бурьянов. Я бы хотел добавить пару слов по поводу новой парадигмы и новых подходов, предлагаемых Институтом свободы совести. Дело в том, что прежде чем предлагать что-то новое, мы проанализировали то, что есть. И пришли к выводу, что оно настолько противоречиво, настолько некорректно с правовой точки зрения. Прежде всего речь идет об основополагающих принципах и понятийном аппарате.

По поводу союза религии с политикой: этот союз является противоестественным и, по нашему глубокому убеждению, крайне негативно сказывается на развитии человеческой цивилизации в целом. Союз религии с политикой превращает религию в идеологию, а политику в коррупцию. Поэтому одна из глобальных задач состоит в том что, их нужно разграничить. Каким образом это можно сделать? В обществе их действительно нереально разграничить, а в правовом поле можно попытаться. И мы разработали некие механизмы правовые, некие направления в виде теоретических разработок и идеальных моделей. И суть их заключается в создании механизма реализации свободы совести. На уровне субъективного права речь идет о совершенствовании представлений о свободе совести на основе перехода к новой парадигме. Затем можно говорить о совершенствовании правового института свободы совести и формировании системы правовых гарантий.

Да, действительно, разработки Института свободы совести несколько необычны с точки зрения устаревших подходов. Но кто-то должен был сделать эту работу, и мы взяли эту миссию на себя. Поэтому мы берем ответственность, готовы сотрудничать и слушать критические замечания.

Сергей Мозговой. У нас есть специальный «религиозный» закон — «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). В нем провозглашается и декларируется, что такое свобода совести по Конституции, а дальше говорится о регламентации деятельности религиозных организаций. При этом неверующие оказываются вне правового поля.

Например, в соседнем дворе высоко нравственные старушки живут, они исполняют прекрасно песни, хороводы водят, за детьми смотрят, когда родители на работу идут, помогают и присматривают за детьми, чтобы хулиганы их не обидели. Неужели они ведут безнравственный образ жизни, их деятельность не важна? Почему они не имеют тех же льгот, которых добиваются себе религиозные организации, благодаря лоббированию своих интересов?

Все должны быть в одном правовом поле, все гражданское общество, все некоммерческие организации должны пользоваться одним правовым статусом. Это один из принципов новой парадигмы свободы совести. Вот тогда будут правила игры едины, тогда не будет возможности кому-то опираться на некие организации, которые пользуются определенным священным авторитетом и могут сакрализовать властителя. Тогда не будет соблазна, когда все будут равны.

Реплика. Но ведь во всех делах, касающихся религии, всегда следователи, милиционеры и т. д. задают вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах человек приобрел те или иные религиозные убеждения. Хотя кому может быть дело до того, когда и почему человек становится религиозным.

Сергей Мозговой. Недавно на «антисектанских» слушаниях в Московской городской думе называлась в качестве религиозной общественной организации «Анастасия». А 26 декабря 2006 года на заседании диссертационного совета Д.502.006.11 при Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте Российской Федерации прошла защита диссертации Владимира Кулакова на соискание ученой степени кандидата философских наук «Религиозный фактор и национальная безопасность России (на материалах Южного Федерального округа)». Работа была выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре государственно-конфессиональных отношений (бывшая кафедра религиоведения) РАГС, возглавляемой Ольгой Васильевой. Специальность 09.00.13 — религиоведение, философская антропология, философия культуры. Научный руководитель — чиновник министерства регионального развития, а в прошлом функционер РПЦ МП Александр Журавский. Ведущая организация — Пограничная академия ФСБ России.

В качестве примера неких «религиозных угроз» в Южном федеральном округе соискатель взял именно «Анастасию». Удивительно, но официальные религиоведы с упомянутой кафедры РАГС, члены диссертационного совета Д.502.006.11 согласились с причислением к «религиозной секте» организации, которая не является религиозной. Вот что значит религия и политика вместе.

Анатолий Лецинский. Авторы книги «Свобода убеждений, совести и религии в современной России» проделали большую и нужную обществу работу. Однако позволю себе не согласиться с некоторыми оценками.

Вот они характеризует ситуацию в реализации вероисповедных свобод таким образом, что она поражена системным кризисом. В этой связи у меня возникает сомнение по поводу употребления понятия «кризис», да еще и «системный». Понятие кризиса можно применить к усложненной ситуации, которая появилась после некой стабильной, характеризуемой положительными чертами, длящейся многие годы обстановки вероисповедных свобод. В России же, как показывает история, она всегда была сложной, не отличалась либерализмом и демократизмом. Вот когда утверждаются либеральные ценности в сфере вероисповедных свобод, но все пойдет вспять, вот тогда и можно будет говорить о нем. А в настоящее время осуществляется процесс, в

котором происходит движение, причем, действительно, не без противоречий. Таким образом, о кризисе говорить еще рано.

Сергей Бурьянов. Спасибо, Анатолий Николаевич. Действительно, констатация системного кризиса в сфере свободы совести звучит несколько необычно, поскольку исследование «Свобода убеждений, совести и религии в современной России» проведено впервые.

Это некий итог многолетней работы Института свободы совести и ряда правозащитных организаций. Мы понимаем также, что такая оценка раздражает российскую власть и обслуживающих ее «официальных» ученых. В некотором смысле, поставленную еще в советские времена задачу «показывать Западу, что у нас есть свобода совести», никто не отменял.

Можно долго говорить о несовершенстве Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 года, но он положил конец законному ущемлению прав верующих. В 1993 году принципы свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений были закреплены в Конституции России. И это, несомненно, положительные черты утверждения либеральных ценностей в сфере вероисповедных свобод, закрепленные на законодательном уровне.

И вот, в 1997 году все пошло вспять. Именно в 1997 году с многочисленными нарушениями через Госдуму был «проташен» антиконституционный ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», преамбула которого выступила в роли некоего плацдарма для расширения наступления на конституционные права в сфере свободы совести.

Сегодня ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» пытаются «обелить», имитируют работу по его совершенствованию. Но начатое с его принятия наступление на свободу совести и светскость государства продолжается и расширяется сегодня.

И это наступление, подчеркиваю, носит системный характер. Иными словами, это наступление охватывает все уровни: науки и образования, законодательства и законотворчества, правоприменения, СМИ. Это не голословные утверждения. Все упомянутые уровни в виде отдельных разделов подробно отражены в нашей книге «Свобода убеждений, совести и религии в современной России».

Здесь системообразующее значение играет уровень науки и образования. Именно здесь предпринимаются попытки легитимации приоритета религиозной политики, термины «традиционная-нетрадиционная» религия, «духовная безопасность», «религиозный экстремизм», «тоталитарные секты» и пр. Следует заметить, что без научной легитимации основополагающих принципов и понятийного аппарата формирование дискриминационного законодательства крайне затруднительно.

В указанном контексте особого рассмотрения требует вопрос влияния религиоведения в правовой сфере. Это касается не только общетеоретических вопросов, но и практических (например, религиоведческая экспертиза). Любопытно, что в условиях отсутствия единого правового определения религии эксперты фактически определяют внешние проявления «религиозности» на предмет соответствия собственным представлениям о религии. Очевидно, что это выливается или в коррупцию, или в современную версию инквизиции.

О деструктивном влиянии системной коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями на религиоведческую науку можно говорить долго.

По моему мнению, российское религиоведение в значительной своей части является инструментом властных групп и заинтересованных корпораций, а научные критерии и принципы отходят на задний план. Это позволяет говорить о завершении формирования феномена «латексного религиоведения» в России. Кроме того, следует отметить довольно высокий уровень правового нигилизма и религиозной ксенофобии в религиоведческой среде.

В качестве вывода следует отметить, что правовое религиоведение в современных реалиях невозможно.

Михаил Ситников. Здесь говорилось об опасности размывания грани между религией и политикой, что это может осложнить возможность участия религии в политике. Но ведь здесь консенсус полный получается. Потому что религия и политика, это немного несовместимые вещи.

Существует универсальный уровень, это уровень права, на котором нет верующих и неверующих, есть живые люди, и есть сообщество людей, вот на этом правовом уровне можно сосуществовать, существовать всем с одинаковой степенью выгоды и т. д. Кто верит, кто не верит, как верит, я не говорю, в кого, а может быть, и в кого, это уже другой вопрос, это вопрос не нашего общежития.

Сергей Бурьянов. Я тоже считаю, что религия и политика несовместимые феномены. Однако политики думают иначе. Например, прошедшие думские выборы 2003 года показали массовость борьбы за «религиозный» электорат. Желание заработать дополнительные голоса за счет «религиозного фактора» даже в ущерб принципу свободы совести нашло определенное отражение в партийных документах. Речь идет о наличии в предвыборных программах политических партий Российской Федерации претензий на авторитет религиозных организаций, «традиционных ценностей», «духовности» и т. д.

Например, в программе партии «За Русь Святую» говорилось о необходимости выработки законодательства в духе нравственных и духовных традиций России, духовно-нравственного воспитания «силовиков» и «противодействия деятельности «тоталитарных сект», представляющих опасность для личности и общества».

Аграрная партия России ограничивалась декларацией открытости «для взаимодействия со всеми традиционно действующими на территории России религиозными конфессиями в сфере духовно-нравственного воспитания».

А вот у Народной партии Российской Федерации были далеко идущие планы. Программа партии прямо заявляла: «Мы законодательно закрепим право общества налагать ограничения на экономические и гражданские свободы, если они противоречат достижению общего блага и нравственному закону... Мы защитим общественную нравственность, традиционные духовно-нравственные ценности... Мы приведем законодательство в соответствие с отечественными правовыми идеалами и традициями, правовым сознанием россиян». И т. д. вплоть до изменения Конституции РФ.

Программа-договор избирательного блока «Родина» с избирателями предполагала: «восстановление и пропаганду традиционных ценностей российской культуры, приведение в соответствие с ними государственной информационной и культурной политики, пресечение пропаганды насилия и разврата в СМИ, установление отношений социального партнерства между государством и церковью».

Либерально-демократическая партия России выступала «против попыток подорвать позиции православия, которое исповедует большая часть верующих страны, и

пресечь распространение в России нетрадиционных и изуверских сект, деятельность которых, как правило, направляется зарубежными спецслужбами с целью подрыва стабильности и могущества России».

Коммунистическая партия Российской Федерации старалась не отставать в демонстрации приверженности «традиционным» религиям. Если судить по Программе КПРФ, вера в Бога не только вполне совместима с членством в Коммунистической партии, но и особо оговаривается приоритет «традиционных российских конфессий — Православия, Ислама и Буддизма», интересы которых лоббировались коммунистами еще в Государственной думе третьего созыва. Отсюда вытекает естественный, по их мнению, союз коммунистов с православием на основе общих, патриотических ценностей: «Соборность, народность и духовность явились важной предпосылкой восприятия массами идеи социализма».

«Единая Россия» сумела привлечь значительную часть «православного» электората благодаря тому, что президент занимает активную процерковную позицию, и это широко известно.

«Яблоко» в своей программе призывало, с одной стороны, к солидарности и единению людей разных вероисповеданий, а с другой — к взаимодействию с «традиционными» религиями.

В программе партии СПС говорится: «Мы против коррупции, против разрастания бюрократии и клерикализации власти... Мы озабочены ростом национальной нетерпимости, мы против того, чтобы власть манипулировала национальностью и религией граждан».

В целом же партии, позиционирующие себя как демократические, признают свободу совести на уровне деклараций и только в ее вероисповедной части. В реальной деятельности их позиция в данной области можно охарактеризовать в лучшем случае как неопределенную.

Сергей Мозговой. Результаты выборов 2003—2004 гг. показали, что эксплуатация религиозного фактора сработала в пользу только «партии власти» плюс оказала некоторое влияние на успех ее не вполне очевидных партнеров, созданных политтехнологами Кремля. Остальные претенденты на авторитет религии почти ничего не получили. Кроме того, этот фактор предрешил исход президентских выборов, в том числе поспособствовал в решении проблемы явки избирателей.

Нынешняя власть крайне нуждается в религии как в некоем, на ее взгляд, универсальном инструменте для удержания власти, чтобы с ее помощью избежать демократических процедур посредством механизма сакрализации. На эту роль годятся не все религиозные объединения, а лишь те, что проявили свое верноподданничество, стремление и способность к «симфонии», т. е. зарекомендовали себя в качестве «надежного» придатка власти предрежащих.

Влияние религиозного фактора на политику и выборы в современной России в полной мере до сих пор не исследовано. Во всяком случае, исследователи ограничиваются общей констатацией участия священников и иерархов церкви в той или иной предвыборной кампании, в том числе приводятся конкретные факты призывов духовенства Русской православной церкви или духовных лидеров мусульман голосовать за тех или иных кандидатов, политические партии и блоки.

Однако эти публикации описывают лишь вершину айсберга и не исследуют сущность политических технологий, связанных с системой государственно-конфессио-

нальных отношений, а потому носят поверхностный, в плане аналитики, характер. Отсюда выводы обычно звучат следующим образом: «религия не оказывает существенного влияния на исход выборов». В качестве примера приводятся такие партии как «Русь», «За Русь Святую», Народно-республиканская партия России, «Истинные патриоты России», Народная партия Российской Федерации, «Великая Россия — Евразийский Союз» и другие. «Видите, — пишут некоторые исследователи, — эти партии всюду использовали христианско-православную риторику, но не набрали и процента. Следовательно, — делают вывод они, — религиозный фактор на выборах не работает».

Сергей Бурьянов. Действительно, всякого рода «религиозные» партии, будь-то «православные» или «исламские», как правило, успеха у избирателей не имеют. Да и сами лидеры конфессий не устают заявлять, что не принимают участия в политической борьбе. Очевидно, что главными игроками «религиозно-электорального поля» являются власть и РПЦ МП. Взаимодействие между ними как раз и осуществляется в рамках религиозной политики. В результате власть через устойчивую связь и прямую поддержку РПЦ МП получает от нее авторитет-освящение, что позволяет ее креатурам успешно ставить себе на службу демократические процедуры.

В данном случае, многие из 80 процентов православных, по версии митрополита Кирилла (Гундяева) «по факту рождения, принадлежащие к РПЦ» (большинство из которых не ходят в церковь, а многие даже не верят в Бога), оказываются «верующими» в Путина и его партию.

Вот и в преддверии очередных выборов 2007—2008 гг. мы наблюдаем усиление тенденций политизации религии и клерикализации политики, нередко носящие характер политической коррупции.

К сожалению демпартии и правозащитное движение недооценили (и продолжают недооценивать) влияние фактора религиозной политики и государственно-конфессиональных отношений и крайне мало делают для защиты свободы совести и светскости государства в России. А ведь именно реализация свободы совести (свободы мировоззренческого выбора) в качестве основы свободного политического выбора, является противоядием от электорально-конфессиональных манипуляций власть предержащих.

Сергей Мозговой. Наше мероприятие подошло к концу. Я надеюсь, что обмен мнениями оказался полезным и будет продолжен в рамках рабочей группы по свободе совести комитета действия Всероссийского гражданского конгресса. Благодарю организаторов и участников.

5. ДОКУМЕНТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОНГРЕССА И РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО СВОБОДЕ СОВЕСТИ КОМИТЕТА ДЕЙСТВИЯ ВГК

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОНГРЕССА В ЗАЩИТУ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Реализация основополагающих конституционных принципов в области свободы совести находится в современной России в глубоком кризисе и подменяется приоритетами религиозной политики, проводимой государством в интересах властных групп и характеризующейся попытками использования авторитета религии в качестве инструмента избирательных технологий.

В результате нарушаются не только права верующих и религиозных меньшинств, игнорируются права неверующих, но и подавляется свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы, составляющие основу конституционного строя.

Среди задач религиозной политики — контроль мировоззренческой сферы и ограничение политической конкуренции, вплоть до формирования безальтернативной политической системы. А методы, наряду с клерикальной идеологизацией государственных, в том числе и силовых структур, системы образования предполагают манипулирование религиозными организациями.

Многочисленные льготы и даже прямое финансирование, адресованные части неких «традиционных религиозных организаций», сочетаются с неправовыми ограничениями деятельности, вплоть до религиозных преследований, «нетрадиционных» в представлении власти конфессий. Предпринимаются попытки научнообразного обоснования антиконституционной религиозной политики власти, а для ее законодательного закрепления в Государственную думу РФ регулярно вносятся соответствующие законопроекты и поправки. В СМИ проводятся идеи конфессионального превосходства «основных» религий, а для шельмования остальных применяется оскорбительный социальный ярлык «секта».

Неправовое разделение на «традиционные» и «нетрадиционные» религии неизбежно разжигает ксенофобию и нетерпимость, так как фактически делит граждан многонациональной России на «русских-православных» и «инородцев-иноверцев».

Властные группы фактически покупают политическую поддержку крупных религиозных организаций, что приводит к системной коррупции, охватывающей также сферы науки, образования, законодательства и правоприменения. А нынешний парламент способен законодательно закрепить вышеупомянутые тенденции, вплоть до конституционного оформления клерикальной идеологии.

Всероссийский гражданский конгресс осуждает религиозную политику власти, коррумпированные государственно-конфессиональные отношения и их последствия: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или

ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений. Особую озабоченность вызывают преследования мусульман и массовые нарушения прав родителей и детей на воспитание, образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям.

Религиозное (конфессиональное) образование, как в стенах государственной школы, так и вне ее, должно быть добровольным и финансироваться за счет самих верующих и религиозных организаций.

Всероссийский гражданский конгресс заявляет о необходимости консолидации здоровых сил общества с целью налаживания постоянной системной работы по реализации свободы совести в России. Для реанимации демократии в России необходимо добиваться прекращения порочной религиозной политики властей, осуществления общественного контроля над государственно-конфессиональными отношениями.

Всероссийский гражданский конгресс заявляет о целесообразности активного формирования широкой коалиции неправительственных организаций в целях систематизирования правозащитной работы в области обеспечения реальных гарантий свободы совести каждому.

Всероссийский гражданский конгресс заявляет о необходимости принятия председателем правительства России, министром образования и науки РФ, руководителем Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки и другими государственными лицами и структурами срочных действенных мер по приведению практики преподавания «Основ православной культуры» (и других конфессионально ориентированных дисциплин) в государственных образовательных учреждениях в соответствии с действующим законодательством и Конституцией России.

12 декабря 2006 года

ЗАЯВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ДЕЙСТВИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОНГРЕССА «О РЕЛИГИОЗНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЕ»

С 1 сентября 2006 г. в государственных общеобразовательных школах Белгородской и Брянской областей было введено преподавание «Основ православной культуры» (ОПК) в качестве обязательного предмета образовательной программы. Еще в более чем 30 регионах России ОПК и аналогичные конфессионально ориентированные предметы преподаются в качестве факультатива.

Нередко формально факультативный предмет ОПК на самом деле становится обязательным (например, его ставят в сетке занятий вторым-третьим уроком и дети просто вынуждены его посещать). Финансирование преподавания ОПК и его аналогов осуществляется за счет средств государственного бюджета.

Наряду с конституционными принципами свободы совести (ст. 28), светскости государства (ст. 14), равенства религиозных объединений (ст. 14) и граждан независимо от отношения к религии (ст. 19), законодательство России предполагает право на до-

бровольное получение религиозного образования в формулировках федеральных законов «Об образовании» и «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Действующее законодательство России допускает религиозное образование в государственной школе: «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы» (п. 4 ст. 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Таким образом, нарушение принципа добровольности религиозного образования является грубейшим нарушением законодательства и Конституции РФ.

Ответ на вопрос о финансировании религиозного (конфессионального) образования так же нужно искать в конституционно-правовом поле. Исходя из упомянутых конституционных принципов и в соответствии с п. 2 ст. 4. ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которым государство «обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях», государство не должно финансировать религиозное (конфессиональное) образование.

Религиозное (конфессиональное) образование, как в стенах государственной школы, так и вне ее должно финансироваться за счет самих верующих и религиозных организаций.

Комитет действия Всероссийского гражданского конгресса заявляет о необходимости принятия председателем правительства России, министром образования и науки РФ, руководителем Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки и другими государственными лицами и структурами срочных действенных мер по приведению практики преподавания «Основ православной культуры» (и других конфессионально ориентированных дисциплин) в государственных образовательных учреждениях в соответствии с действующим законодательством и Конституцией Российской Федерации.

4 октября 2006 года

ЗАЯВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ДЕЙСТВИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОНГРЕССА В ЗАЩИТУ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Реализация основополагающих конституционных принципов в области свободы совести находится в современной России в глубоком кризисе и подменяется приоритетами религиозной политики, проводимой государством в интересах властных групп и характеризующейся попытками использования авторитета религии в качестве инструмента избирательных технологий.

Многие процессы в сфере свободы совести, ранее протекавшие подспудно, сейчас выплеснулись наружу. Активность определенных религиозных и околорелигиозных кругов резко возросла.

В результате нарушаются не только права верующих и религиозных меньшинств, игнорируются права неверующих, но и подавляется свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы, составляющие основу конституционного строя.

Среди задач религиозной политики — контроль мировоззренческой сферы и ограничение политической конкуренции, вплоть до формирования безальтернативной политической системы. А методы, наряду с клерикальной идеологизацией государственных, в том числе и силовых структур, системы образования, предполагают манипулирование религиозными организациями.

Многочисленные льготы и даже прямое финансирование, адресованные части неких «традиционных религиозных организаций», сочетаются с неправовыми ограничениями деятельности, вплоть до религиозных преследований, «нетрадиционных» в представлении власти конфессий. Предпринимаются попытки наукообразного обоснования антиконституционной религиозной политики власти, а для ее законодательного закрепления в Государственную думу РФ регулярно вносятся соответствующие законопроекты и поправки. В СМИ проводятся идеи конфессионального превосходства «основных» религий, а для шельмования остальных применяется оскорбительный социальный ярлык «секта».

Неправовое разделение на «традиционные» и «нетрадиционные» религии неизбежно разжигает ксенофобию и нетерпимость, так как фактически делит граждан многонациональной России на «русских-православных» и «инородцев-иноверцев».

Властные группы фактически покупают политическую поддержку крупных религиозных организаций, что приводит к системной коррупции, охватывающей также сферы науки, образования, законодательства и правоприменения. А нынешний парламент способен законодательно закрепить вышеупомянутые тенденции, вплоть до конституционного оформления клерикальной идеологии.

Мы осуждаем религиозную политику власти, коррумпированные государственно-конфессиональные отношения и их последствия: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений. Особую озабоченность вызывают преследования мусульман.

Мы заявляем о необходимости консолидации здоровых сил общества с целью налаживания постоянной системной работы по реализации свободы совести в России. Для реанимации демократии в России необходимо добиваться прекращения порочной религиозной политики властей и осуществления общественного контроля над государственно-конфессиональными отношениями.

В качестве первоочередных мер сформирована рабочая группа при КД ВГК. В число ее первоочередных задач входит наладить координацию общих действий коалиции гражданских организаций, разработать адекватную методологию и методики, проводить системную просветительскую работу со СМИ.

Мы заявляем о целесообразности активного формирования широкой коалиции неправительственных организаций в целях систематизирования правозащитной работы в области обеспечения реальных гарантий свободы совести каждому.

Мы считаем целесообразным создание независимой общественной комиссии по расследованию антиконституционной религиозной политики и коррупции в сфере отношений государства с религиозными объединениями.

Мы считаем, что проблема кризиса реализации свободы совести в России (как свободы мировоззренческого выбора), включая проблему религиозных преследований, заслуживает рассмотрения на саммите «Большой Восемерки» в Санкт-Петербурге летом 2006 г. В указанном контексте считаем целесообразным, принятие соответствующего обращения от имени комитета действия ВГК.

К сожалению, в последнее время влияние фактора религиозной политики и отношений между государством и религиозными объединениями недооценивалось неправительственными организациями и правозащитным движением, что послужило весомым фактором крушения демократии в России. Однако нет сомнений, что сегодня для реанимации демократии необходимо добиваться прекращения этой порочной религиозной политики властей и осуществления гражданского контроля над государственно-конфессиональными отношениями.

29 марта 2006 года

ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОГРАММУ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВЕТСКОСТИ ГОСУДАРСТВА

**(вносятся рабочей группой по свободе совести комитета действия
Всероссийского гражданского конгресса)**

Свобода совести как свобода мировоззренческого выбора гарантируется Конституцией России (ст. 28) и является основой свободы как таковой, системообразующим правом в системе прав человека. Без свободного мировоззренческого выбора невозможна свобода политического выбора, а значит невозможна и демократия.

Попраirie свободы совести неизбежно ведет: к формированию безальтернативной тоталитарной политической системы; к авторитаризации власти; к массовым нарушениям прав человека; к росту ксенофобии, нетерпимости, дискриминации и насилию на их почве.

Светскость государства (ст. 14 Конституции РФ) является одной из основ строя и важнейшей гарантией реализации свободы совести.

Мы считаем, что реализация основополагающих конституционных принципов в области свободы совести находится в современной России в глубоком кризисе, поскольку подменяется приоритетами религиозной политики. Указанная политика проводится государством в интересах властных групп и определяется использованием авторитета религии в качестве идеологической аргументации и инструмента избирательных технологий.

В результате нарушаются не только права верующих и религиозных меньшинств, игнорируются права неверующих, но и подавляется свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы, составляющие основу конституционного строя, в т.ч. светскости государства и равенства религиозных объединений (ст. 14).

В итоге происходит тотальная клерикальная идеологизация государственных структур (в том числе — силовых и системы образования), манипулирование религиозными организациями.

Многочисленные льготы и прямое финансирование в отношении так называемых «традиционных религиозных организаций» сочетаются с неправовыми ограничениями деятельности, вплоть до прямых религиозных преследований, «нетрадиционных» в представлении власти конфессий.

Предпринимаются попытки научнообразного обоснования антиконституционной религиозной политики власти, а для ее законодательного закрепления в Государственную думу РФ регулярно вносятся соответствующие сомнительные законопроекты и поправки. В государственных СМИ пропагандируются идеи конфессионального превосходства «основных» религий, а для шельмования остальных применяется оскорбительный социальный ярлык «секта».

Неправовое разделение на «традиционные», «нетрадиционные» религии, «секты» неизбежно разжигает ксенофобию и нетерпимость, так как фактически делит граждан многонациональной России на «русских-православных» и «иностранцев-иноверцев», то есть всех остальных.

Властные группы фактически покупают политическую поддержку крупных религиозных организаций, что приводит к системной коррупции, охватывающей также сферы науки, образования, законотворчества и правоприменения. А нынешний парламент способен законодательно закрепить любые вышеупомянутые тенденции, вплоть до конституционного оформления клерикальной идеологии.

Среди последствий религиозной политики власти, реализуемой посредством коррумпированных государственно-конфессиональных отношений: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений.

Особую озабоченность здесь вызывают преследования мусульман и массовые нарушения прав родителей и детей на воспитание, образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям.

Мы считаем, что конституционные права человека на свободу убеждений, совести и религии оказываются погрязшими из-за наличия ряда факторов, среди которых доминирующими являются:

— научная неразработанность специфики проблемы свободы совести и светскости государства;

— неконституционность законодательства;

— нарушения на уровне судебной практики;

— неконституционная религиозная политика государства;

— коррупция в отношениях государства с религиозными объединениями;

— неадекватное освещение проблематики свободы совести в СМИ;

— доминирование соблюдения собственных интересов власти и конфессиональной бюрократии в ущерб общественным;

— политизация религии и клерикализация политики;

— позиция отдельных религиозных лидеров и организаций;

— неконституционная и аморфная позиция в отношении проблемы свободы совести политических лидеров и партий;

- эксплуатация политическими партиями ксенофобских стереотипов и штампов;
- имитация защиты свободы совести государственными правозащитниками;
- недостаточное внимание к проблеме защиты свободы совести со стороны правозащитных НПО;
- низкий уровень представлений о сущности свободы совести в обществе.

Эти факторы определяют угрожающе низкое юридическое обеспечение действенности гарантий свободы совести, уровень ее осмысления, а также качество законотворчества и правоприменения в этой области.

Выявленные причины кризиса свободы совести в России позволяют определить подходы к его преодолению.

Прежде всего следует отметить, что по причине системного характера проблемы, для ее решения необходим системный подход. Воздействовать при этом необходимо на все уровни, на которых формируется и от состояния которых зависит реализация свободы совести: это области науки и образования, законодательства и законотворчества, правоприменения, СМИ.

В качестве позитива необходимо формировать новое научное поле — выводить тему свободы совести из узкого круга устаревших научных представлений, политических и корпоративных интересов. В реалиях XXI века она должна стать предметом заботы широкого междисциплинарного научного сообщества.

Кроме научной разработки и совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести на основе максимально широкой концепции свободы совести, мы предлагаем следующее:

- регулярное проведение мониторинговых исследований в области свободы совести и области отношений государства с религиозными объединениями, включая долгосрочные тенденции концептуального характера и трансформацию законодательства;
- совершенствование правоприменительной практики;
- приведение государственной политики в области свободы совести в соответствии с Конституцией России;
- соблюдение принципов светскости государства, равенства религиозных объединений перед законом, идеологического многообразия;
- прекращение проведения государством клерикальной политики;
- разработку и реализацию антикоррупционной стратегии в отношении государства с религиозными объединениями;
- прозрачность, публичность, достоверное информирование общественности о процессах, происходящих в области отношений государства с религиозными объединениями;
- адекватное освещение проблематики свободы совести в СМИ;
- преодоление доминирования собственных интересов власти и конфессиональной бюрократии;
- преодоление политизации религии и клерикализации политики;
- восприятие идеалов свободы совести религиозными конфессиями;
- восприятие идеалов свободы совести политическими лидерами и партиями;
- реформирование деятельности государственных правозащитных структур в области защиты свободы совести;
- устранение тематического пробела в области защиты свободы совести правозащитными НПО;

— системную просветительскую работу по вопросам свободы совести в обществе.

Для реализации конституционных принципов свободы совести и светскости государства, преодоления ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в многонациональном и политконфессиональном российском обществе мы планируем ряд конкретных мер:

— осуществить научно-теоретическую и методологическую разработку проблематики свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями на основе комплексного междисциплинарного подхода;

— осуществить научную разработку темы квалификации нарушений и процедуры привлечения к ответственности чиновников категории «А» за коррупцию в области отношений государства с религиозными объединениями;

— усилить методологическую ответственность при решении вопросов, связанных с реализацией свободы совести и ее ограничениями, не допускать правового нигилизма, использования неправовых принципов и некорректных понятий, например таких, как «традиционные»-»нетрадиционные» религиозные организации, «секты», «тоталитарные секты», «духовная безопасность», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», «исламский терроризм»;

— реформировать деятельность государственных научно-образовательных учреждений в области свободы совести;

— разработать и внедрить государственные образовательные стандарты в области прав человека, включая свободу убеждений, совести и религии;

— реформировать законодательство о свободе совести и деятельности религиозных объединений;

— разработать комплекс мер по обобщению и совершенствованию правоприменительной практики;

— реформировать порочную систему взаимодействия государства с религиозными объединениями;

— реформировать систему государственной службы, регулирующей отношения государства с религиозными объединениями;

— реформировать государственную информационную политику в области свободы совести, государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений;

— реформировать деятельность государственных правозащитных структур в области свободы совести;

— разработать и внедрить эффективную систему взаимодействия с НПО по вопросам реализации прав человека, свободы совести и светскости государства;

— принять срочные и действенные меры по приведению практики преподавания «Основ православной культуры» (и других конфессионально ориентированных дисциплин) в государственных образовательных учреждениях в соответствии с действующим законодательством и Конституцией России.

май 2007 года

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРОТИВ
КСЕНОФОБИИ, НЕТЕРПИМОСТИ, ДИСКРИМИНАЦИИ
ПО МОТИВАМ РЕЛИГИИ ИЛИ УБЕЖДЕНИЙ**

Верстка *Н. В. Костенко*

Подписано в печать 25.12.2007. Бум. офсетная. Формат 70×100/16.
Московская Хельсинкская группа. 107045, Москва, Б. Головин пер., д. 22, стр. 1.
Тел./факс (495) 607-6069. E-mail: mhg-main@umail.ru. Адрес в Интернете: www.mhg.ru.
Типография «Микопринт». 109280, Москва, ул. Автозаводская, д. 13/1.
Распространяется бесплатно.